200 Дубл. 167

ГОДЪ ИЗДАНІЯ LXXI.

ВРЕМЕННИКЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАПИСКИ ЛЬВОВСКАГО СТАВРОПИГІОНА

на 1935 годъ.

ПОЯВЛЯЕТСЯ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
В. Р. ВАВРИКА.

2пр

ЛЬВОВЪ, 1934.

Типографія Ставроп. Инстит. въ арендѣ З. М. Медыцкаго, Львовъ, ул. Бляхарская 9.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ LXXI.

ВРЕМЕННИКЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАПИСКИ ЛЬВОВСКАГО СТАВРОПИГІОНА

на 1935 годъ.

ПОЯВЛЯЕТСЯ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. Р. ВАВРИКА.

ЛЬВОВЪ 1934

Типографія Ставропигійскаго Института въ арендѣ З. М. Медыцкаго

1469

III
РК
40.118

Львівська державна
наукова бібліотека
№ 13655

ЛБ АН УРСР
Ж. № 6210

Иванъ Федоровъ, русскій первопечатникъ.

С. Ю. Бендасюкъ.

Общерусскій первопечатникъ

Иванъ Федоровъ и основанная имъ Братская Ставропигійская печатня во Львовѣ.

Юбилейные годы Ставропигіи.

Въ половинѣ декабря 1933 года минуло 350 лѣтъ отъ кончины знаменитаго, трудившагося, умершаго и похороненнаго во Львовѣ, въ св. Онуфріевскомъ монастырѣ, основателя Братской, впослѣдствіи Ставропигійской, печатни во Львовѣ и первопечатника всей Великой, Бѣлой и Малой Руси, москвича Ивана Федорова.

Осенью же 1935 г. исполняется 350-лѣтіе отъ пріобрѣтенія этой, Ивана Федорова, печатни львовскимъ Успенскимъ Братствомъ въ собственность и первыхъ мѣропріятій этого Братства по организаціи своей братской печатни и такого ея устроенія и обезпеченія, что она, разъ навсегда и крѣпко упроченная, дѣйствовала въ теченіи ряда столѣтій и дѣйствуетъ нынѣ.[1])

Въ другомъ мѣстѣ этого выпуска нашего изданія обращено вниманіе на близкій юбилейный годъ Ставропигійскаго Братства, именно 1936-ой. Это также 350-тилѣтіе полученія Успенскимъ Б-вомъ первой учредительной грамоты Іоакима, патріарха антіохійскаго, отъ 1-го ст. ст. января 1586 г., съ братскимъ уставомъ

---

[1]) Изъ пастырскаго посланія львовскаго правосл. епископа Гедеона Балабана отъ 8-го ноября 1585 г. явствуетъ, что заложенная, было, у еврея Израиля Якубовича Иваномъ Федоровымъ печатня уже выкуплена на средства Успенскихъ братчиковъ въ братскую собственность, хотя и въ разсрочку выплаты долга еврею, за ручательствомъ епископа: »купили есмо — пишетъ епископъ въ своемъ посланіи — тые всѣ приправы друкарские, до друкарнѣ належачие... весполокь с паны мещаны... взялисмо их до рукь своих в скарьбницу церковную, давши за себе запис жидови з великим варованям тые полторы тисячи золотых дати на часы певные«. (См. Monumenta Confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis sumptibus Instituti Stauropigiani, edidit Dr. Wladimirus Milkowicz, tomus I, Leopolis 1895, № 79, pag. 111-112).

Она была первоосновой и первоисточникомъ ставропигійскихъ правъ и привилеевъ Б-ва, данныхъ ему и утвержденныхъ константинопольскими и другими восточными патріархами и королями польскими, и имѣла также чрезвычайно важное значеніе для братской печатни, которую тогда же патріархъ Іоакимъ совѣтовалъ основать и на которую затѣмъ собирать пожертвованія взывалъ въ своемъ посланіи отъ 15 ст. ст. января того же года.[2])

Жизни и дѣятельности этого высокозаслуженнаго общерусскаго первопечатника и исторіи братской Ставропигійской печатни и отводится предлежащая статья, съ заданіемъ изложить въ ней, по возможности, самое существенное и къ этой печатнѣ прямо или косвенно относящееся.

Первенство Ивана Федорова въ русскомъ книгопечатаніи.

Книгопечатаніе въ западной Европѣ возникло, постепенно развивалось и все шире распространялось уже съ половины XV вѣка.[3])

На славянскихъ земляхъ первая печатная книга появилась: въ Чехіи (Пильзнѣ) въ 1475 г., и вообще первая печатная славянская книга тамъ же (въ Прагѣ) въ 1478 г., первая печатная книга на церковно-славянскомъ языкѣ и кириллицей въ Краковѣ въ 1491 г., у южныхъ славянъ, въ Цетиньѣ въ 1493 г. (и одновременно, кажется, и въ Венеціи); на Руси вообще, именно въ Бѣлой Руси, въ Вильнѣ, въ 1525 г., въ Великороссіи, въ Москвѣ, въ 1564 г.

Появленіе въ какомъ-то мѣстѣ первой печатной книги еще не означаетъ тамъ начала постояннаго печатанія вообще, ни нахожденія тамъ долговременно и прочно установившейся и исправно работающей печатни. Скорѣе напротивъ, въ большинствѣ случаевъ и сначала долго, и въ западной Европѣ, и на славянскихъ земляхъ, это были только передвижныя, случайно открываемыя и временно дѣйствующія печатни.

На Руси, во всѣхъ трехъ ея составныхъ племенно-территоріальныхъ областяхъ, постоянно и прочно дѣйствующія печатни основалъ Иванъ Федоровъ,[4]) почему за нимъ въ литературѣ и исто-

---

[2]) Тамъ же, н-ръ 81, стр. 119—120.

[3]) По времени и пространству это распространеніе представляется такъ: Первая печатная книга въ Европѣ — это Библія (на латин. языкѣ) перваго европейскаго печатника Іоганна Гутенберга, въ Маинцѣ, ок. 1450 г. Затѣмъ первая печатная книга появляется: въ Италіи (Римѣ) въ 1464 г., во Франціи (Парижѣ) въ 1470 г., въ Голландіи (въ нѣск. мѣстахъ) въ 1473 г., въ Бельгіи и Швейцаріи въ 1474 г., въ Чехіи (Пильзнѣ) и Испаніи (Сарагоссѣ) въ 1475 г., въ Англіи (Лондонѣ) въ 1480 г., въ Даніи и Португаліи въ 1484 г., въ Польшѣ, но не польская и не латинская, а церковно-славянская, въ Краковѣ въ 1491 г., польская же первая печатная книга вообще въ концѣ XV. в., въ Австріи (Вѣнѣ) въ 1492 г.

[4]) Такъ онъ самъ себя называлъ, такъ его называли другіе и такъ принято называть его въ литературѣ русской и чужестранной; такъ называемъ его и мы,

ріи осталась слава первопечатника Великой, Бѣлой и Малой Руси. Это первенство давно уже ему признано и никѣмъ нынѣ не оспаривается. Все же, что до Ивана Федорова въ русскомъ печатномъ искусствѣ было сдѣлано внѣ Руси (въ Краковѣ, Прагѣ), или на Руси (въ Вильнѣ), или же, согласно предположеніямъ, могло быть сдѣлано (въ Москвѣ), — были только случайныя скоротечныя и примитивныя пробы основанія и веденія печатенъ. Уже тотъ самый фактъ, что Иванъ Федоровъ ввелъ и упрочилъ печатное дѣло во всѣхъ трехъ составныхъ частяхъ Руси, дѣлаетъ его однимъ изъ самыхъ видныхъ, не лишь двигателей, но и зиждителей общерусской культуры.

Положеніе церковно-славянскаго и русскаго книгопечатанія до Ивана Федорова.

Немногіе уцѣлѣвшіе и до нашего времени сохранившіеся памятники церковно-славянскаго и русскаго книгопечатанія, какъ случайные, рѣдкіе образцы первыхъ его опытовъ, своею примитивностью, отдаленностью мѣстъ*) ихъ появленія и невыдержанностью техническихъ пріемовъ, только еще ярче подчеркиваютъ и выдвигаютъ на первый планъ позднѣйшія мастерство и заслуги Ивана Федорова какъ первопечатника. Потому здѣсь приходится коснуться нѣсколькими словами этихъ пробныхъ печатныхъ первенцевъ.

Первыя двѣ книги на церковно-славянскомъ языкѣ и кирилловскимъ письмомъ напечаталъ не то нѣмецъ, не то славянинъ, Швейнполтъ Фіоль (Sveboldo Feyel),[5]) именно Октоихъ-Шестодневъ и Часословецъ, въ Краковѣ, въ 1491 г., обѣ въ 4°. Ему приписываютъ также напечатаніе (немного позднѣе) обѣихъ Тріодей, постной и цвѣтной, въ листъ. Какъ ни примитивны эти изданія, они все же показываютъ важный починъ въ печатномъ дѣлѣ: нашлись въ Краковѣ люди, знающіе это дѣло, наборщики, корректоры и даже редакторы этихъ печатаемыхъ тамъ церковно-славянскихъ книгъ. Нашелся также кто-то, давшій на эти из-

---

ставя только Ф вмѣсто Ѳ, скорѣе изъ-за технически-типогр. затрудненій. Между тѣмъ проф. И. Огіенко въ своихъ книгахъ употребляетъ собой смастеренную форму: **Іван Хведорович, фундатор постійного друкарства на українській землі.** Что же это? Попытка ли украинизовать этого коренного москвича даже по истеченіи 350 лѣтъ отъ его кончины?

*) Мѣстъ, называемыхъ И. Франкомъ только »точками, де почалася проба церковно-словянського друку в XVI віці«.

[5]) Нѣкоторые (чехи) называютъ его Святополкомъ Фіолемъ и считаютъ славяниномъ (чехомъ). Онъ — выходецъ изъ франк. г. Нейштадта на р. Эшъ, но происходилъ ли оттуда, не извѣстно. Вѣроятно былъ ученикомъ Гутенберга, привезъ же церковно-славянскія наборныя буквы (черенки) изъ Германіи (г. Брунсвика).

данія деньги, въ то время немалыя.[6]) Всѣ они, слѣдовательно, составляли собой извѣстную группу людей, считавшихъ напечатаніе такихъ книгъ дѣломъ полезнымъ, необходимымъ и надежнымъ въ смыслѣ спроса и сбыта.[7]) Все это не могло не отозваться будительнымъ откликомъ на славяно-русскомъ Востокѣ и не могло исчезнуть безслѣдно.

Но это печатное предпріятіе въ Краковѣ продержалось весьма коротко и было сорвано внезапно и насильственно. И эти напечатанныя книги и самого печатника постигла горькая участь: краковская духовная инквизиція (изъ ордена доминиканцевъ) арестовала его какъ еретика, а напечатанныя имъ книги были публично сожжены, почему нѣкоторыя изъ нихъ и не дошли до насъ. Претерпѣвъ эту напасть и съ трудомъ освободившись, Фіоль, съ нѣкоторымъ количествомъ еще спасенныхъ напечатанныхъ книгъ, бѣжалъ въ Венгрію[8]) и дальнѣйшая судьба его неизвѣстна.

Послѣ этого только четверть вѣка спустя сдѣлана была новая попытка славяно-русскаго книгопечатанія, бѣлороссомъ Францискомъ Георгіемъ Скориною[9]) изъ Полоцка, въ Чехіи, въ

---

[6]) Иванъ Франко (»Нарис історіі українсько-руськоі літератури«, Львовъ, 1910, стр. 40) высказываетъ мнѣніе, что книги Ш. Фіоля въ Краковѣ, въ 1491 г., были напечатаны стараніями и на средства (»заходами і накладом«) князя Константина Острожскаго (конечно, старшаго, Константина Ивановича). Кстати о странной манерѣ украинствующихъ цитировать Франка. Извѣстно, что И. Франко, б. членъ студенческаго »Академическаго Кружка« и соредакторъ его органа »Другъ« и сотрудникъ Ивана Наумовича по устройству вѣчъ и народной организаціи, хотя впослѣдствіи и сталъ украинствующимъ сепаратистомъ, но, какъ ученый и литераторъ, знающій прошлое и настоящее родного народа, употреблялъ по его адресу въ своихъ сочиненіяхъ названія: »галицько-руський«, »малоруський«, »українсько-руський« или же просто »руський«, и даже самъ себя называлъ до конца жизни (въ 1916 г.) галицкимъ русиномъ, русскимъ галичаниномъ или же просто русиномъ, но никогда украинцемъ. Зато свою жену называлъ украинкой, ибо въ самомъ дѣлѣ была уроженка Украины. Нынѣшніе украинствующіе, однако, цитируя его, безцеремонно ставятъ вездѣ вмѣсто этихъ названій »украинскій«. (»Нарис українськоі літератури« и т. д.), что, впрочемъ, дѣлаютъ съ цитатами не только Франка, но и другихъ украинствующихъ и даже гал.-русскихъ довоенныхъ писателей, и такимъ образомъ, вводятъ свою публику въ заблужденіе ложнымъ представленіемъ, что будто бы въ Галичинѣ царило тогда украинство въ ихъ нынѣшнемъ его пониманіи.

[7]) Правильно указываютъ нѣкоторые (проф. Огіенко и др.) на то, что въ тогдашней польской столицѣ, Краковѣ, находилось много православныхъ бѣло- и малороссовъ, которые и были вѣроятно ближайшими сотрудниками Фіоля въ печатаніи этихъ первыхъ церковно-славянскихъ кирилличныхъ изданій.

[8]) Этимъ обстоятельствомъ и объясняется сохраненіе отдѣльныхъ примѣрниковъ этихъ книгъ въ церквахъ Угорской Руси чуть ли не до самой всемірной войны.

[9]) Происходилъ Скорина (ред. ок. 1490 г.) изъ мѣщанской купеческой православной семьи, получилъ при крещеніи имя Георгій и православнымъ остался до своей кончины. Образованіе (медицинское) получилъ въ университетахъ въ Краковѣ и Падуѣ и, такъ какъ по тогдашнему обычаю вписывать православныхъ студентовъ, посѣщающихъ католическіе университеты, подъ католическими именами, онъ былъ занесенъ въ списки (въ Краковѣ, въ 1504 г.) какъ: **Franciscus Luce de Ploczko**, то таковое имя **(Францискъ)** за нимъ (по диплому д-ра медицины) въ дальнѣйшей его жизни и въ исторіи такъ и осталось.

Прагѣ, напечатавшимъ въ 1517—1519 гг. Библію на смѣшанномъ бѣло- и малорусскомъ нарѣчіи („Богу ко чти и людемъ посполитымъ к доброму научению".).

Его намѣреніемъ было напечатаніе „всеи бібліи рускаго языка", но удалось ему напечатать въ чешской Прагѣ только 22 библейскія книги, на средства виленскихъ мѣщанъ, Богдана Онькова, Якова Бабича и др., и затѣмъ такую же Псалтырь.[1])

Вернувшись на родину, Фр. Скорина напечаталъ добавочно въ Вильнѣ, въ 1525 г., въ домѣ виленскаго бургомистра Якова Бабича, еще Апостолъ и Малую Подорожную Книжицу (молитвословъ).[11]) Послѣ этого его дѣятельность, какъ печатника, прекратилась и его печатня пала, хотя части ея оборудованія хранились въ Бѣлой Руси долгое время.[12]) Потомъ печатное дѣло на Бѣлой Руси совершенно прекратилось чуть ли не на полвѣка, вплоть до прибытія туда и возстановленія его Иваномъ Федоровымъ.

Изъ исторіи всѣхъ этихъ болѣе или менѣе удачныхъ печатныхъ пробъ видно, что ни одна изъ этихъ передвижныхъ, кратковременныхъ и какъ будто только для заранѣе указаннаго, спеціальнаго заданія созданныхъ и пущенныхъ въ движеніе печатенъ (въ Краковѣ, Прагѣ и Вильнѣ) не можетъ считаться началомъ или основой позднѣйшаго систематическаго и прочнаго печатанія на Руси.

Начало книгопечатанія въ Москвѣ.

О распространеніи и упроченіи печатнаго дѣла въ западной Европѣ и о результатахъ вышеуказанныхъ опытовъ церковно-славянскаго печатанія въ Краковѣ, Прагѣ, Цетиньѣ, Венеціи и Вильнѣ было извѣстно и въ московскомъ государствѣ въ первой половинѣ XVI в. отъ чужеземныхъ посольствъ, торговыхъ людей („гостей") и путешественниковъ и не могло не вызывать интереса и желанія пересадить или же завести его у себя, тѣмъ паче, что печатными книгами несомнѣнно и несравненно легче, лучше и вѣрнѣй можно бы уберечь текстъ Священнаго Писанія и богослуженій отъ порчи при переписываніи или даже наборѣ, чѣмъ рукописными. Эти практическія соображенія были главной побудительной причиной основанія печатни въ Москвѣ.[13]) Существенная

---

[10]) Въ своемъ предисловіи къ ней Ф. Скорина заявляетъ, что »повелелъ есми псалтырю тиснути рускими словами и словенскимъ языкомъ«.

[11]) Въ составъ этой Малой Подорожной Книжицы вошли: Псалмы, Часословецъ, Акаѳисты, Каноны, Шестодневецъ, Календарь, Пасхалія.

[12]) Только въ 60-тыхъ гг. XVI в., въ протестантскихъ, напечатанныхъ несвѣжской печатней кн. Радивила, сочиненіяхъ Симеона Буднаго и Лаврентія Крышковскаго »для простыхъ людей языка рускаго«, замѣтно письмо наборныхъ буквъ (черенокъ) Ф. Скорины.

[13]) Соображеніями этими руководились, повидимому, и потомъ поддерживающіе Ивана Федорова круги въ юго-западной Руси (въ Вильнѣ, Львовѣ и особенно въ Острогѣ), почему и необходимо здѣсь на нихъ немного остановиться.

цѣль вводимаго книгопечатанія заключалась въ томъ, чтобы исправить и закрѣпить эти тексты и сдѣлать доступнѣе, популярнѣе и дешевле. Примѣръ Запада показывалъ практичность этого нововведенія, а трудности въ устраненіи и искорененіи ошибокъ и произвольныхъ измѣненій въ рукописяхъ повелительно указывали на его необходимость.

Надъ исправленіемъ этихъ текстовъ работали въ сѣверо-восточной Руси уже долгое время. Громадные и долголѣтніе труды вложили въ это важное дѣло новгородскіе архіепископы Даніилъ и особенно Геннадій. Въ началѣ XVI в. для исправленія книгъ въ Москву былъ вызванъ съ Аѳона ученый монахъ, также съ западно-европейскимъ образованіемъ, Максимъ Грекъ. Возглавляемая и руководимая имъ особая духовная комиссія-редакція собрала въ митрополичьемъ дворѣ, со всѣхъ концовъ государства большое количество библійныхъ и церковно-богослужебныхъ книгъ, русскихъ, греческихъ, болгарскихъ, сербскихъ и др., какъ рукописныхъ, такъ и напечатанныхъ уже на Западѣ, для сличенія, провѣрки и основательнаго выправленія ихъ текстовъ, причемъ было Максимомъ Грекомъ установлено, что эти тексты были переписчиками „растлѣны" и во многихъ случаяхъ стали для употребленія непригодными.[14])

О необходимости введенія книгопечатанія въ Москвѣ, поэтому, заговорили впервые рѣшительно въ 1551 г. на т. наз. Стоглавомъ Соборѣ, и, по благословенію митрополита Макарія[15]) и повелѣнію царя Ивана Васильевича Грознаго, начались къ нему вступительныя приготовленія. И царь и митрополитъ за помощью въ этомъ новомъ, но вполнѣ созрѣвшемъ дѣлѣ обращали свои взоры на свѣдущій уже въ немъ и опытный Западъ, вліяніе котораго въ то время въ Москвѣ замѣтно сказывалось, но обращались къ нему крайне осторожно, съ недовѣріемъ и опасеніями, такъ какъ Западъ, посылая въ Москву своихъ знатоковъ любого дѣла, въ ихъ числѣ и печатниковъ (первыхъ, кажется, итальянскихъ), пытался навязать ей вмѣстѣ съ тѣмъ и свою вѣру, т. е. „латинство" и „люторство". Много помогло содѣйствіе сносившагося съ Иваномъ Грознымъ датскаго короля Христіана III. Весной 1552 г.

---

[14]) См. Ф. И. Свистунъ: Старопечатныя славяно-русскія книги Библіотеки Народнаго Дома во Львовѣ и развитіе книгопечатанія на Руси — въ Вѣстникѣ Народ. Дома, Львовъ, 1907 г.

[15]) Знаменитый митр. Макарій занималъ московскую каѳедру въ теченіе всей первой половины царствованія Ивана Грознаго (до своей кончины въ 1563 г.). При немъ и подъ его главенствомъ и водительствомъ произведены были въ Москвѣ всѣ тѣ преобразованія, узаконенія и устроенія ея жизни вообще, значеніе которыхъ было огромно для рус. прав. Церкви, московскаго государства, развитія государственно-общественной мысли и даже міровоззрѣнія московской духовной и мірской знати, какъ: канонизація русскихъ святыхъ, созванный для исправленія недостатковъ русской жизни Стоглавый Соборъ (подъ его предсѣдательствомъ), собраніе Четіихъ-Миней, составленіе историч. сборника п. з. »Степенная книга« (по степенямъ генеалогіи великихъ князей), »Домострой« царскаго совѣтника, попа Сильвестра, и др. И основаніе первой печатни въ Москвѣ — въ высокой степени заслуга его, какъ церк. первоіерарха, отъ соизволенія и благословенія котораго это дѣло особенно зависѣло.

онъ прислалъ въ Москву своего миссіонера и вмѣстѣ съ тѣмъ опытнаго печатника Ганса Миссенгейма, который, вмѣстѣ съ живущими уже въ Москвѣ италіанскими и, вѣроятно, также бѣлорусскими и малорусскими печатниками, вскорѣ съорганизовалъ первую печатню прежде всего въ томъ смыслѣ, что снабдилъ ее всѣмъ необходимымъ въ техническомъ отношеніи и подобралъ и втянулъ въ ея работу подходящихъ людей. Участіе въ этомъ дѣлѣ бѣло- и малороссовъ тѣмъ болѣе вѣроятно, естественно и понятно, что нѣкоторые изъ нихъ, быть можетъ, уже съ нимъ ознакомленные, — старшіе въ печатнѣ Швейполта Фіоля въ Краковѣ, младшіе же въ печатнѣ Ф. Скорины въ Прагѣ и Вильнѣ,— какъ православные, внушали москвичамъ большее довѣріе, чѣмъ чужестранцы-иновѣрцы. Впрочемъ же, и внѣшній видъ, подборъ письма, украшеній и пр. въ первыхъ, въ Москвѣ напечатанныхъ книгахъ, показываютъ, что оборудованіе печатни и исполненіе первыхъ ея работъ не могли обойтись безъ содѣйствія русскихъ силъ, мѣстныхъ и пришлыхъ, т. е. велико-, бѣло- и малороссовъ.[16])

Въ составѣ учениковъ и подмастерьевъ печатника-датчанина работали и два будущихъ основателя и утвердителя печатнаго дѣла на Руси: житель Москвы, „москвитинъ", какъ и самъ себя впослѣдствіи называлъ и подписывалъ, гостунскій[17]) діаконъ, Иванъ Федоровъ, и бѣлороссъ, Петръ Тимофеевъ (или Тимофеевичъ) Мстиславецъ.[18])

Оба оказались, повидимому, весьма способными, во всякомъ случаѣ лучшими иныхъ, мастерами печатнаго ремесла, разъ царь и митрополитъ поручили именно имъ обоимъ окончательное завершеніе, устроеніе и веденіе этой первой въ Москвѣ печатни въ 1563 г.

Въ теченіи десятилѣтія, отъ 1553 г., когда „повелѣніемъ благочестиваго царя и неликаго князя Ивана Василіевича всея Русіи и благословеніемъ преосвященнаго Макарія митрополита начаша

---

[16]) Тогдашними (т. е. 2-ой полов. XVI в.) первыми печатниками, бѣло- и малороссами, въ Москвѣ была подготовлена почва для дѣятельности позднѣйшихъ малорусскихъ печатниковъ тамъ же. Такъ уже въ началѣ XVII в. ученикъ Острожской печатни, также основанной Иваномъ Федоровымъ, волынецъ Анисимъ Радишевскій, прибылъ въ Москву, снискалъ себѣ милость и покровительство у царя и основалъ опять же »въ царскомъ дому« свою печатню, въ которой, въ 1606 г., напечаталъ въ листъ, въ 936 стр., первое печатное московское Евангеліе, а въ 1610 г., также въ л. и на 2512 стр. первый Уставъ. На этомъ первомъ въ Москвѣ печатномъ Евангеліи и отмѣчено, что оно напечатано »мастерствомъ многогрѣшнаго Анисима Михайлова сына Радишевскаго, волынца«.

[17]) Въ Москвѣ, въ Кремлѣ, церковь Николы Гостунскаго была построена еще царицей Софіей Палеологъ и называлась первоначально церковью Николы Льняного. Но въ 1505 г. въ ней былъ умѣщенъ принесенный изъ села Гостуни чудотворный образъ св. Николая и съ того времени она стала называться церковью Николы Гостунскаго, отсюда и служившій при ней Иванъ Федоровъ — діакономъ Гостунскимъ.

[18]) Происходилъ изъ мѣстечка Мстиславля въ могилевской губерніи.

изыскивати мастеръства печатныхъ книгъ", [19]) и построенъ былъ въ Кремлѣ для печатни особый домъ, до 1563 г., когда, по ихъ же повелѣнію, „друкарня съставися въ царствующемъ градѣ Москвѣ, [20]) все это предпріятіе было столь изрядно налажено и оправдало себя своей пригодностью до того, что и въ годину обрушившейся на него катастрофы, выдержало искусъ, во всякомъ случаѣ не пало окончательно, его уже не постигла судьба печатенъ Фіоля въ Краковѣ и Скорины въ Прагѣ и Вильнѣ, оно оказалось болѣе выносливымъ, прочнымъ и практически-жизненнымъ.

Печатня эта, основанная съ особой цѣлью — устранить неправильное списываніе книгъ церковно-богослужебныхъ и Свящ. Писанія, оборудованная, содерживаемая и ведомая на средства царя и по указаніямъ и подъ надзоромъ митрополита, являлась спеціальнымъ церковно-государственнымъ учрежденіемъ, со всѣми вытекающими изъ этого положенія послѣдствіями. [21]) Это было, совершенно — что называлось — „государево дѣло", о чемъ наглядно и убѣдительно свидѣтельствуютъ историческіе источники. [22])

---

[19]) Послѣсловіе московскаго Апостола 1564 г. (Не желая испещрять статью слишкомъ частыми указаніями источниковъ, ограничиваюсь отмѣченіемъ только важнѣйшихъ).

[20]) Послѣсловіе львовскаго Апостола 1574 г.

[21]) Послѣдствіями, какъ положительнаго, такъ и отрицательнаго характера. Для пониманія дальнѣйшаго хода дѣла и событій въ Москвѣ, необходимо уяснить себѣ сущность измѣненія въ способѣ производства доселѣ рукописныхъ, а отселѣ печатныхъ книгъ. За погрѣшности въ первыхъ, рукописныхъ, былъ отвѣтственъ лично самъ переписчикъ и, самое большее, быть можетъ, еще его ближайшій наставникъ, обычно и часто, уже впередъ въ своей рукописной книгѣ просилъ за нихъ у читателя снисхожденія и прощенія, признаваясь въ томъ, что, молъ, »азъ, многогрѣшный, по немощи человѣческой и діавольскому наважденію« и т. д. напуталъ много. И читатель понималъ и прощалъ тѣмъ легче и охотнѣе, что та же книга, въ другомъ спискѣ, уже, быть можетъ, не заключала въ себѣ тѣхъ именно ошибокъ, но иныя, другого многогрѣшнаго, которыя ,все же, по сличеніи текстовъ, не трудно было въ рукописи исправить. Во вторыхъ, печатныхъ, тѣ же опечатки и ошибки были уже во всѣхъ, многихъ примѣрникахъ изданія и исправить ихъ было гораздо труднѣе, да и отвѣтственность за нихъ была коллективная, по крайней мѣрѣ въ глазахъ и умахъ населенія, печатниковъ, корректоровъ, радекторовъ и издателей. Затѣмъ, правда, съ одной стороны, тексты печатаемыхъ въ такомъ спеціальномъ церковно-государственномъ учрежденіи, каковымъ была эта первая печатня въ Москвѣ, получали уже тѣмъ самымъ высшее утвержденіе, но, съ другой, и ошибки въ нихъ, все равно, фактическія и существенныя, или же мнимыя и мелкія, считались въ общественномъ мнѣніи непростительными, непоправимыми, сугубо роковыми, вредными и опасными, ибо прикрывалъ и осѣнялъ ихъ авторитетъ высшей церковной и государственной власти.

[22]) Обстоятельно и красиво представлено это въ одномъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ: »Царствующу надъ всею Русією царю и великому князю Іоанну Василіевичу всеа Русіи, вложи єму Богъ на умъ благую мысль, єже бы єму изряднѣє въ Рустѣй земли учинити и вѣчная память по себѣ сотворити: произвести бы єму отъ письменныхъ книгъ печатныя, крѣпкаго ради исправленія и утвержения и скораго дѣланія и легкія ради цѣны и своея ради похвалы, также бы въ царствующемъ градѣ Москвѣ и во всей Росіи учинити, якоже въ грекахъ и въ нѣмецкихъ земляхъ, въ Виницѣй (т. е. Венеціи) и во Фригіи (Италіи) и въ Бѣлой Руси въ Литовстѣй земли, и въ прочихъ тамошнихъ странахъ, дабы было святыя книги праведно и несмутно всякому православному христіанину прочитати и глаголати по нихъ... И тако повелѣніемъ царя и благослове-

Оба печатника, Иванъ Федоровъ и Петръ Мстиславецъ, начали 19 апрѣля 1563 г. печатаніе Дѣяній Апостольскихъ и закончили его въ слѣдующемъ, т. е. 1564 г., 1-го марта, въ листъ, на 6+261 лл. Ровно же полтора года спустя (2 сентября 1565 г.) оба они начали печатать Часовникъ (Часословъ) и закончили его въ томъ же 1565 г., 29 октября, въ 8⁰, на 172 лл., судя по его послѣсловію.

Первая изъ нихъ, т. е. Апостолъ, съ гравированными заставами и заголовками, съ большими заглавными буквами, свидѣтельствовала о томъ, что оба печатника были знатоками всѣхъ частностей печатнаго мастерства, умѣющими не только набирать, но и отливать литеры (черенки) и вырѣзывать матрицы. Употребленное ими печатное письмо, повидимому, не было привезено изъ заграницы, но было изготовлено въ Москвѣ полностью и сохранило строгую чистоту и правильность московскаго пошиба письма во всѣхъ буквахъ и знакахъ, и было надлежаще, задолго до того, испробовано.[23])

По напечатаніи, однако, этихъ двухъ книгъ, Иванъ Федоровъ и Петръ Мстиславецъ, вынуждены были оставить Москву, и съ ихъ уходомъ печатня свою дѣятельность прекратила, ибо была озлобленною толпою разрушена, быть можетъ, даже сожжена. Все же этотъ ея разгромъ толпою врядъ ли былъ такимъ полнымъ и уничтожающимъ, какъ прежде принято было полагать, разъ, уходя, оба печатника взяли изъ нихъ и вывезли съ собой многіе предметы ея оборудованія и печато-письма, и разъ остатки ея, уцѣлѣвшіе и сохранившіеся въ Москвѣ, дали возможность нѣсколько позднѣе возстановить тамъ печатню и возобновить печатаніе.

Причиной нападеній на обоихъ печатниковъ и разгрома ихъ печатни было заподозрѣніе ихъ и ихъ близкихъ сотрудниковъ въ ереси и объявленіе печатни вреднымъ („злымъ") дѣломъ со стороны не только толпы, но и духовной и мірской знати, какъ объяснилъ впослѣдствіи самъ Иванъ Федоровъ: „Презѣлнаго ради

ніемъ Макарія митрополита, начаху людіе изыскивати мастеровъ къ тому печатному дѣлу, кто бы смысленъ и разуменъ обрѣлся къ таковому дѣянію; и обрѣтеся нѣкто хитръ, разуменъ и смышленъ къ таковому орудію у Николы чудотворца Гостунского діаконъ званіемъ Іоаннъ Ѳедоровъ сынъ да клевретъ его Петръ Тимоѳеевъ сынъ Мстиславецъ, оба явистася искусна таковому хитрому дѣлу. Глаголютъ же нѣцыи о нихъ, яко отъ самѣхъ тѣхъ фрягъ (италіанцевъ) таковое ученіе пріяста, сего ради повелѣнно бысть отъ царя то дѣло составляти... Повѣствуетжеся отъ нѣкихъ, яко преже ихъ нѣцыи, или будетъ и они сами, малыми нѣкими и искусными (въ) начертаніи печатаваху книги. Послѣди же совершеннѣ той Іоаннъ да Петръ искусъ пріяста отъ тѣхъ преже реченныхъ фрягъ«. (»Сказаніе извѣстно« въ книгѣ П. Строева, »Описаніе книгъ Царскаго«, Москва, 1836 г.).

[23]) Невольно въ виду этого возникаетъ вопросъ, не печаталось ли ими въ Москвѣ уже чтонибудь до этого? не вышло ли чтонибудь изъ московской печатни до появленія этого Апостола? Нѣкоторые (А. Е. Викторовъ, П. В. Владиміровъ) догадываются, что да, что будто бы первой книгой изъ нея вышедшей было не дошедшее до насъ Евангеліе, равно же, какъ догадывается архим. Леонидъ, напечатанное Иваномъ Федоровымъ. Но всѣ эти догадки и предположенія до сихъ поръ не обоснованы убѣдительно.

озлобленія, часто случающагося намъ, многіє началники и священноначалники и учители на насъ, зависти ради, многія ереси умышляли, хотячи благоє во зло превратити и божіє вконецъ погубити". (Послѣсловіе льв. Апостола 1574 г.). И, конечно, за подстрекательствомъ этой духовной и мірской знати, толпа дерзнула броситься съ ожесточеніемъ на „государево дѣло" и разрушить его.

Подозрѣніе въ ереси, при остромъ недовѣріи къ Западу, [24]) вообще, могло быть вызвано не только какиминибудь вольными или невольными, а то, быть можетъ, и неизбѣжными и даже совершенно оправданными отступленіями въ текстѣ печатаемыхъ книгъ, отъ текста рукописныхъ, но и мелкими и неважными опечатками.

Изъ-за покровительства, оказываемаго со стороны царя и митрополита печатному дѣлу, эти круги относились къ обоимъ первопечатникамъ съ завистью.[25]) Толпа же погромщиковъ печатни

---

[24]) Недовѣріе нашихъ московскихъ сородичей къ Западу раздѣлялось и юго-западной Русью, хотя въ ней оно проявлялось не такъ остро. Оно имѣло свои глубокія причины, освѣщеніе которыхъ — предметъ общей исторіи Руси, здѣсь же укажемъ только нѣкоторыя, это: обѣщанія Запада дать помощь Руси противъ татаръ и турокъ, но съ условіемъ заключенія Русью церк. уніи съ Римомъ, (галицкимъ князьямъ Роману и Даніилу, московскимъ вел. князьямъ и царямъ); русское народное убѣжденіе, что взятіе турками Царьграда въ 1453 г. было карой Божіей за подписаніе имъ Флорентійской уніи въ 1439 г. (подписавшій ее отъ имени Руси митр. Исидоръ былъ прогнанъ изъ Москвы и не принятъ въ юго-западной Руси); нападенія шведовъ на Новгородскую и Псковскую земли и ордена крестомеченосцевъ на Литовскую Русь; тяжкое положеніе юго-западной Руси и наступательный въ ней походъ католичества на православіе, іезуиты и т. д. А между тѣмъ Москва, единственное свободное православное царство, становилась и объявлялась третьимъ Римомъ, выростала въ глазахъ современниковъ въ хранительницу православія не только для Руси, но и другихъ православныхъ народовъ, порабощенныхъ »агарянами«, болгаръ, сербовъ, молдаванъ и самихъ же грековъ, отсюда и опасенія, чтобы въ Москвѣ православное благочестиє не было западными »прелестями«, интригами и вліяніями подорвано, были велики и серьезны. Отсюда и подозрительность къ печатному двору, въ которомъ хозяиномъ былъ датскій миссіонеръ, какъ мастеръ, и подмастерьями пришельцы съ Запада. Произошелъ же этотъ разгромъ печатни уже послѣ смерти митрополита Макарія. Показательно и то, что въ исторіи глухо о томъ, были ли погромщики за разрушеніе царской печатни наказаны и какъ, и вообще были ли наказаны.

[25]) Что печатники были заподозрѣны въ ереси также »зависти ради« — это несомнѣнно и это подчеркнуто самимъ Иваномъ Федоровымъ. Но чтобы главнымъ мотивомъ этой зависти были матеріальныя соображенія и въ частности опасенія переписчиковъ, что потеряютъ заработокъ, — менѣе всего вѣроятно. А между тѣмъ по нынѣшней тенденціи и модѣ объяснять историческіе процессы и событія съ матеріалистически-экономической точки зрѣнія, этотъ мотивъ выдвигается съ очевидными натяжками, часто и упрямо. Извѣстно, что переписчиками книгъ были монахи, по своему положенію и міровоззрѣнію меньше всего заинтересованные въ матеріальной прибыли отъ этого своего занятія, а работающіе въ этомъ богоугодномъ дѣлѣ ради замоленія своихъ грѣховъ и спасенія души, съ иноческимъ смиреніемъ, въ высшей степени самоотверженнымъ и трогательнымъ. Кромѣ того, нельзя упускать изъ виду, что, съ введеніемъ на Руси книгопечатанія, переписчики своего занятія и, если хотите, »заработка«, отнюдь не лишались, ибо, несмотря на все увеличивающееся количество печатныхъ книгъ, онѣ все таки долгое время были весьма дороги, дороже иногда даже рукопис-

пылала инстинктивнымъ отвращеніемъ къ соблазнительному новшеству[26]) въ священномъ, церковно-богослужебномъ дѣлѣ. Впрочемъ же нападеніе толпы обрушилось больше на печатниковъ, чѣмъ на печатню. Иначе трудно было бы себѣ объяснить тотъ фактъ, что московская печатня (та же или же реорганизованная — все равно), нѣсколько лѣтъ спустя стала снова работать, и изъ нея уже въ 1568 г. вышла напечатанная Никифоромъ Тарасіевымъ и Н. Тимофеевымъ Псалтырь. Затѣмъ, правда, дѣятельность и этой печатни снова была прервана, но опять возобновилась съ 1577 г. уже въ Слободѣ около Москвы. И только съ 1589 г. (годъ установленія въ Москвѣ патріаршества) она работала уже долгое время правильно и безпрерывно, хотя и не такъ успѣшно, какъ печатни въ юго-западной Руси.

Дѣйствительно же и въ конецъ эта печатня въ Москвѣ была разгромлена и сожжена много позже, именно въ 1611 г., когда Москва находилась подъ властью гетмана Жолкевскаго, занявшаго Москву 27-го августа 1610 года. Относительная историческая запись выразительно отмѣчаетъ этотъ фактъ словами: „Тогда (т. е. въ 1611 г.) печатный домъ и вся штанба того печатнаго дѣла отъ тѣхъ враговъ и супостатъ розорися и огнемъ пожжена бысть и погибе до конца“. За тогдашнимъ полнымъ разгромомъ этой печатни, въ ней тогда и прекратилъ свою работу вышеупомянутый (см. стр. 9 примѣч. 16) печатникъ волынецъ О. Радишевскій.[27])

Въ общемъ, злоключенія московскихъ первопечатниковъ и первопечатни нисколько не горьше злоключеиій первопечатниковъ и ихъ печатенъ на Западѣ.[28])

ныхъ, а послѣднія, написанныя благочестивою рукою, все еще были въ почетѣ и предпочтительномъ употребленіи долгое время, даже въ XVIII в. Ужъ если на то пошло, то скорѣе можно бы выдвигать экономическій моментъ въ позднѣйшей исторіи печатенъ, основываемыхъ со спекулятивными расчетами и конкурирующихъ другъ со другомъ, а также издателей книгъ и меценатовъ печатнаго дѣла.

[26]) А новшество въ этой (церковной) области зачастую пахнетъ соблазномъ. Припомнимъ, что относительно не очень давно такое новшество, какъ электрическое освѣщеніе въ церквахъ, вызвало въ обществѣ и печати оживленныя пренія. Въ глазахъ набожныхъ москвичей вообще считалось соблазномъ то, что священныя книги уже не пишутся рукою смиреннаго монаха, а производятся машиннымъ образомъ, на печатномъ станкѣ и что измѣненія въ нихъ одобряются и утверждаются свыше офиціально (см. на стран. 10 примѣчан. 21). Вотъ, почему старовѣры въ Россіи еще и въ XVIII в. продолжали пользоваться въ церквахъ только рукописными книгами.

[27]) См. объ этомъ І. Огієнко: Друкар волиняк Онисим Радишевський, въ изд. »Духовна Бесіда«, Варшава, 1924 г.

[28]) Въ свѣтѣ того, что происходило въ этомъ отношеніи на Западѣ, всѣ самыя яркія расписыванія руссофобной печатью этого »московскаго варварства« на всѣ лады, совершенно блѣднѣютъ, тѣмъ паче, что на Западѣ жестокое преслѣдованіе печатнаго дѣла, его работниковъ и самой печатной книги длилось цѣлые вѣка. Достаточно указать на такіе общеизвѣстные факты, какъ: разгромъ и сожженіе первой церковно-славянской печатни и первой въ ней напечатанной кирилловскими буквами книги въ Краковѣ въ 1491 г., разгромъ первой печатни въ

Выѣздъ Ивана Федорова въ Литовскую Русь и печатня въ Заблудовѣ.

Предположительно въ началѣ 1566 г. — какъ разсказываетъ самъ Иванъ Федоровъ въ своемъ послѣсловіи къ львовск. Апостолу 1574 г. — „зависть и ненависть (отъ многихъ начальниковъ и священноначальниковъ и учителей) сія убо насъ отъ земля и отечества и отъ рода нашего изгна и въ ины страны незнаємы пресели“, т. е. оба первопечатника, Иванъ Федоровъ и Петръ Тимофеевъ Мстиславецъ, выѣхали, какъ бѣженцы, заграницу. Отправились въ сосѣднее государство, весьма близкое къ московскому не только по сосѣдству, но и по духу, вѣрѣ, народности и культурѣ своего населенія — литовско-русское, тѣмъ естественнѣе, что врядъ ли оно было Ивану Федорову особенно „незнаємо“, ибо навѣрно весьма много интереснаго наслышался о немъ отъ своего „клеврета“ (товарища), бѣлоросса, Петра Тимофеева. Да и переходъ границы при переѣздѣ изъ московскаго государства въ Литовскую Русь и Польшу или наобототъ въ тѣ времена не былъ труденъ. Черезъ эту границу они оба пробрались вмѣстѣ со своими семьями и вывезли съ собой самыя необходимыя печатныя принадлежности: печато-письма, пунсоны (чеканы), гравюры и пр., а также нѣкоторое количество примѣрниковъ, отпечатанныхъ въ Москвѣ Апостола и Часослова.

Прибыли въ столицу Литовской Руси, Вильну, гдѣ — какъ уже сказано — удачныя попытки книгопечатанія уже давно дѣлались и почва для печатной работы была подготовлена, ибо зажиточное, въ тамошнемъ русскомъ правосл. Свято-Духовскомъ Братствѣ объединенное мѣщанство склонно было печатное дѣло поддерживать.

Въ лицѣ виленскаго каштеляна и гетмана Вел. Княжества Литовскаго Григорія Александровича Ходкевича, русскаго и православнаго, оба пришельца пріобрѣли себѣ могучаго защитника и щедраго покровителя, которому русское печатное дѣло было тогда близко къ сердцу. Въ виду все усиливающагося католическаго натиска на православіе на русскихъ земляхъ въ Польшѣ, и русское мѣщанство и литовско-русскіе вельможи понимали и учитывали значеніе печатной книги для своей самозащиты, и прибытіе въ Вильну обоихъ опытныхъ печатниковъ было кстати и въ пору, что и видно изъ словъ Ходкевича: „изобрѣтохъ себѣ в дѣлѣ друкарскомъ людей наученых, Ивана Ѳеодоровича Москвитина да Петра Тимоѳѣевича Мстиславца“.[29]) Онъ отправилъ обо-

---

Маницѣ и бѣгство оттуда печатниковъ въ 1462 г., изгнаніе изъ Парижа печатника Фуста въ 1470 г. и цѣлыя столѣтія практиковавшееся сожиганіе печатныхъ книгъ чуть ли не во всѣхъ странахъ западной Европы, и, въ частности, въ Польшѣ, о чемъ въ прошломъ году однимъ польскимъ ученымъ былъ прочитанъ во Львовѣ, по случаю открытія выставки польскихъ инкунабуловъ, весьма интересный докладъ, помѣщенный затѣмъ въ львовскихъ польскихъ газетахъ.

[29]) Учительное Евангеліе 1569 г.

ихъ въ свое родное мѣстечко Заблудовъ (недалеко отъ Вильны) и тамъ „повелѣ имъ учинити варстатъ друкарскій“,[30]) вести печатню и печатать въ ней книги на его средства и подъ его покровительствомъ и попеченіемъ.

Въ этой ими новооснованной печатнѣ въ Заблудовѣ, 8 іюля 1568 г. „начася друковати книга зовомая Євангеліє Учительноє“, законченная печатаніемъ 17 марта 1569 г. въ л., на 8 + 399 лл., съ обозначеніемъ: „выдана єсть во отчизномъ имѣнію пана наивышшаго Григорія Александровича Ходкевича, в мѣсте зовомомъ Заблудовью, властнымъ накладомъ єго милости“.[31]) Гетману Ходкевичу книга понравилась, и онъ послѣ ея выхода Ивану Федорову „весь немалую дарова на упокоєніє“, т. е. чтобы могъ жить въ покоѣ и достаткѣ.[32]) Послѣ этого, однако, Петръ Тимофеевъ Мстиславецъ пожелалъ стать самостоятельнымъ печатникомъ, оставилъ Ивана Федорова, поселился въ Вильнѣ и, вскорѣ, съ помощью тамошнихъ мѣщанъ, Зарѣцкихъ, Мамоничей и др., основалъ въ Вильнѣ свою печатню.

Въ томъ же 1569 г., 26 сентября, Иваномъ Федоровымъ „начася друковати Псалтырь и Часословецъ“ и въ слѣд. (1570) году, 23 марта „совершена бысть книга сія“, какъ въ ней и отмѣчено, въ 4⁰, на 17 + 240 + 69 лл.,[33]) вполнѣ также удовлетворившая гетмана, который и заявилъ въ ея предисловіи: „Я такоже и впередъ працы и накладу моєго жаловати не буду, и другыя церквамъ и людемъ божіимъ во Христа вѣрующимъ, потребныя (книги) друковати дамъ“.

Гетманское покровительство казалось тѣмъ прочнѣе и надежнѣе, что, какъ свидѣтельствуетъ самъ Иванъ Федоровъ, въ своемъ львовск. Апостолѣ 1574 г., къ печатному дѣлу относились такъ же дружелюбно и покровительственно и сыновья гетмана, Андрей и Александръ, о которыхъ говоритъ, что и они „в новни суть таковыя ползы“.

Потому загадочнымъ и страннымъ является почти внезапное охлажденіе гетмана къ этому, казалось бы, весьма любимому дѣлу, уже въ слѣдующемъ году, до той степени, что, несмотря на то, что въ матеріальномъ отношеніи былъ хорошо обезпеченъ, Иванъ Федоровъ предпочелъ и подаренную ему „весь“ бросить и съ гетманомъ разстаться и вскорѣ переѣхать во Львовъ, чтобы тамъ все таки продолжать свое занятіе печатнымъ дѣломъ. И онъ объясняетъ это охлажденіе гетмана его, гетмана, старостью, а свой отъѣздъ нежеланіемъ подчиняться его приказу, бросить печатное дѣло совершенно и заниматься сельскимъ хозяйствомъ въ подаренномъ имѣніи: „От єго милости, пана Григорія Ходкевича — пишетъ Иванъ Федоровъ въ львовск. Апостолѣ — всякими потребами тѣлесными, пищею и одеждею удоволенъ бѣхъ... Єгда

---

[30]) Учительное Евангеліе 1569 г.
[31]) Тамъ же. Каратаевъ, н-ръ 75.
[32]) Льв. Апостолъ 1574 г.
[33]) Каратаевъ, н-ръ 77.

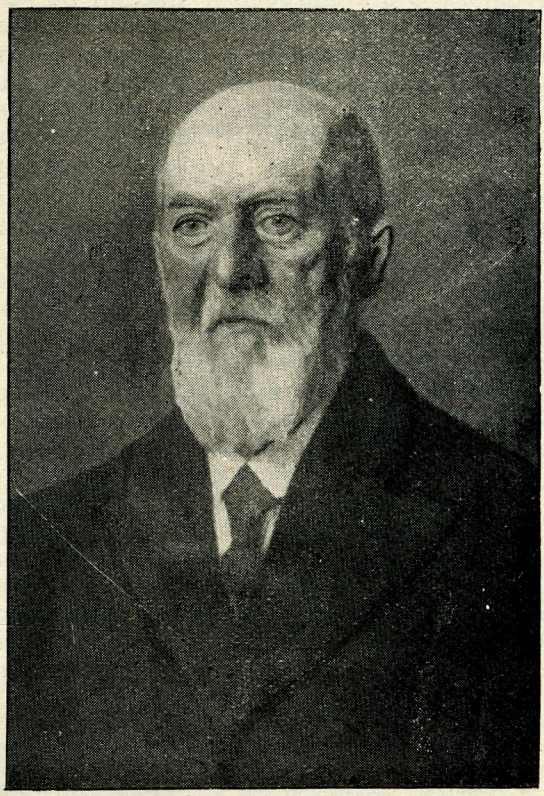
же пріити єму въ глубоку старость, и начастѣ главѣ єго болѣзнію одержимѣ бывати, повелѣ намъ (т. е. Ивану Федорову) работанія сего (т. е. книгопечатанія) престати, и художество рукъ нашихъ ни во что положити, и въ веси земледѣланіємъ житіє мира (міра) сего препровождати. И сего ради понудихся ити оттуду".

Не лишена, быть можетъ, нѣкоторыхъ основаній догадка, что это охлажденіе гетмана къ книгопечатанію находилось въ какой-то связи съ заключеніемъ 1-го іюля 1569 г. Люблинской уніи, къ которой литовско-русскіе вельможи, въ ихъ числѣ и Г.А. Ходкевичъ, были причастны, и что потому узами и послѣдствіями этого акта онъ считалъ себя связаннымъ. Повидимому, и Петръ Тимофеевъ Мстиславецъ, покидая своего долголѣтняго друга и товарища и его, зависимую отъ гетмана печатню и вмѣстѣ съ виленскими мѣщанами основывая свою, счелъ сотрудничество съ мѣщанствомъ болѣе надежнымъ и вѣрнымъ. Наконецъ, и самъ Иванъ Федоровъ, съ семьею, осенью 1672 г., переселяется во Львовъ и находитъ для своего печатнаго дѣла поддержку у здѣшняго русскаго православнаго мѣщанства.

Прибытіе Ивана Федорова во Львовъ и основаніе львовской печатни.

И на этотъ разъ везетъ онъ съ собой свои печатныя орудія и нѣкоторое количество примѣрниковъ уже напечатанныхъ книгъ. Переѣздъ, или же точнѣе, переходъ пѣшкомъ, былъ для него весьма труденъ, длителенъ и опасенъ, особенно изъ-за повальныхъ болѣзней, на что и жалуется въ льв. Апостолѣ: „И шествующу ми, многи скорби и бѣды обрѣтоша мя, не точію, долготы ради путнаго шествія, но и презѣлному повѣтрею дышущу и, просто рещи, вся злая и злыхъ злѣе". Уже во время этого его долгаго путешествія во Львовъ, умеръ Г. А. Ходкевичъ.

Прибывъ во Львовъ въ концѣ 1572 г., Иванъ Федоровъ поселился гдѣ-то на Подзамчьѣ, и тамъ, возможно, что въ Свято-Онуфріевскомъ монастырѣ, основалъ свою печатню, если уже не въ концѣ того же года, то навѣрно въ началѣ слѣдующаго. Здѣсь, однако, для своего печатнаго предпріятія, несмотря на свои усиленныя просьбы, не нашелъ никакой помощи ни поддержки у знатныхъ и богатыхъ людей, іерарховъ и вельможъ, а только у сѣраго и бѣднаго мѣщанства и низшаго духовенства, о чемъ, разсказываетъ въ льв. Апостолѣ живо и цвѣтисто: „Вселшумися въ преименитомъ градѣ Львовѣ, начахъ богоизбранноє сіє дѣло къ устроєнію навершати. И обходяхъ многащи богатыхъ и благородныхъ въ мирѣ (мірѣ), помощи прося отъ нихъ, и метаніє сътворяя, колѣномъ касаяся и припадая на лицы земномъ сердечно каплющими слезами моими ноги ихъ омывахъ, и сіє не єдиною, ни дващи, но и многащи сътворяхъ. И въ церкви священнику всѣмъ вслухъ повѣдати повелѣхъ. Не испросихъ умиленными глаголы, ни умолихъ многослезнымъ рыданіемъ, не исходатайствовахъ никоєя милости іерейскими чинми. И плакахся прегоркими слезами, єже не обрѣтохъ милующаго, ниже помагаю-



Николай Николаевичъ Сивулякъ
смотри некрологъ, стр. 122—124.

щаго, не точію же в руском народѣ, но ниже въ грекахъ милости обрѣтох, но мали нѣцыи въ іерейскомъ чину, иніи же неславніи въ мирѣ (мірѣ) обрѣтошася, помощь подающе".

Хотя этотъ плачъ дожно принимать не въ буквальномъ, а скорѣе только въ риторическомъ смыслѣ тогдашнихъ литературныхъ пріемовъ,[34]) все же и эти напрасныя моленія и дальнѣйшія мытарства этого уже тогда опытнаго печатнаго мастера, привезшаго съ собой во Львовъ и образцы этого мастерства, показываютъ, какъ мало было во Львовѣ лицъ, понимащихъ значеніе и силу печатной книги уже въ то время, когда именно ею можно было успѣшно защищаться отъ чужого засилья. Особенно показательно то, что не была ему оказана поддержка со стороны мѣстнаго епархіальнаго архіерея.[35]) Оказывали ему помощь только отдѣльные мѣщане и монахи.

Въ первыхъ же своихъ дѣйствіяхъ по организаціи печатни во Львовѣ, московскій пришлецъ-діаконъ попалъ въ столкновеніе съ львовскимъ столярскимъ цехомъ и властвующими надъ нимъ магистратскими „райцами", по поводу запрещенія ими Ивану Федорову пользоваться для необходимыхъ въ печатнѣ нѣкоторыхъ столярскихъ работъ услугами работниковъ, не принадлежащихъ къ цеху. Тяжба съ магистратомъ длилась нѣсколько мѣсяцевъ и закончилась только 7 декабря 1573 г. разрѣшеніемъ Ивану Федорову взять себѣ и внѣльвовскаго столярскаго работника, записать его у львов. столярскаго мастера и только у этого мастера нанять его себѣ для работы на одно полугодіе.

Еще труднѣе было дѣло съ пріобрѣтеніемъ денежныхъ средствъ, нужныхъ въ значительной тогда суммѣ, но неимѣвшихся у Ивана Федорова. Видно, однако, что интеллигентному мѣщанству польза этого культурнаго дѣла была понятнѣе. Возможно, что оно въ этомъ отношеніи поддавалось просвѣщенному вліянію князя А. М. Курбскаго.[36]) Уже въ началѣ 1573 г. Ивану

---

[34]) Часть этого отрывка-повѣствованія взята Иваномъ Федоровымъ чуть ли не буквально изъ перваго посланія князя Андрея Мих. Курбскаго къ Ивану Грозному, написаннаго въ 1563 г. и гласившаго въ относ. мѣстѣ: »Не испросихъ умиленными глаголы, ни умолихъ тя многослезнымъ рыданіемъ и не исходатайствовахъ отъ тебя никоея-жъ милости архіерейскими чинами«. (»Сказанія кн. А. М. Курбскаго«, СПБ., 1833 г., ч. II, стр. 5). Заимствованіе это также одно изъ многихъ доказательствъ сильнаго вліянія писаній князя Курбскаго на тогдашніе книжническіе круги юго-западной Руси.

[35]) Львовскимъ правосл. епископомъ былъ тогда и жилъ во Львовѣ ставленникъ короля Сигизмунда III, Іоаннъ Осмѣловскій. Позднѣйшій же льв. епископъ Гедеонъ Балабанъ, королемъ не утвержденный, жилъ тогда въ Стрятинѣ или же въ Галичѣ. Тогда уже вводилась роковая практика выигрыванія одного кандидата въ епископы противъ другого, чтобы отъ нихъ добиться большей уступчивости разнымъ требованіямъ и ограниченіямъ епископской власти.

[36]) Бѣжавшій изъ московскаго царства отъ опалы Ивана Грознаго въ Литовскую Русь, въ 1563 или 1564 г., князь Андрей Михайловичъ Курбскій (род. ок. 1528 г., ум. въ маѣ 1583 г. [illegible]ѣ), потомокъ князей ярославскихъ, авторъ знаменитыхъ посланій къ Ивану Грозному, имѣлъ во время своего долголѣтняго пребыванія въ литовско-русскомъ государствѣ до конца жизни (т. е. полныхъ

Львівська державна наукова бібліотека № 13655

Федорову удалось получить въ займы, у львов. мѣщанина Сенька Сѣдляра, друга князя А. М. Курбскаго, 700 золотыхъ, которые и употреблены были на устройство впервые открываемой во Львовѣ печатни. И слѣдующіе потомъ Ивану Федорову предоставляемые кредиты львовскими мѣщанами, вѣроятно братчиками Успенской церкви, показываютъ все растущую заинтересованность братчиковъ въ его культурномъ и для народной самозащиты важномъ предпріятіи.

Вскорѣ, ибо 25 февраля 1573 г. въ этой печатнѣ „начася книга друковати, рекомый, Апостолъ, въ богоспасаємомъ градѣ Львовѣ", какъ въ этомъ Апостолѣ и сказано, и закончено печатаніемъ почти годъ спустя, именно 15/25 февраля 1574 г., въ л., на 278 лл.; это не только первая русская изъ печатни во Львовѣ

---

20 лѣтъ), значительное вліяніе на русскую культурную, церковную и общественную жизнь въ Литовской Руси вообще, и на Волыни, а также въ Галичинѣ въ частности. И въ Москвѣ, по тогдашнему, князь былъ высокообразованнымъ человѣкомъ, близкимъ другомъ Максима Грека и знакомцемъ жившихъ тамъ выходцевъ изъ Запада, бѣло- и малороссовъ. Получивъ отъ польскаго короля на русскихъ земляхъ помѣстья, кн. Курбскій еще пополнилъ свое образованіе (научился, м. пр., латинскому языку), знакомился съ чужестранными литературами и самъ былъ литераторомъ: переводилъ съ греческаго святоотеческія книги и писалъ свои, оригинальныя сочиненія. Главнѣйшія произведенія его: »Исторія князя великаго московскаго«, »Исторія флорентійскаго собора«, »Посланіе къ Ивану Многоученому« (полемическое сочиненіе противъ католичества и лютеранства), »Посланія къ Ивану Грозному«. Появившійся въ юго-зап. Руси цѣлый рядъ новыхъ (Кривого и др.) переводовъ Евангелія и вообще Новаго Завѣта во второй полов. XVI в. несомнѣнно былъ вызванъ, если не прямымъ его участіемъ въ ихъ редакціи, то его совѣтами и поощреніемъ. Не безъ литературнаго и общественнаго значенія и вліянія на современниковъ были его письма къ кн. К. К. Острожскому, Марку Сарыгозину, Козьмѣ Мамоничу, Федору Бокею, княгинѣ Чарторыжской и др.

Дворецъ А. М. Курбскаго въ Миляновичахъ, возлѣ Ковля, былъ всегда оживленнымъ, культурнымъ средоточіемъ, въ которомъ собирались и объединялись научныя и литературныя силы юго-западной Руси и въ которомъ находили пріютъ и защиту другіе бѣженцы изъ московскаго царства.

Онъ посвятилъ эти послѣдніе 20 лѣтъ своей жизни защитѣ православія и распространенію и укрѣпленію просвѣщенія въ юго-западной Руси. Былъ въ перепискѣ и вообще въ сношеніяхъ съ братчиками (Семенемъ Сѣдляромъ и др.) и монахами (Миною и др.) во Львовѣ и Вильнѣ, и особенно близкимъ другомъ и сотрудникомъ кн. К. К. Острожскаго въ его культурныхъ начинаніяхъ вообще и въ редакціонно-издательскихъ и печатныхъ планахъ и дѣлахъ въ частности.

Много значилъ его просвѣщенный и русскій патріотическій авторитетъ для другихъ выходцевъ изъ московскаго царства, осѣвшихъ на русскихъ земляхъ въ Польшѣ и принимавшихъ участіе въ мѣстной культурной работѣ (нпр. извѣстнаго старца Артемія, Ѳеодосія, кн. М. Волконскаго и др.). Благотворны и велики были его роль и посредничество въ сношеніяхъ и культурномъ обмѣнѣ юго-западной Руси и сѣверо-восточной (московской).

Имѣются вѣскія основанія для предположенія, что не безъ его вліянія львов. братчики поддерживали Ивана Федорова съ самого начала, послѣ его пріѣзда во Львовъ, и не безъ его совѣта затѣмъ пригласилъ его къ себѣ въ Острогъ кн. К. К. Острожскій.

Вообще приходится сказать, что культурныя заслуги князя А. М. Курбскаго для юго-западной Руси огромны, во всякомъ же случаѣ онѣ гораздо и несравненно больше и важнѣе, чѣмъ нынѣ у насъ принято признавать, нпр., въ учебникахъ »мовы и письменства«, гдѣ отводится много мѣста ничтожнымъ »письменникамъ«, а гдѣ фамилія кн. Курбскаго еле упоминается, если вообще упоминается.

и вообще на Галицкой Руси вышедшая книга, но и вообще первая, изданная во Львовѣ печатная книга.[37])

Если сопоставить и сличить этотъ первый львовскій печатный Апостолъ съ напечатаннымъ въ 1564 г. въ Москвѣ, то видно поразительное сходство письма обоихъ, такъ, что можно полагать, что, уѣзжая изъ Москвы, Иванъ Федоровъ вывезъ съ собой всѣ московскія черенки, которыми затѣмъ и напечаталъ львов. Апостолъ, съ тою же киноварью, уставною азбукою великорусскаго почерка и т. п.[38])

Вскорѣ Иванъ Федоровъ побывалъ съ примѣрниками этой только что напечатанной во Львовѣ книги въ Острогѣ, у К. К. Острожскаго, который и пригласилъ его, кажется уже весной того же 1574 г., къ себѣ на службу, съ заданіемъ основать для него, князя, печатню въ Острогѣ и развернуть ея дѣятельность возможно наишире, какъ представляетъ самъ Иванъ Федоровъ въ послѣсловіи Острожской Библіи 1581 г.: „Всесильный Богъ благоволый убо православному князю въ умъ сіє пріяти, да мнѣ, многогрѣшному и зѣло недостойному, повелит божественноє слово всѣмъ повсюду тисненіємъ печатным предложити“.

Приглашеніе это было Ивану Федорову тѣмъ болѣе лестно, заманчиво и выгодно, что по напечатаніи Апостола, обошедшагося въ финансовомъ смыслѣ весьма дорого, онъ нашелся въ стѣсненномъ матеріальномъ положеніи, какъ показываетъ то обстоятельство, что онъ не былъ въ состояніи 6 мая 1574 г. уплатить львов. мѣщанину Сеньку Сѣдляру свой долгъ въ 700 зол., а обязался возвратить ихъ только на Рождество того же года, причемъ, въ обезпеченіе этой претензіи передалъ ему часть своего движимаго имущества: примѣрники напечатанной книги и печатный станокъ, съ нѣкоторыми принадлежностями. По долголѣтнему же опыту зналъ уже, что для напечатанія новой книги нужно снова имѣть въ распоряженіи крупный капиталъ, который добыть во Львовѣ не легко.

---

[37]) Первая польская печатная книга во Львовѣ вышла нѣсколько лѣтъ позднѣе.

[38]) Такое большое сходство обоихъ Апостоловъ, московскаго и львовскаго, съ одной стороны указываетъ на устроеніе Иваномъ Федоровымъ львовской печатни по образцу московской, но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ другой, даетъ также отрицательный отвѣтъ на вопросъ, была ли какаянибудь печатня во Львовѣ до прибытія сюда Ивана Федорова, ибо невозможно представить себѣ, чтобы, борясь съ такими большими затрудненіями на первыхъ порахъ, онъ въ какойнибудь мѣрѣ не воспользовался чѣмъ-то, сдѣланнымъ здѣсь уже прежде въ этой области. Вопросомъ же этимъ интересовался рядъ изслѣдователей. Нѣкоторые (Зубрицкій, Бандтке, Пташицкій) предполагали, что какія-то пробы печатанія во Львовѣ до пріѣзда Ивана Федорова уже дѣлались, ибо онъ нашелъ себѣ здѣсь мастеровъ для вырѣзки черенокъ (Лаврина Филипповича), да и прежнія пробы въ Краковѣ и Вильнѣ могли вызвать нѣкоторый отголосокъ и во Львовѣ, но до сихъ поръ для обоснованія такого предположенія нѣтъ никакихъ документальныхъ данныхъ, ни печатныхъ произведеній, ни слѣдовъ, ни хоть бы скольконибудь имовѣрныхъ намековъ. Надпись же на надгробной плитѣ Ивана Федорова, что онъ, »Іоаннъ Ѳеодоровичъ, друкарь, москвитинъ, который своимъ тщаніємъ друкованіє занедбалое обновилъ«, относится къ печатнымъ пробамъ вообще (въ Краковѣ и въ Вильнѣ особенно).

Выѣздъ Ивана Федорова въ Острогъ и основаніе тамошней княжьей печатни.

Осенью, кажется, того же 1574 г., Иванъ Федоровъ выѣхалъ на Волынь и поступилъ на службу къ князю К. К. Острожскому, который сначала, пока будетъ съорганизована и открыта печатня, назначилъ его, діакона, 2 марта 1575 г., „справцею" (управляющимъ) имѣній княжьяго Дерманскаго монастыря (Дермань въ 20 верстахъ отъ Острога) на мѣсто прогнаннаго управляющаго, мірянина, Михаила Джусы, только нареченнаго игуменомъ этого монастыря еще въ 1571 г., благодаря стараніямъ и поддержкѣ польской шляхты, но противъ воли князя и духовенства.

Изъ Волыни, однако, Иванъ Федоровъ, отъ времени до времени, пріѣзжалъ во Львовъ по своимъ личнымъ дѣламъ (нпр. продажѣ напечатанныхъ книгъ и др.) и дѣламъ организуемой въ Острогѣ печатни (оборудованія ея, подбора служащихъ). Частичная выплата долговъ и взыскиваніе своихъ претензій показываютъ, что онъ постепенно свертываетъ свои дѣла во Львовѣ. Завѣдываніе, однако, монастырскими имѣніями не было ни легкимъ, ни спокойнымъ.[39])

Осенью 1576 г. Иванъ Федоровъ, по желанію князя окончательно поселился въ Острогѣ и основалъ и устроилъ печатню въ замкѣ князя, гдѣ въ то же время была устроена и открыта также школа. Похожая на нее была позже открыта львовская братская школа при Успенской церкви,[40])

Въ то же приблизительно время, по порученію князя, Иванъ Федоровъ ѣздилъ, кажется, въ Молдавію и Турцію, для поисковъ и пріобрѣтенія списковъ Библіи, которую князь постановилъ напечатать въ своей новооснованной печатнѣ въ первую голову, конечно, въ исправленномъ видѣ на основаніи собранныхъ списковъ.[41])

---

[39]) Крестьяне монастырскаго села Кунина враждовали съ крестьянами сосѣдняго села Спасова, принадлежавшаго прежде гетману Г. А. Ходкевичу и затѣмъ вдовѣ по немъ, изъ-за владѣнія и пользованія частью угодій.

[40]) Школа эта, въ княжьемъ замкѣ, въ Острогѣ, достигла вскорѣ высокаго уровня, благодаря хорошей программѣ и постановкѣ ученія и обслуживанію ея лучшими учительскими силами съ русскаго сѣвера и юга, особенно въ 80-ыхъ и 90-тыхъ годахъ XVI в.; но вопросъ о томъ, была ли она даже коллегіей (или, какъ у насъ принято называть, академіей) не выясненъ и не рѣшенъ такъ и по сегодня, за неимѣніемъ вѣрныхъ данныхъ, изъ-за сравнительно недолгаго ея существованія и быстраго роста и превосходства надъ всѣми школами юго-западной Руси Кіевской Могилянской Коллегіи, поздн. академіи, основы которой все таки на дѣлѣ были положены въ Острогѣ, въ этой княжьей школѣ.

[41]) Подобно тому, какъ это было въ Москвѣ, такъ и въ этомъ случаѣ, въ Острогѣ, кн. К. К. Острожскому приходилось накоплять большое количество списковъ предположенныхъ къ печатанію текстовъ Библіи, причемъ это заданіе было на столько труднѣе, что имѣлось въ виду напечатаніе полной Библіи. Полной же Библіи на церковно-славянскомъ языкѣ тогда на Руси вообще еще не было. Напечатанная же Ф. Скориною была далеко не полной, да и не на церковно-славянскомъ языкѣ, а на бѣлорусско-малорусской языковой смѣси. Князь же Острожскій, несомнѣнно по внушенію горячаго поклонника и защитника церк.-

Одновременно съ собираніемъ этихъ списковъ, въ Острогѣ, у князя, собирались ученые, которые по его порученію ихъ исправляли, переводили на церковно-слав. языкъ чужеязычные тексты и редактировали Библію для печати — все, какъ и въ Москвѣ, — работа длительная, сложная и чрезвычайно отвѣтственная. Изъ среды этихъ ученыхъ назначались также учителя для открытой княземъ въ Острогѣ школы.[42])

Съ половины 1577 г. печатня начала свою дѣятельность. Управлялъ ею Иванъ Федоровъ, какъ „княжій печатникъ русскихъ книгъ" (Illustris Domini Ducis Ostroviensis et Palatini Kijoviensis librorum ruthenorum impressor), согласно титулу въ документахъ. Онъ подготовляетъ себѣ хорошихъ помощниковъ. Нѣсколько человѣкъ онъ уже себѣ подъучилъ раньше во Львовѣ, гдѣ его учениками были позднѣйшіе его преемники печатники: монахъ Мина, Гринь Ивановичъ, Семенъ (Сенько) Корунка, Сачко Сѣдляръ и др. Теперь, въ Острогѣ, кругъ его учениковъ и помощниковъ былъ шире и изъ ихъ среды впослѣдствіи набирались печатники для печатенъ не только юго-западной, но и сѣверо-восточной Руси.

Осенью 1579 г., когда печатня въ Острогѣ уже дѣйствовала, а прежніе львовскіе и внѣльвовскіе долги Ивана Федорова до крайности одолѣвали и выплатить ихъ не было возможности, онъ, вдвоемъ со своимъ сыномъ Иваномъ, называемымъ Переплетчикомъ, заложилъ во Львовѣ, у еврея Израиля Якубовича за 411 зол. 140 штукъ русскихъ книгъ и всѣ во Львовѣ оставшіяся печатныя принадлежности: черенки, формы и т. д.)

слав. языка кн. А. М. Курбскаго постановилъ напечатать всю Библію на этомъ языкѣ. Поиски, собираніе и сличеніе разныхъ ея списковъ производились уже съ 1570 г. Князь старался получить прежде всего изъ Москвы древнѣйшій русскій списокъ Библіи новгородскаго архіеп. Геннадія (1489—1499 гг.) чрезъ своего друга, канцлера вел. княжества литовско-русскаго Михаила Гарабурду, сносившагося съ Москвой и ѣздившаго туда въ составѣ посольствъ въ 1570, 1572 и 1573 гг. (См. Харламповичъ: Зап.-русскія школы, Казань, 1898, стр. 240; Д. Абрамовичъ: Къ литературной дѣятельности мниха Исаіи Камянчанина, СПБ., 1913, въ »Памятникахъ древней письменности«, № 181), и въ концѣ концовъ Мих. Гарабурда получилъ этотъ списокъ отъ царя Ивана Грознаго и доставилъ кн. Острожскому, что и отмѣчено въ предисловіи къ Острожской Библіи 1581 г. Назначенная княземъ редакціонная комиссія имѣла въ своемъ распоряженіи списки Библіи изъ Москвы, Константинополя, Афона и др. центровъ правосл. Востока, русскіе, греческіе, болгарскіе, сербскіе, и латинскіе изъ зап. Европы.

[42]) Князь К. К. Острожскій окружилъ себя учеными людьми того времени, содерживалъ ихъ на свой счетъ и распредѣлялъ и поручалъ имъ работы. Особенно выдающимися между ними считались извѣстные талантливые православные проповѣдники и полемисты противъ католичества и лютеранства: Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій, оо. Василій и Даміанъ и Христофоръ Филаретъ. У него бывали и жили эмигранты изъ московскаго царства, проѣздомъ же на Русь и обратно, останавливались и по-долгу живали у него путешественники и посланцы, духовные и міряне, изъ Молдаво-Валахіи, отъ южныхъ славянъ, изъ Турціи и подчиненныхъ ей странъ балканскихъ и малоазіатскихъ. Изъ этихъ странъ, проѣздомъ въ Москву, Кіевъ, Львовъ, гостили у князя и совѣщались съ нимъ восточные православные патріархи, митрополиты и др. іерархи. При немъ г. Острогъ фактически сталъ столицей юго-зап. Руси, гдѣ выносились самыя важныя постановленія и откуда далеко и широко расходились указанія и распоряженія, под-

Въ началѣ 1580 г. началось печатаніе знаменитой Острожской Библіи, законченное 12 іюля того же года, какъ въ ней же и записано: „Напечатана бысть книга, глаголемая Библія, въ богоспасаємомъ градѣ Острозѣ, многогрѣшным и недостойным рабом Иваном Ѳеодоровым сыном Москвитиномъ. В лѣто от созданія миру 7088, а от воплощенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа 1580, мѣсяца іюля 12 день“, но она выпущена тогда въ міръ не была, а только въ слѣдуюшемъ, т. е. 1581 г., и первой книгой Острожской печатни не была. Первою ея книгой былъ Новый Завѣтъ съ Псалтыремъ, вышедшій въ сентябрѣ 1580 г., какъ въ предисловіи и значится, что это: „первый овощъ отъ дому печатнаго Острозскаго“. И только въ отмѣткѣ отъ 12 августа 1581 г. указано, что книга Библія „напечатася многогрѣшным Іоанном Ѳеодоровымъ сыномъ зъ Москвы, въ богохранимомъ градѣ Острозѣ“.

Въ Острогѣ затѣмъ Иванъ Федоровъ оставался и работалъ въ княжьей печатнѣ еще и 1582-ой годъ, но въ концѣ этого года оставилъ ее и Острогъ и, взявъ нѣсколько сотъ примѣрниковъ Острожской Библіи, выѣхалъ во Львовъ.[43])

Очутившись во Львовѣ, Иванъ Федоровъ снова силится во что бы то ни стало завести свою собственную печатню. Но средствъ на это у него нѣтъ. Есть большіе долги. Выручка изъ крайне медленной продажи примѣрниковъ Библіи даетъ ему мало, недостаточно даже для содержанія себя и семьи. Тяжбы и секвестры разоряютъ его въ конецъ. Чтобы добыть необходимый для печатни капиталъ, Иванъ Федоровъ готовъ взяться за любую работу.[44]) И все же заключенный имъ 26 февраля 1583 г. договоръ съ Гринемъ Ивановичемъ о выдѣлкѣ черенокъ показываетъ, что Иванъ Федоровъ собирается открыть во Львовѣ, хотя, вѣроятно, съ помощью братчиковъ, печатню. Осуществить этотъ планъ Ивану Федорову уже не удалось. Житейскія невзгоды, тяжелыя

держка и заступничество въ дѣлахъ защиты русской народности и православной вѣры. Въ частности, и въ свое издательское дѣло князь вложилъ огромный капиталъ, покровительствовалъ ему и поддерживалъ его щедро и мощно до самой своей кончины 13. февраля 1608 г. (Объ Острогѣ, какъ русскомъ культурномъ центрѣ, см. Рус. Историч. Библіотека, т. IV, СПБ., 1878, стр. 1136—37; Акты Зап. Россіи, т. IV, стр. 216).

[43]) Между нимъ и княземъ вышла, повидимому, изъ-за чего-то распря, возможно, что изъ-за дѣлежа и продажи всего завода напечатанныхъ примѣрниковъ Библіи, ибо, когда Иванъ Федоровъ находился при смерти и на все его имущество за долги былъ наложенъ арестъ, въ числѣ кредиторовъ-взыскателей выступилъ чрезъ своего уполномоченнаго и князь и отступилъ только позже, уже послѣ смерти Ивана Федорова.

[44]) Въ этомъ отношеніи показателенъ хотя бы такой эпизодъ: кажется въ началѣ января 1583 г. Иванъ Федоровъ, вмѣстѣ съ львов. мѣщанами Даніиломъ Пушкаремъ и Сашкомъ Сеньковичемъ Сѣдляромъ выѣхалъ въ Краковъ и получилъ 9 января отъ короля Стефана Баторія заказъ вылить небольшую военную пушку, возмѣщеніе расходовъ поѣздки и королевскій ордеръ къ львовскому старостѣ на 120 зл. О дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла ничего не извѣстно. Во всякомъ случаѣ самый этотъ фактъ такого королевскаго заказа свидѣтельствуетъ о большихъ дарованіяхъ и смѣтливости Ивана Федорова.

переживанія, судебная волокита, долги и нужда, сломили эту энергичную, и, казалось, несокрушимую натуру. Поздней осенью того же года онъ „впаде в болезнь ко смерти“, какъ писалъ о немъ два года спустя епископъ Гедеонъ Балабанъ.

Умеръ Иванъ Федоровъ во Львовѣ 5 или 6 ст. ст.[45]) декабря 1583 г., на Подзамчьѣ, и былъ похороненъ въ оградѣ Свято-Онуфріевскаго монастыря. Нѣсколько лѣтъ позже, заботами и хлопотами его сына Ивана Переплетчика (называемаго также Друкаревичемъ) и, кажется, при поддержкѣ со стороны Ставропигійскаго Успенскаго Братства, была на его могилѣ помѣщена скромная надгробная плита съ важною для біографіи и исторіи дѣятельности покойнаго надписью. Пока эта плита находилась на могилѣ Ивана Федорова, съ нея сдѣланы были рисунки игуменомъ Св.-Онуфріевскаго монастыря о. М. Гриневецкимъ въ 1817 г. и затѣмъ много позднѣе, въ 1875 г. археологомъ гр. Уваровымъ гипсовый оттискъ. Надпись на плитѣ — по скольку ее прочесть удалось — гласила: „Іоаннъ Ѳеодоровичъ друкарь Москвитинъ, который своимъ тщаниємъ друкованіє занедбалоє обновилъ... друкарь книгъ предтымъ невиданыхъ... преставися року 1583 декабря 6 (5)...“ Цѣнный этотъ памятникъ, въ началѣ 80-хъ годовъ преступно уничтоженный, исчезъ безслѣдно.

Надгробной плитѣ Ивана Федорова посвященъ цѣлый рядъ изслѣдованій. Она уже къ 1860 г. находилась въ составѣ плитъ церковнаго пола Св.-Онуфріевскаго храма, какъ указываетъ въ своей замѣткѣ Я. Ф. Головацкій въ альманахѣ п. з. „Зоря Галицкая яко альбумъ на 1860 годъ“, стр. 472: „Я осматривалъ правѣ уже забытый тотъ памятникъ (Ивана Федорова). Онъ лежитъ по правой сторонѣ входя въ церковь Св. Онуфрія, подъ лавками, на немъ стоящими, вставленный въ каменный полъ. Состоитъ изъ четыреугольной плиты пѣсчанника полтретья аршина долгой, а $1^1/_5$ аршина широкой, на которой зъ лицевой стороны во двохъ паралельныхъ обводкахъ выкована врѣзная круговая надпись. Сторона отъ запада совсѣмъ истерта, що не можно отчитати ничего, отъ сѣвера читается: (к)ничь дрѹкарь москки(ти)нъ которыи своимь. тщаниемь. дрѹ (зъ восточной стороны) кованиє занедбалоє (далѣе зъ южной стороны) обновиль. преставися вх Д(вок)и рокѹ афпг. д. є. Наконецъ еще заходитъ надпись на западную сторону: дєх. м. Прочое вытерто или вытоптано ногами. Въ серединѣ гербъ сходный съ изображенымъ на концѣ Острожской библіи, выпукло выдѣланный съ буквами по бокамъ вырѣзанными: І. Ф. Верху него надъ узловатымъ украшеніемъ якаясь надпись, изъ которой только отчитати можно во второй строцѣ: ы ними, ъ третьей: зъместкыхъ чаю. Ниже герба подобнымъ же узломъ вырѣзаны слѣдующіи слова — 1-а строка: Дрѹкарь книгъ, 2-я строка: предь тымь не ви, 3-я стр.:

---

[45]) День кончины установить трудно изъ-за разночтеній обозначающей этотъ день церковно-славянской цифры на надгробной плитѣ Ивана Федорова, пока эта плита еще была цѣла и находилась на своемъ мѣстѣ; одними эта цифра была прочитана какъ »есть«, другими какъ »зѣло«, иные же источники не даютъ такой увѣренности, чтобы можно остановиться на одной изъ этихъ двухъ цифръ.

данныхъ. Буквы надписи наши уставныи по обыкновенію лапидарнаго почерка часто соединены по двѣ или три. Понеже камень розломаный на серединѣ, то нѣкоторыи буквы надписи выкрушились".

А. С. Петрушевичъ въ своей „Сводной Галицкорусской Лѣтописи съ 1600 по 1700 годъ", Львовъ, 1874 г., стр. 556, прочелъ на этой плитѣ: „преставися року 1583 декабря 6", такъ же и гр. Уваровъ. Въ своей же статьѣ п. з. „Иванъ Ѳедоровъ, русскій первопечатникъ. Историческо-библіографическое разсужденіе, Львовъ, 1883 г.", стр. 1—38 во Временникѣ Ставроп. Института на 1884 г., Петрушевичъ пишетъ: „Надгробный камень находится въ притворѣ близь главныхъ дверей, съ правой стороны, подъ стѣною, закрытъ теперь скамейками. Камень сей находился нѣкогда извнѣ церкви и сюда позднѣе употребленъ былъ для вымощенія пола во притворѣ". Уже снятіе этой плиты съ могилы и умѣщеніе въ полъ въ притворѣ, подъ скамейками и ногами посѣтителей церкви, было хуже чѣмъ легкомысленной небрежностью. Тѣмъ паче, что еще проф. М. П. Погодинъ, въ письмѣ отъ 12 октября 1837 г., умолялъ игумена монастыря, о. В. Компаневича вынуть эту плиту изъ пола и сохранить невредимой. Но кощунственнымъ поступкомъ и наказуемымъ преступленіемъ было совершенное уничтоженіе ея, полную отвѣтственность за которое несутъ хозяева монастыря, оо. василіане.[46])

---

[46]) Исчезла эта плита внезапно и загадочно. За нѣсколько дней до торжественнаго празднованія 300-лѣтней годовщины смерти Ивана Федорова, 6 декабря 1883 г., русскихъ львовянъ какъ громъ поразила вѣсть, что, во время ремонта монастырской церкви лѣтомъ того же года, находящаяся въ полу ея притвора эта плита исчезла. Съ возмущеніемъ писалъ объ этомъ фактѣ Руславъ (псевд. О. А. Мончаловскаго) въ ст. п. з. »Трехсотлѣтняя годовщина кончины Ив. Федорова« въ газ. »Слово« н-ръ 132 отъ 1-го декабря 1883. Такъ какъ А. С. Петрушевичъ видѣлъ ее въ полу еще лѣтомъ того же года, то было ясно, что исчезла она недавно. Оправдываясь крутарски, игуменъ м-ря о. Климентъ Сарницкій разсказывалъ, что эта плита, будто бы уже на половину уменьшенная, вдѣлана въ стѣну церкви, у алтаря. Затѣмъ, будто бы зодчій Ив. Левинскій, производя въ 1903 г. пристройки, при той же стѣнѣ съ плитой Ив. Федорова, воздвигнулъ новую стѣну такъ, что ею закрылъ то мѣсто (съ плитой). Разслѣдованіе особой комиссіи укр. Наук. Товариства ім. Шевченка въ 1924 г. было безрезультатно. Впрочемъ же и до войны ходили слухи, что плита была уничтожена, не то сама собой разсыпалась, не то была разбита рабочими при ремонтѣ церкви. Чѣмъ объяснить или же чѣмъ объяснялось такое жестоко-дикое отношеніе даже къ надгробной плитѣ такого для культуры Галицкой Руси заслуженнаго мужа второй полов. XVI. в.? Въ довоенное время, въ галицко-русской печати, было единодушно высказано убѣжденіе, что только что »среформованные« іезуитами василіане уничтожили ее только потому, что Иванъ Федоровъ былъ русскій и православный. Что это такъ, доказываютъ и всѣ послѣдующія проявленія слѣпой ненависти украинствующихъ василіанъ къ русскимъ и Руси. Подтверждаетъ это также интересный обмѣнъ мнѣній въ укр. печати въ 1924—25 гг., когда д-ръ В. Щуратъ взялся защищать (неудачно) василіанъ въ связи съ этимъ дѣломъ. Въ своемъ отвѣтѣ ему, въ журн. »Стара Україна«, I—II, 1925, стр. 29—30, проф. И. Огіенко пишетъ: »В. Щурат пише, що василіяне боялися, щоб їх не запідозрили в нахилі до схизми й москвофільства«, бо то був час, коли розпочинати якунебудь акцію в звязку з православним Федоровим і пригадувати польським кругам культ його, піддержуваний москалями, не було василіянам ані вказане, ані безпечне« (Записки Чина СВВ.,

Въ печальной судьбѣ даже этой могильной плиты Ивана Федорова и еще больше въ перенесенныхъ имъ при жизни мытарствахъ и саможертвенны ъ сверхсильныхъ трудахъ для этого новаго въ то время на Руси великаго культурнаго дѣла, и, наконецъ въ его сиротливой кончинѣ, отобразились живо, какъ въ зеркалѣ, тяжелыя судьбы и дорого стоющія героическія усилія и незмѣрныя жертвы всего русскаго народа въ подвигахъ и борьбѣ за высшія культурныя достиженія и цѣнности, которыя — такъ же, въ годину его обезсиленія и катастрофы, вражьей стихіей люто уничтожались и уничтожаются.

Участь Ивана Федорова была поистинѣ трагической, не столько изъ-за гоненій и преслѣдованій, сколько изъ-за лишенія его необх димой поддержки со стороны, въ рѣшающіе моменты, въ его эпохальномъ дѣлѣ, книгопечатаніи, которому онъ д конца жизни былъ преданъ всецѣло и служилъ честно и добросовѣстно. Трагизмъ былъ въ томъ, что для успѣха и удачи этого дѣла недостаточно было его таланта, преданности и добросовѣстн сти, а нужны были еще и громадныя матеріальныя средства, т. е. то, что уже зависѣло не отъ него и что пріобрѣсти и дать не могъ онъ, скромный, убогій и семейный діаконъ-скиталецъ, а только дать могли, такъ же какъ онъ, понимающіе и любящіе это дѣло, просвѣщенные богачи-меценаты. Такими меценатами были: въ Москвѣ царь Иванъ Грозный, пока не сорвала этого дѣла завистниками подстрекнутая толпа, въ Заблудовѣ гетманъ Г. А. Ходкевичъ, пока къ нему не охладѣлъ, во Львовѣ мѣщане-братчики, пока ихъ средства не исчерпались, въ Острогѣ князь К.К. Острожскій, пока не дошло до розмолвки.

Личность Ивана Федорова.

Жаль, что для жизнеописанія и характеристики личности общерусскаго первопечатника въ источникахъ находится мало данныхъ, да и тѣ, которыя попадаются, имѣютъ отношеніе скорѣе къ его печатному занятію чѣмъ къ нему самому. Самъ же Иванъ Федоровъ, въ своей скромности, уподобляющейся смиренности монаховъ-переписчиковъ, такъ же какъ они, если и упоминаетъ что-то о себѣ, то только въ связи съ напечатанными и печатаемыми книгами. Но и на основаніи этого, крайне скуднаго матеріала можно кое-что о его личности сказать.

Это была широкая русская, точнѣе великорусская натура, съ великорусскими практичностью, смѣтливостью, предпріимчивостью и стремительностью. Идеалистъ, вѣрящій въ успѣхъ и удачу дѣла,

---

т. I, ст. 132—140, цитата ст. 137). Отже коротко й ясно: Хведорович був православний, а тому... і т. д. З цього б власне й починати треба було... Але д. Щурат підкреслює тут лише два моменти, коли василіяне боялися цього підозріння »в нахилі до схизми« — рр. 1835—1838 та 1833 р.; але цікаво б знати, чому ж плити Хведоровича не перенесли до відповідного місця в інші роки? А час же на це був... Чи може »підозріння« тревало й тревае аж до сьогодня?« — заключаетъ справедливо проф. Огієнко.

но не отчаивающійся и не опускающій рукъ въ случаѣ его провала. Онъ, вѣроятно, человѣкъ дюжій, здоровый духомъ и тѣломъ, съ діаконскимъ басомъ, высокаго роста, и, въ общемъ, такой, какимъ изображенъ въ памятникѣ въ Москвѣ, воздвигнутомъ въ 1883 г., и нынѣ, согласно газетнымъ извѣстіямъ, перенесенномъ большевиками изъ центра куда-то подальше. Онъ готовъ подчиняться, слушаться и служить другимъ, по скольку и они служатъ его любимому дѣлу, но и съ рѣшимостью — все бросить и уйти, когда обнаружилъ противное и разочаровался. И тогда ничѣмъ его не уймешь, не соблазнишь, не купишь. Онъ и на службѣ тогдашнимъ всевластнымъ и прихотливымъ вельможамъ отстаивалъ свою личную и дѣловую независимость. По тому поводу и также по вспыльчивости своей натуры и прямотѣ душевной онъ иногда и съ близкими людьми не ладилъ, а то и остро сталкивался.[47])

Его увлеченіе новоизобрѣтеннымъ массовымъ производствомъ книгъ захватило и нѣкоторыхъ львовскихъ мѣщанъ, которые, поэтому, дарили его довѣріемъ и кредитовали, но съ опаской, боясь риска, ибо сразу вложить въ это дѣло нужно было большія суммы, а выручка изъ продажи новыхъ книгъ могла давать мало, не скоро, а то и не дать совсѣмъ ничего.

Для львовской Руси этотъ московскій бѣженецъ, со своимъ печатнымъ мастерствомъ, былъ неоцѣнимымъ культурнымъ пріобрѣтеніемъ, но она узнала ему цѣну и признала его заслуги только послѣ его кончины.

Пособная роль княжьей Острожской печатни.

У Ивана Федорова счастлива была рука въ томъ смыслѣ, что разъ имъ гдѣ-то налаженная, но съ его уходомъ и наконецъ смертью пошатнувшаяся печатня уже не падала окончательно, но вскорѣ поднималась, дѣйствовала и развивалась. Такъ было въ Москвѣ и въ Виленщинѣ, такъ было въ Острогѣ и во Львовѣ. Пока львовская была отъ еврея выкуплена и возстановлена, острожская продолжала работать и, какъ такъ затѣмъ находилась со львовской въ особыхъ сотрудническихъ отношеніяхъ, то нельзя не упомянуть о ней хотя бы вкратцѣ.

Въ противоположность многимъ, въ Галичинѣ и на Волыни въ разное время возникшимъ печатнямъ, конкурирующимъ и борющимся съ львовскою братскою печатнею, эта княжья въ Острогѣ была единственная ей дружественной, помощной и выручной. Обѣ онѣ обмѣнивались печатописьмами, печатниками и подготовляемыми къ печати матеріалами. Все это потому, что владѣлецъ

---

[47]) Нпр., во время завѣдыванія имѣніемъ Дерманскаго м-ря съ экономами и крестьянами. Мѣщанинъ львов. Подзамчья, Яковъ Суконникъ, 10 мая 1582 г. предсталъ передъ город. судьей съ жалобой на »Ивана Друкаря«, за то, что нанесъ ему двѣ раны, тогда же на допросѣ и показанныя. (С. Л. Пташицкій: Иванъ Федоровъ, московскій первопечатникъ. Очеркъ по архивнымъ матеріаламъ. »Русская Старина«, т. 41 за 1884г., кн. 3 (мартъ), стр. 461—478, и-ръ 17).

острожской печатни, кн. К. К. Острожскій былъ всегда въ хорошихъ отношеніяхъ съ львовскимъ православнымъ Успенскимъ Братствомъ. По княжьему ли внушенію или же самъ собой установился естественный и мудрый раздѣлъ заданій обѣихъ печатенъ: львовская братская печатала преимущественно (за рѣдкими исключеніями) церковно-богослужебныя книги, а княжья острожская — полемическія книги, брошюры и посланія противъ уніи, на печатаніе которыхъ львовская братская, боясь потерять королевскіе привилеи и опасаясь конфискацій и преслѣдованій, никогда не могла бы себѣ позволить.

Въ такихъ же близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ находилась княжья печатня и съ виленской печатней, которая, подражая ей и пользуясь покровительствомъ и защитой нѣкоторыхъ литовско-русскихъ православныхъ вельможъ, также печатала иногда (изрѣдка) такія же полемическія сочиненія, что, однако, обходилось ей слишкомъ дорого. За напечатаніе, нпр., въ 1610 г. полемическаго сочиненія Мелетія Смотрицкаго п. з. „Ѳриносъ, сирѣчь плачъ Восточной Церкви", эта печатня была даже на нѣкоторое время закрыта.[48]) Она иногда печатала ихъ тайно, не обозначая въ нихъ мѣста изданія.

Одинъ только всемогущій кн. К. К. Острожскій, въ одно время первый кандидатъ на польскій королевскій тронъ, никогда не старался получить королевскій привилей на свою печатню, никогда и нигдѣ не предъявлялъ ее къ какой бы ни было оффиціальной регистраціи, и печаталъ въ ней, что хотѣлъ, и никто не дерзалъ ему въ этомъ препятствовать, хотя іезуиты на это жаловались.[49])

Съ другой стороны, конечно, князя Острожскаго величали церковныя братства въ письмахъ и писатели въ панегирикахъ, отмѣчая особенно дѣятельность его печатни. Въ годъ изданія Библіи, 1581-ый, его прославилъ редакторъ этого ея изданія, Герасимъ Смотрицкій (отецъ Мелетія[49]а). Знаменитый же галицко-русскій полемистъ первой пол. XVII в., Захарія Копыстенскій, писалъ въ своей „Палинодіи" о кн. К. К. Острожскомъ: „Онъ первый межи княжаты Роскими — великій заступъ и потѣха всего народу Роского, муръ желѣзный на окраинахъ, слава и свѣча ясносвѣтлая", потому что онъ „знаменитоє добродѣйство церквамъ показалъ и учинилъ, же през магистерство типографіи книгъ богословскихъ выдалъ немало, презъ што Церковъ Христова будуєтся не только ту въ Россіи, але и по иныхъ краинахъ сполвѣр-

[48]) По особому распоряженію короля Сигизмунда III эта книга была изъята изъ продажи и уничтожена, а напечатавшая ее виленская печатня была закрыта и отобрана у ея владѣльца.

[49]) Между прочимъ, въ 1581 г. іезуитъ Поссевинъ писалъ, что »эти князья, Острожскій и Слуцкій, имѣютъ свои печатни и школы, которыми далеко и повсюду распространяется схизма« (Habent ii duces, quales sunt Ostrogiae et Slucensis, typographias et scholas, quibus longe lateque schisma favetur). (К. В. Харламповичъ: Зап.-рус. правосл. школы, стр. 243).

[49]а) Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій, подолянинъ-шляхтичъ, сначала секретарь город. управы Каменецъ-Подольска, затѣмъ подскарбій кн. К. К. Острожскаго. Преподаватель, б. м. даже ректоръ Острожской школы. Онъ — одинъ изъ главныхъ редакторовъ Острожской Библіи. (И. Огіенко, указ. соч.).

ныхъ намъ народовъ (Рус. Историч. Библіотека, т. IV, стр. 1135 и 1137, СПБ., 1878 г.).[50])

Въ то время уже эта вспомогательная роль княжьей Острожской печатни учитывалась и подчеркивалась ярко заявленіями, что она сдѣлала очень много въ то время, когда „никто же можетъ стати противу ярости врага", ибо, какъ отмѣчено въ той же „Палинодіи" далѣе, „коли кто изъ нашихъ, особливо противъ латинниковъ, выдастъ книгу, теды такового преслѣдовати и през зверхность свѣцкую опримовати (угнетать) не встыдаются".

Послѣ смерти, однако, кн. К. К. Острожскаго, 13 февраля ст. ст. 1608 г.[51]), скоро пали его печатня, школа, научно-литературный кружокъ и рядъ другихъ культурныхъ учрежденій.

Выученики Ивана Федорова, послѣ его ухода, продолжали работать въ княжьей печатнѣ, и одинъ изъ нихъ, о. Василій, былъ долгое время (до 1598 г.) ея завѣдующимъ.

За нѣсколько лѣтъ до своей кончины, князь, уже немощный старикъ, учитывая, конечно, что его сынъ и дочь — уже католики, и желая обезпечить и упрочить свою печатню на будущее время такъ, чтобы она дѣйствовала въ томъ же духѣ и по той же программѣ и послѣ его смерти, перевелъ ее изъ Острога въ Дермань и устроилъ ее при тамошнемъ монастырѣ. Работалъ въ ней тамъ и затѣмъ былъ ея завѣдующимъ хорошій печатникъ, о. Даміанъ, братъ гетмана Наливайка.

Какъ будто бы въ назиданіе позднѣйшимъ печатникамъ-преемникамъ этотъ прекрасный примѣръ согласованнаго сотрудничества львовской и острожской печатенъ разрѣшалъ уже впередъ

---

[50]) Авторъ »Палинодіи«, Захарія Копыстенскій, происходилъ изъ перемышльскихъ дворянъ. Учился въ львовской братской школѣ и въ польскихъ коллегіяхъ. Путешествовалъ по Молдаво-Валахіи и др. странахъ. Въ 1616 г. онъ былъ уже членомъ кіевскаго церк. братства. Въ 1625 г. онъ сталъ кіево-печер. архимандритомъ. Главныя его сочиненія, кромѣ »Палинодіи«: »Книга о вѣрѣ« 1619 г. (противъ протестантовъ) и »Бесѣды Іоанна Златоуста на Дѣянія св. Апостолъ« 1624 г. Написанная же имъ въ 1621—22 гг. »Палинодія« противъ изданной въ 1617 г. книги »Оборона уніи« и принадлежащая къ лучшимъ полемич. сочиненіямъ двухъ столѣтій, не могла быть нигдѣ напечатана и ходила по рукамъ только въ спискахъ. Значеніе ея въ богословскомъ, историческомъ и научно-литературномъ отношеніяхъ весьма велико. Впервые она напечатана была только въ 1878 г. въ СПБ., въ IV т. Рус. Историч. Биб-ки.

[51]) Согласно записи въ львов. Св.-Онуфріевскомъ м-рѣ н-ръ 49 (Лимонарій Софронія): »Февруарія 13, в суботу первую св. Поста (1608 г.), преставися благочестивый князь Константинъ-Василій Острожскій, живъ 81 годъ«. Его сынъ и наслѣдникъ, краковскій каштелянъ, Янушъ (Иванъ) былъ уже католикъ и занимаетъ въ сочиненіяхъ польскихъ историковъ видное мѣсто. Онъ умеръ на 66-омъ году жизни 19 сентября 1620 г., не оставивъ мужескаго потомка. Онъ и послѣ своего перехода въ католичество, въ общемъ, къ культурнымъ православнымъ учрежденіямъ своего отца относился терпимо. Разрушила же ихъ и уничтожила его сестра и дочь К. К. Острожскаго, ранѣе Януша перешедшая въ римо-католичество, княгиня Анна Алоиза, замужняя Ходкевичъ. Она княжью русскую школу въ Острогѣ превратила въ іезуитскую коллегію, русскую печатню въ латинскую. Впрочемъ же эта печатня, уже какъ латинская, въ силу сложившихся условій и обстоятельствъ, не могла продолжать своей дѣятельности, быстро падала и вскорѣ совсѣмъ исчезла. Есть предположеніе, что остатки ея попали позже въ великолѣпно развивавшуюся кіевскую печатню (съ 1616 г.).

щекотливый вопросъ о будущихъ взаимоотношеніяхъ отдѣльныхъ печатенъ на нашей родинѣ удовлетворительно, въ томъ смыслѣ, что имъ предстоитъ и слѣдуетъ такимъ же образомъ раздѣлить между собой издательскія заданія и тогда откроется для всѣхъ самое широкое и благодарное поле культурной дѣятельности въ пользу всего русскаго народа, — и въ самомъ дѣлѣ всего, ибо тогда и еще долгое время потомъ, печатаемыя въ юго-западной Руси книги расходились также въ сѣверо-восточной свободно и въ большомъ количествѣ. Увы, этого не случилось и этотъ примѣръ не научилъ ихъ ничему. Въ теченіе долгихъ столѣтій здѣсь у насъ все возникающія и падающія печатни только подрывали львовскую братскую печатню, безъ пользы для себя и съ большимъ ущербомъ для русской культуры.

Выкупъ печатни Ивана Федорова львовскими Успенскими братчиками.

Самому Ивану Федорову, при жизни, не посчастливилось развернуть свою печатню въ большое и мощное печатно издательское предпріятіе, но зато счастлива была его рука въ наученіи, управленіи и выведенін въ мастера печатнаго дѣла ряда лицъ духовнаго званія и мірянъ, въ каждомъ мѣстѣ своей дѣятельности, т. е. въ Москвѣ, Заблудовѣ, Острогѣ и, наконецъ, во Львовѣ. Кромѣ того онъ тамъ повсюду пробуждалъ въ русскихъ людяхъ къ этому дѣлу интересъ, симпатіи и охоту продолжать его и поддерживать матеріально и нравственно.

Во Львовѣ прежде всего энтузіастомъ печатнаго дѣла былъ упомянутый уже первый кредиторъ Ивана Федорова и близкій другъ кн. А. М. Курбскаго,[52]) мѣщанинъ краковскаго предмѣстья, Семенъ (Сенько) Сѣдляръ, человѣкъ интеллигентный, просвѣщенный и пользующійся въ средѣ львовскаго русскаго мѣщанства уваженіемъ и вліяніемъ. Онъ отдалъ Ивану Федорову въ ученье своего сына Сачка Сѣдляра, который, послѣ смерти отца, почти одновременной со смертью Ивана Федорова, какъ его выученикъ, считалъ себя призваннымъ и способнымъ возобновить и продолжать его дѣло, тѣмъ паче, что, уплативъ послѣ смерти Ивана Федорова разные его долги, былъ также совладѣльцемъ заложеннаго его имущества въ видѣ печатнаго прибора и цѣлаго склада напечатанныхъ книгъ, особенно примѣрниковъ Библіи. Онъ и отчимъ его, также печатникъ и выученикъ Ивана Федорова, Семенъ Корунка, устроили вдвоемъ свою печатню и книжную лавку въ помѣщеніи, въ которомъ находилось это имущество

---

[52]) Объ этихъ близкихъ отношеніяхъ между ними свидѣтельствуетъ письмо кн. А. М. Курбскаго изъ Волыни къ Сеньку Сѣдляру въ январѣ 1580 г. Въ немъ, между прочимъ, князь обращается къ этому льв. рус. мѣщанину съ такими сердечными словами: »О превозлюбленный мой брате, правовѣріемъ украшенный! Єпистолію твою пріяхъ и прочтохъ и выразумѣхъ, и познахъ въ тобѣ искры, отъ Божественнаго огня возгореніемъ являемыя... Самъ потщися навѣдати мя, прошу тя, тогда благодать духа на помощь призвавши, усты ко устомъ бесѣдовати будемъ«.

Ивана Федорова, въ домѣ Ивана Бѣлдаги.[53]) О дѣятельности этой печатни извѣстно мало. Изъ документовъ, обнародованныхъ Бостелемъ, явствуетъ, что въ ней дополнительно были иапечатаны недостающіе листы Острожской Библіи. Въ февралѣ 1588 г. эта печатня, вмѣстѣ со складомъ книгъ, продана была Сачкомъ Сѣдляромъ и Семеномъ Корункой мѣщанину Кузьмѣ Мамоничу въ Вильну. Но и этотъ эпизодъ недолгаго ея существованія вѣроятно убѣждалъ львовское русское мѣщанство въ томъ, что печатное наслѣдство Ивана Федорова можно будетъ удержать при жизни, развить и укрѣпить только своими общими силами и средствами.

Заложенныя и перезаложенныя у Израиля Якубовича печатныя принадлежности Ивана Федорова ждали послѣ его смерти себѣ купца и вскорѣ таковой явился въ лицѣ торговцевъ изъ его же родины, гдѣ, между тѣмъ, печатное дѣло уже укрѣпилось и дальше розвивалось благополучно. Именно осенью 1584 г., пріѣзжіе московскіе купцы хотѣли ихъ у еврея купить и вывезти въ Москву. Хотя на этомъ имуществѣ претензія Израиля Якубовича была достаточно обезпечена, ибо на относит. закладномъ листѣ находилась подпись также сына Ивана Федорова, Ивана Переплетчика (Друкаревича), еврей, желая имѣть полную свободу въ распоряженіи этимъ заложеннымъ у него имуществомъ, выхлопоталъ себѣ въ еврейскомъ кагальномъ судѣ во Львовѣ, 4 декабря 1584 г., приговоръ въ томъ смыслѣ, что всѣ эти вещи становятся его, Израиля Якубовича, собственностью, съ правомъ ихъ продажи.[54]) Встревоженные слухами о томъ, что эти вещи могутъ быть евреемъ проданы и вывезены въ Москву, братчики Успенской церкви и львовскій православный епископъ Гедеонъ Балабанъ [55]) постановили ихъ выкупить и дѣйствительно ихъ выкупили за полтора тысячи золотыхъ, выплачиваемыхъ въ разсрочку и за подписью епископа и братчиковъ и по уплатѣ нѣкоторой суммы въ видѣ задатка, о чемъ и разсказываетъ Гедеонъ Балабанъ въ своемъ посланіи ко всей іерархіи и вѣрнымъ отъ 8 ноября 1585 г., съ воззваніемъ вносить пожертвованія на уплату всей должной суммы. [56])

---

[53]) Домъ этотъ находился рядомъ съ зданіями Успенскаго братства по Бляхарской ул. и впослѣдствіи вѣроятно перестроеный, получилъ оріент. н-ръ 7; онъ былъ только послѣ всемірной войны окончательно разрушенъ и снесенъ.

[54]) Monumenta, стр. 103.

[55]) Съ 1576 г. еппъ Гедеонъ Балабанъ уже жилъ во Львовѣ.

[56]) Изъ этого посланія видно, что проектъ выкупа вышелъ отъ епископа, выкупили же сообща, епископъ и братчики Успенской церкви: »...За волею божиєю — сказано въ немъ — никоторых часов недавно прошлых устроилося было писмо друкарское через Ивана Москвитина друкаря памяти добре годного споможеннєм благочестивых панов а православных християнъ а найболше єго милости христолюбиваго и благочестиваго княжате пана а пана Костянтина княжате острозского воєводи києвского. Которого устроєнного писма благодатию божиєю показалися церквам божим на потребу и православным християнам ко науцѣ книгъ не мало. Но нжь тои Иван друкар помыслил был болше книг ремесла своєго друкарского на потребу церквам святым розмаитых для хвалы божеи а науки православным християном выдати, на що зближился

Фактъ этого выкупа печатныхъ принадлежностей Ивана Федорова и считается началомъ и основаніемъ братской Успенской печатни во Львовѣ, хотя она еще два или три года не работала и не могла работать но нѣсколькимъ причинамъ.[57]) Вообще складывавшіяся тогда обстоятельства сильно осложняли дѣло возстановленія печатни во Львовѣ.

Къ счастью, тогда же въ помощь ему явилась новая вліятельная и высокоавторительная сила со стороны — это горячо поддерживающіе печатное дѣло восточные патріархи, кіевскій митрополитъ и др. іерархи.

Къ концу 1585 г. прибылъ во Львовъ „от собору патріархов", какъ въ грамотахъ сказано, антіохійскій патріархъ Іоакимъ, съ порученіемъ уладить рядъ церковныхъ дѣлъ, и посовѣтовалъ, между прочимъ, львовскимъ русскимъ мѣщанамъ основать братскую печатню.[58])

Вскорѣ, ибо уже 15 января 1586 г., патріархъ Іоакимъ осо-

был зо всѣми варстати своими до мѣста славнаго Львова. В том волею божиєю прыпол час скончатися животу єго впадши в болезнь ко с(о)мерти. И ку тои потребѣ своєи оныя варстаты усѣ зо всѣми належачими штуками заставил — в згиненоє имя — до жидов в суме не малои, в полторы тысячи золотых, щого тыж и долги своя платил. И по скончании живота єго знашли ся таковыє купчикове хотѣвши оныє всѣ матрецы и приправы друкарскиє купити а до московскоє землѣ с панствѣ єго королевскоє милости вывезти, скарбь особливыи загубити и з шкодою не малою церквам божим и всему православию закону святого греческого. Ино я, ужалившися таковоє шкоды, абы той скарбъ до чужеи землѣ не выношался, хотячи тыж послужити в том господу богу и всему православному християньству, чинячи повинности своєи єпископскои досыть, хотяиже не маючи на то доходов, но надѣючися на господа бога и на православныя християны, купили єсмо тыє всѣ приправы друкарскиє, до друкарнѣ належачиє, за тую ж суму, яко и заведены были, за полторы тисячи золотых весполокъ с паны мещаны лвовскими. Которыє тыє инструмента всѣ сторгувавши у жида взялисмо их до рукъ своих в скарьбницу церковную давши на себе запис жидови з великим варованєм тыє полторы тисячи золотых дати на часы певныє...« потому и проситъ »благочестивых и христолюбивых православных християн о споможениє заплаты того святолюбивого дѣла, чим кого господь бог научити воразумит по силѣ ваших милостеи а то для розмножения хвалы бога вседержителя и для науки святому православию за своє отпущениє грехов и вѣчноє богомолство, за що заплата будет вашим милостям во царствии небесном от христа спаса и владыки бога нашого. С которым то писанием своим послалисмо ко вашим милостям православным християном Мину черица (эти два слова вписаны другой рукой), за которым посланцемь ваших милости прошу жебы ваши милости рачили єго до себе вдячне принявши ласкаве от себе отпускати«. (Monumenta, LXXIX.p.111-112. Епископъ же будетъ богомольцемъ всѣхъ жертвователей и т. д. Чернецъ Мина, какъ извѣстно, былъ ученикомъ печатнаго дѣла у Ивана Федорова.

[57]) Вѣроятно, изъ-за выдачи евреемъ этого печатнаго прибора только частями, по мѣрѣ полученія частями слѣдуемой ему суммы; медленнаго и труднаго сбора пожертвованій, которыя употреблялись прежде всего на строеніе братчиками новой Успенской церкви; изъ-за начавшейся борьбы братства съ епископомъ; строенія дома для печатни и др.

[58]) Въ предисловіи грамматики »Адельфотесъ«, Львовъ, 1591 г. отмѣчено: »Изволеніємъ Божія человѣколюбія пріиде святѣйшій патріархъ великія Антіохія, Божія града, киръ Іоакимъ, во богохранимый градъ Львовъ; увидѣ же нерадѣніє о исправленіи въ Росскомъ родѣ, совѣтова сія изряднѣ полезнѣйша быти — братство, школа и друкарня«.

бымъ посланіемъ, написаннымъ во Львовѣ, и самъ проситъ вѣрныхъ своими пожертвованіями помочь львовскимъ братчикамъ.[59])

Патріархъ Іоакимъ доложилъ о положеніи дѣлъ во Львовѣ и своихъ распоряженіяхъ вселенскому константинопольскому патріарху, поручая, конечно, львовское братство его вниманію и попеченію.[60])

Успенскіе братчики, также въ своемъ письмѣ отъ 28 мая 1586 г. къ константинопольскому патріарху Ѳеолипту, ссылаясь на эти грамоту и посланіе патріарха Іоакима, просятъ объ утвержденіи ихъ „хартіи братства", съ сообщеніемъ, что хотятъ „такожде и друкарню замедленную воздвигнути писма грецкого и словеньского ради умноженія святых книгъ". (Monum., LXXXVIII, p. 139).

Но на указанныя большія нужды въ теченіе всего года поступило все таки недостаточно пожертвованій, почему епископъ Гедеонъ Балабанъ вторично проситъ о нихъ своимъ новымъ посланіемъ отъ 10 декабря 1586 г., особенно подчеркивая въ немъ потребность своей печатни, а также то, что для веденія печатни во Львовѣ знатоки-печатники уже имѣются.[61])

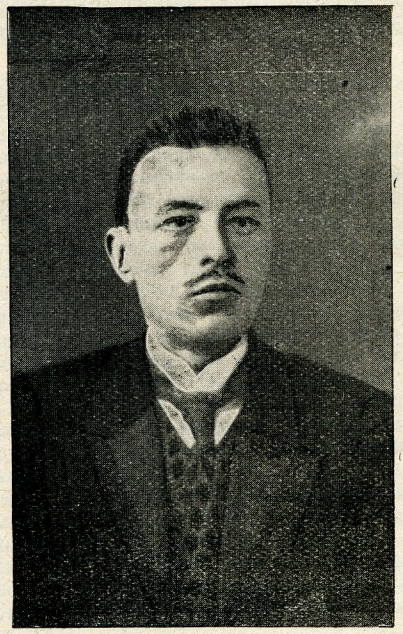
И весной слѣдующ. года, несмотря на разгорѣвшуюся уже распрю между львовскимъ Успенскимъ братствомъ и епископомъ Гедеономъ Балабаномъ, онъ все же поддерживаетъ дѣятельность

---

[59]) Въ этомъ патріаршемъ посланіи отъ 15 янв. 1586 г., послѣ общаго обращенія ко всѣмъ вѣрнымъ выразительно указана цѣль пожертвованій: »...и всѣмъ повсюду православнымъ християномъ — ознаймуємъ симъ нашимъ листомъ, ижъ ве Львове в мѣсте християнъская церковъ хочетъ строєниємъ поновлятися, то єстъ наукою писма светого и хотятъ с помочю божею панове мещане львовские школу закладати для наученъя дѣтемъ християнъскимъ вшелякого стану, которые бы мѣли учитися писма светого грецъкого и словенъского, да не будетъ родъ ихъ християнъскимъ вшелякого стану, которые бы мѣли учитися писма светого грецъкого и словенъского, да не будетъ родъ ихъ християнъскии аки безсловесенъ ненаучения ради. И теж купили друкарню писма словенского и греческого ку тоиже школе потребную в полторы тисячи золотых заставленую и тежь церъковъ хотятъ муровати новую и домъ на школу и домъ на друкарню на шъпиталъ просто всепоновляючи законъное строєниє...« почему и проситъ всѣхъ о »вспоможеніи«. Monumenta, LXXXI p. 119—120.

[60]) Видно это изъ архипастырскаго посланія кіевскаго и галицкаго митрополита Михаила отъ 20 января 1592 г.: »Божіим благоволеніємъ — пишетъ мит-тъ — прииде во градъ Илвовъ светѣишіи кир Іоаким, патріархъ великія Антіохія, божія града, и совѣтова устроити чин церковнаго братства и школную грамматическую науку еллинскаго и словенскаго писанія, при чом же и друкарню. И о семъ возвѣсти своимъ писаніємъ въ Константинъ градъ ко вселенскому патріарху«. (Monumenta, CCXL p. 328).

[61]) »Недавного часу — пишетъ епископъ — з волѣ божеи для хвалы имени єго светого такъ тыжъ для розмноженя наукъ писмъ наших словенскихъ рускихъ внесена была до тых краюв наших друкарня руская, которая ижъ за недостатком а потом за смертю друкаря тоеи друкарнѣ згасла была. Прото мы стараючися о томъ, абы знову наше писма друковане были и абы при тои друкарнѣ школу грецкую для науки нашего благочестыя во градѣ Львовѣ фундовати, умыслили єсмо людеи християн православных благочестия нашого ратуньку и вспоможеня, кгдыж то немалого кошту и накладу потребуєт шукати, для которого тыхъ богомолцовъ и священиковъ наших лвовскихъ промежку людеи християнскихъ посылаєм, кгдыж се до того и ремесници таковыи и люде ученныи показуютъ«. И заключаетъ просьбой о матеріальной поддержкѣ этого печатнаго предпріятія. (Monum., LXXXIX, p. 142—143).



Яковъ Ивановичъ Поврозникъ
смотри некрологъ, стр. 120—121.

братства своими воззваніями къ пожертвованіямъ, особенно на построеніе церкви, на школу и печатню.[62])

Когда распря между епископомъ и братствомъ дошла до крайнихъ предѣловъ, братчики упросили константинопольскаго патріарха Іеремію поддержать ихъ, и онъ своимъ патріаршимъ посланіемъ въ ноябрѣ 1589 г. взываетъ вѣрныхъ поспѣшить съ помощью также въ дѣлѣ окончательной выплаты долга за печатню.[63])

По настоянію братчиковъ вселенскій патріархъ Іеремія въ томъ же ноябрѣ 1589 г. выдалъ львовскому Успенскому братству первую грамоту на независимую братскую печатню, съ самой широкой программой свободнаго печатанія всѣхъ книгъ, употреблявшихся тогда на Руси.[64]) Кромѣ патріаршей, на этой грамотѣ находились также подписи епископовъ луцкаго Кирилла Терлецкаго и львовскаго Гедеона Балабана.

---

[62]) Изъ его посланія отъ 1 мая 1587 г. видно, что потребность въ печатнѣ особенно чувствительна изъ-за открытой уже и дѣйствующей братской школы: »Ознаємуємъ, ижь ве Львовѣ въ мѣстѣ церковъ успения пречистыя божия матере и шпиталь и домы церковныє огнемъ погорѣвъши упадаєтъ жалостъне всему христианъству нашему съ поруганиемъ иновѣрныхъ людий. Протожь панове мещане львовские подвигнулися выше силы ихъ направляти упадлые справы, будучи самы въ людехъ и на маєтъностехъ зешлые, сподѣваючися на господа бога и на христианскую милостивую добродитель, не хотячи тыжь погасити славы церквамъ и мѣстамъ христианскимъ. Притомъ тыжь еще зачали и другое будование храма духовънаго, то єстъ науки писма святого греческаго языка и словенскаго, заложили школу за благословениемъ святѣйшаго Иокима патриарха великоя Антиохыя и за приводомъ нашимъ. Притомъ тыжъ и друкарню опущенъную видвигнули, стараючися весполъ зъ нами, абы знову наше писма друкованы были для хвалы бога въ тройци единаго и для розъмножения граматическое науки старожитънаго порядку святого благочестия греческаго закону, где южь за волею милостивого бога почалися науки отъ господина Арсения, митрополита димонитъскаго и еласинскаго, отъ Цариграда гречина, который учитъ во Львовѣ писму греческому и словенъскому дѣти всякого стану: убогихъ за простн богъ, а богатыхъ за ровнымъ датъкомъ. И тыжъ до друкарнѣ ремесници, и люде ученые показали ся, которая то шъкола и друкарня посполитыхъ людий именемъ и накладомъ вѣчне славити и множитися маєтъ«. (Юбилейное изданіе, Львовъ, 1886, н-ръ 85, стр. 58). А въ своемъ посланіи отъ 3 мая того же года оповѣщаетъ всѣхъ о томъ, что, согласно постановленію »на соборѣ львовскомъ«, онъ разослалъ повсюду посланцовъ за пожертвованіями на эти цѣли и проситъ принимать ихъ сердечно. **(Monumenta, XCI, p. 142)**.

[63]) Въ тогдашняемъ переводѣ съ греческаго это посланіе, между прочимъ, сообщаетъ: »Пришли ко намъ братство успенія пресвятыя богородица гражане львовскіє, иже имѣютъ нужную потребу ново будовати храмъ успенія пресвятыя богородица состарѣлый и растлѣнъ суще прежде, таже и штамбу отъ рукъ еврейскіи искупити, юже застави Ѳеодоръ Москвитинъ. Восприймѣте ихъ тихимъ лицемъ любезнѣ и дадите имъ подобающую милостиню и вспоможеніє...« (Юбил. изд., н-ръ 86, стр. 59. Также Архивъ Ю.-З. Россіи, ч. I., т. X, стр. 442—443).

[64]) Въ 3-ьей ст. этой грамоты сказано: »Маютъ вольность братство Успенія Богородица друковати невозбранно священныя книгы церковныя прилежно и з великым опатренєм, не токмо часословцы, псалтыры, апостолы, минеи и треоди, требникы, синаксары, євангеліє, метафрасты, торжники, хроники сирѣчъ лѣтописцы, и прочая книгы богословов церкви нашея Христовы, но и училищу потребныє и нужныє, сирѣчъ грамматику, пѣнтику, реторику и философію«, послѣднія, конечно, имѣя въ виду нужды льв. братской школы. (Соврем. переводъ съ греч. **Diplomata Statutaria, № XVI, p. 64**; Памятники Временной комиссіи, Кіевъ, 1852, т. III, стр. 40).

Въ своихъ обращеніяхъ о пожертвованіяхъ братство всегда, какъ прежде, такъ и теперь и позже, нпр. и въ письмѣ отъ 8 октября 1590 г. къ Георгію, архіепископу земли молдавской,[65]) заявляетъ, что собираетъ средства на строеніе храма, домовъ школы, печатни и т. д., но наибольше средствъ шло на постройку церкви, въ виду чего долгъ за печатню былъ выплаченъ окончательно только въ 1590 г. Потому нѣкоторые предполагаютъ, что братская печатня начала свою дѣятельность только въ 1591 г. напечатаніемъ грамматики „Адельфотесъ". Преобладаетъ, однако, мнѣніе, что это наступило двумя-тремя годами раньше.[66])

Начальная дѣятельность братской печатни.

Съ самаго начала 1591 г. изъ львовской братской печатни выходятъ уже печатныя произведенія, сохранившіяся и до насъ дошедшія.[67])

Заставила братскую печатню скорѣе взяться за книгопечатаніе жгучая нужда въ учебникахъ для братской школы, учебный уровень которой былъ въ то время уже очень высокъ, при такихъ преподавателяхъ, какими были: элассонскій митр. Арсеній, Стефанъ Зизаній, его братъ Лаврентій Зизаній-Тустановскій,

---

[65]) Юбил. изд., н-ръ 87, стр. 59—60.

[66]) А. С. Петрушевичъ (Хронологическая роспись, н-ръ 3) утверждаетъ, что львовская братская печатня начала свою работу уже въ 1585 г., Д. И. Зубрицкій, что въ ней въ 1586 г. напечатано было пастырское посланіе епна Гедеона. А. Крыловскій и К. Б. Харламповичъ также подаютъ, что она была пущена въ движеніе двумя-тремя годами раньше, хотя ея первыя печатныя работы и не сохранились. Въ частности, Крыловскій полагаетъ, что къ 1 мая 1587 г. печатня была готова и уже дѣйствовала. Такъ это вѣроятно и было.

Относительно этого положительнаго предположенія о болѣе раннемъ началѣ печатанія въ льв. братской печатнѣ и отрицательнаго отвѣта на вопросъ о началѣ печатанія въ Москвѣ и Львовѣ (см. выше) до появленія тамъ Ивана Федорова, какъ печатника, остается сказать коротко: за неимѣніемъ достовѣрныхъ данныхъ, трудно допустить, чтобы въ Москвѣ и Львовѣ чтонибудь уже было напечатано, до выступленія тамъ Ивана Федорова, т. е. до завершенія имъ организаціи одной (московской) и другой (львовской) печатенъ. Зато скорѣе можно допустить, что во Львовѣ, въ концѣ 80-тыхъ годовъ XVI в. печатня уже возобновила свою дѣятельность, ибо она уже разъ была съорганизована и работала раньше. Возможно, что въ этой возобновленной и уже братской печатнѣ книги еще не печатались, а только посланія, воззванія и т. п., и что ея первою напечатанною книгою и былъ Адельфотесъ, но и эта грамматика, съ параллельнымъ текстомъ на двухъ языкахъ: греческомъ и церковно-славянскомъ, своимъ техническимъ исполненіемъ и хорошимъ видомъ, показываетъ, что эта львовская братская печатня работала уже нѣкоторое время до этого, пріобрѣла извѣстную практику, и запаслась замѣтнымъ опытомъ.

[67]) По порученію пріѣхавшаго во Львовъ 17 янв. 1591 г. кіевскаго и галицкаго митр. Михаила, въ ней 23 янв. напечатано было вмѣстѣ съ его посланіемъ, посланіе патр. Іереміи, написанное въ ноябрѣ вѣроятно 1589 г. объ устраненіи изъ церквей нѣкоторыхъ обрядовъ, несходныхъ съ христіанскимъ вѣроученіемъ. Вскорѣ же, ибо 1 февр. 1591 г. преподаватели и ученики львовской братской школы напечатали свой привѣтственный панегирикъ п. з. »Просфонима«. (перепечатанный въ »Рус. Исторической Библіотекѣ«, т. XIX, стр. 61—75 и объясненный въ ст. С. Голубева въ Кіев. Епарх. Вѣдом., 1874 г., н-ра 5—6).

Кириллъ Транквилліонъ Ставровецкій и др.[68]) Объясняется этимъ интересный фактъ, что изъ братской печатни, выпускавшей впослѣдствіи въ подавляющемъ большинствѣ церковно-богослужебныя книги, первой печатной вышелъ, кажется въ сентябрѣ 1591 г., школьный учебникъ, именно въ 8⁰ и на 183 лл., полугреческая полуцерковно-славянская грамматика, п. з.: Ἀδελφότης. Грамматіка доброглаголиваго еллинно-словенскаго языка. Совершеннаго искуства осми частей слова. Ко наказанію многоименитому Россійскому роду. Во Лвовѣ. В друкарни Братской. Року аѳїа. Въ ней и сказано: „Грамматика сложенъна от различныхъ грамматикъ спудейми (т. е. студентами), иже въ Лвовъской школѣ“, конечно, подъ непосредственнымъ руководствомъ митр-та димонитскаго и элассонскаго Арсенія, какъ преподавателя греческаго языка въ львов. брат. школѣ.

Патріаршія грамоты и королевскія привилегіи.

Вопросъ о цензурѣ печатаемыхъ книгъ не былъ выясненъ и сначала никѣмъ не поднимался. Онъ, впрочемъ, тогда еще и не былъ особенно важенъ, ибо, все равно, печатниками и редакторами изданій (преимущ. церковныхъ книгъ) были тѣже монахи и вообще духовныя лица. Въ патріаршихъ грамотахъ братство получило разрѣшеніе и благословеніе на печатаніе въ своей печатнѣ всего, правда, „прилежно и з великимъ опатренємъ“, но это было только наставленіе самому братству. Во всякомъ случаѣ, братство не считало себя обязаннымъ подвергать свои изданія цензурѣ льв. епископа Гедеона Балабана, изъ-подъ власти котораго было изъято, ни даже кіевскаго и галицкаго митрополита, ибо было подчинено непосредственно власти вселенскаго патріарха въ Константинополѣ.

Въ этомъ привилегированномъ положеніи братства, какъ ставропигіальнаго, полностно и окончательно таковымъ признаннаго съ 1593 г., и заключались сущность и причина распрей, тяжбы и борьбъ между льв. братствомъ, съ одной стороны, и льв. епископами и кіевскими митрополитами, съ другой, также и особенно въ его печатно-издательскомъ кругѣ дѣйствій.

На первыхъ порахъ братство имѣло за собой митр-та Михаила Рагозу, враждовавшаго съ еп-помъ Гедеономъ. Митр. Михаилъ отъ имени собора православн. епископовъ въ Берестѣ, съ участіемъ также двухъ представителей львов. Успенскаго братства, своею грамотою отъ 27 октября 1591 г., благословилъ и утвердилъ обѣ братскія печатни, одну во Львовѣ, а другую въ Вильнѣ, своимъ же посланіемъ отъ 20 января 1592 г., со ссылками на патріаршія грамоты, просилъ все духовенство и вѣрныхъ поддержать львовское братство.[69])

---

[68]) В. Р. Ваврикъ: Школа и бурса львов. Ставропигіона во Временникѣ Ставропиг. Ин-та на 1933 г., стр. 25—54.

[69]) Монум., стр. 320 и 327—328; Арх. Ю.-З. Россіи, ч. I, т. X, н-ръ 43.

Но борьба съ еп-помъ Гедеономъ была тѣмъ труднѣе, что онъ уже не слушался ни митрополита, ни патріарха, заслоняясь королевскимъ привилеемъ на епископію, котораго-де отмѣнить не можетъ и самъ патріархъ. Братство, поэтому, стало хлопотать о полученіи для себя подобнаго королевскаго привилея, который защищалъ бы его отъ вмѣшательства въ его дѣла со стороны не только епископа, но и львов. магистрата и другихъ властей и учрежденій (цеховыхъ, костельныхъ и т. д.). По заступничеству, покровительству и настоянію друзей братства, русскихъ правосл. вельможъ, кн. К. К. Острожскаго и Федора Скумина-Тышкевича, король Сигизмундъ III далъ львовскому Успенскому братству такой привилей двумя грамотами отъ 15 октября 1592 г., также на братскую печатню.[70])

Но постановленія этихъ и позднѣйшихъ королевскихъ привилеевъ и вытекающія изъ нихъ для братства права этими мѣстными властями и учрежденіями не соблюдались и не уважались. Потому и по цѣлому ряду иныхъ причинъ, извѣстныхъ изъ общей русской исторіи, братство вообще и братская печатня въ частности, особенно послѣ берестейской уніи 1596 г., находились въ очень трудномъ положеніи, ярче всего изображенномъ въ братскомъ отзывѣ 1600 г.[71]) Содержаніе и тонъ этого отзыва почти отчаянны.

---

[70]) Monum. № CCLII, p. 387—391.

[71]) Такъ какъ этотъ отзывъ льв. Успен. братства отъ 26 іюня 1600 г. чрезвычайно важенъ для исторіи и строенія зданія Усп. церкви и ранней дѣятельности братской печатни, то нелишне привести здѣсь отрывки его вмѣстѣ съ примѣчаніями проф. И. И. Шараневича изъ Юбил. изд., стр. 99: »Отзывъ Ставропигійского Львовского братства Успенія пречистой Богородицы къ преосвященнымъ... Архіепископомъ и Епископомъ и достойно почестнымъ Архимандритомъ, Игуменомъ, о Христѣ честнымъ протопопомъ и попомъ, о Святомъ Дусѣ возлюбленнымъ Архидіакономъ и Діакономъ и всему причту Святыхъ божихъ церквей. Ясне Вельможнымъ ихъ милость княжатомъ, паномъ Воеводамъ, каштелянамъ и ихъ Милостъ паномъ Старостамѣ, урожонымъ паномъ землянамъ, паномъ войтомъ Дѣдицкимъ, славетнымъ паномъ мѣщаномъ и опатрнымъ паномъ Радцамъ и всѣмъ восточного православія Христіаномъ сыномъ Сионскимъ...

Документъ сей напечатанъ въ Ставропигійской типографіи съ вытискомъ печати Ставропигійскаго братства, представляющей башню съ изображеніемъ льва въ воротахъ и съ надписью: »**Оглашеніе церкви братской**« не имѣется днесь уже въ архивѣ Ставропигійскаго Института. Изъ копіи, писанной латинскими буквами, обрѣтающейся въ рукописи Д. Зубрицкаго: **Kronika Stauropigiańskiego Bractwa** умѣщаемъ здѣсь слѣдующіе главнѣйшіе отрывки его: »Не безъ вѣсти есте о томъ, якъ отъ давныхъ лѣтъ утяжени есмо ярмомъ Египетской неволи невыповѣденныхъ бѣдъ... Навить наименшои иглы и шилця, чимъ бы только человѣкъ живъ бытимогъ, забороняютъ намъ панове... уживати... А то наибарзѣи за отступленіемъ старшихъ нашихъ бывшихъ духовныхъ метрополити и владыковъ атакуючи, и насъ за ними въ тои-же отступленія образъ къ послушенству ихъ притягаючи, которыми то бѣдами ужесмо сутъ змучени и знищени... промышляючи добрая предъ Богомъ и человѣки, нехотячи всенародное славы и утѣхи христіанское зде угасити: за приводомъ и праве примусомъ Святѣйшихъ Патріарховъ и на онъ часъ еще всѣхъ купно будучихъ митрополита и епископовъ въ нашихъ землехъ сихъ россійскихъ, кгдыжь оны мѣсто и мѣстце способнѣишое на тое Львовъ усмотривши и сеимовыми привилеими умоцнивши усиловали насъ на то и надъ силу нашу двигнути розсказали, то есть церковного мурованя прекраснымъ дѣломъ цар-

Строеніе Успенской церкви и перемѣщенія печатни.

Строенію церкви и дѣятельности печатни дѣлались постоянно всевозможныя препоны на каждомъ шагу. Поскольку жалобы и апелляціи не помогали, приходилось братчикамъ вездѣ откупаться и всячески задабривать власть имущихъ, и во Львовѣ и въ высшихъ инстанціяхъ, поднося имъ цѣнные подарки, и денежные и драгоцѣнными вещами. Но подарки брались исправно, а дѣла продвигались туго, распоряженія высшихъ властей исполнялись медленно или только частично, а то и вовсе не исполнялись. Даже королевскіе приговоры, привилеи и приказы часто мѣстными властями не исполнялись, особенно при Сигизмундѣ III, и онъ этимъ не обижался и на ихъ исполненіи не настаивалъ. Впрочемъ же неразъ королевскіе приговоры, привилеи и приказы противорѣчили, противились и противодѣйствовали другъ другу такъ, что и, въ самомъ дѣлѣ, не могли быть исполнены. Оставался братству еще только одинъ-единственный путь добыванія себѣ и защиты своихъ правъ — это чрезъ покровительство, заступничество и давленіе на верховодящіе круги со стороны русскихъ правосл. вельможъ: князей Острожскихъ, Вишневецкихъ, Скуминыхъ-Тышкевичей, Потоцкихъ, Адама Киселя и др., но въ теченіе XVII в. также ихъ юго-западная Русь потеряла. Такъ въ общемъ. А относительно братской печатни достаточно поучителенъ дальнѣйшій ходъ ея исторіи.

скимъ, якъ царю всѣхъ Христу Богу домъ хвалѣ его уробити, къ тому школу наукъ христіанскихъ кгрецкихъ и словенскихъ дѣтемъ вашимъ и всѣмъ посполе фундовати, ижбы пиючи въ чужихъ студенцахъ воды наукъ иноязыческихъ, вѣры своеи не отпали, за чимъ праве и все народное згиненіе барзо близко ходитъ. Тутежъ и друкарню писма греческого и словенского выкупивши за немалую суму грошеи двигнулисмо за ласкою божою. На которые тежь потребы, или на онъ часъ у початку обетнецъ для ратунку на то было много, отъ предныхъ звлаща начелнеишихъ въ родѣ томъ россійскомъ, али къ скуткови про зависть и ненависть отъ вселукавого діавола« (не прійшло)... »Хотяи такъ речемъ, ижъ не подано намъ руки помощи на все тое праве ничого, али еще и зазленія и прешкодъ и отъ мнящихъся быти нашыхъ бѣдъ гоненія, утерпѣли есмо барзо много, ажъ муселесмо до общеи людеи съ тымся удавати: иножъ и тамъ датковъ мало, а присловія и вымовокъ много: Умыслъ теды и способъ для остатного поратованя тыхъ всенародныхъ бѣдъ и потребъ съ порады и воли ихъ Милостеи приложоныхъ духовныхъ нашихъ есть такіи. На што съ листы, съ печатьми рукъ ихъ Милостеи самыхъ дани сутъ на то, абы внесли просьбы до всихъ посполитыхъ людеи Ихъ Милостеи Пановъ Шляхты, мѣстъ и мѣсточокъ и селъ и наветъ проселеи о всенародное поратованіе на великіе всехпосполитого добра ясные потребы«. (Тутъ указываютъ братья Леополитане въ отзывѣ на примѣръ »невѣрныхъ жидовъ« во Львовѣ, которые спасеніе своимъ отовсюду подали »противко отцомъ Іезуитомъ« и не дали взять школы (божници) себѣ во Львовѣ, и жалуются на то, что имъ не божницу жидовскую берутъ, »али все народное христіанское набоженство и волности вишпотити путемъ процесовъ и зволоки справъ усилующе... Просячи унижено о милостивое баченя и поратованя на такъ важныи потребы во сѣхъ Васъ посполитіе«...). »Подаите руку помочи съ милостивои ласки Ваши, или вмѣсто милостыни или у способъ пожичанный, што Богъ подастъ до сердецъ Вашихъ и тое прыимимъ за певнымъ рукописаніемъ нашимъ и постановленіемъ на певный часъ отдати. Вашихъ милостеи упреимо жичливые... Братство Леополите...« (Также А. С. Петрушевичъ: Сводная Лѣтопись съ 1600 по 1700 годъ. Львовъ, 1874, стр. 8—9).

Къ началу XVII в. братскія учрежденія, въ ихъ числѣ и печатня, упрочились и укрѣпились, благодаря цѣлому ряду важныхъ причинъ. Къ нимъ причислить слѣдуетъ и наступившее тогда примиреніе братства съ епископомъ Гецеономъ Балабаномъ, по настоянію главнымъ образомъ кн. К. К. Острожскаго и по соображеніямъ необходимости объединенія обѣихъ враждующихъ сторонъ для самозащиты передъ наступавшими уніатами.[72]) Послѣ смерти Гедеона сталъ львовскимъ правосл. епископомъ кандидатъ братства Еремія Тисаровскій, пользовавшійся вообще симпатіями гал.-русскаго народа. За все время своего долгаго управленія львовскою эпархіею (1607—1641 гг.) онъ находился съ братствомъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, помогалъ ему въ благополучномъ завершеніи постройки новой Усп. церкви, разсылалъ посланія съ призывомъ къ пожертвованіямъ на братскія потребности и вообще поддерживалъ его.[73]) Установившееся дружеское сотрудничество братства и епископа приносило пользу обѣимъ сторонамъ и въ частности облегчало работу братской печатни, переносившей новыя испытанія.

---

[72]) Между Успен. братствомъ и еппомъ наступило уже нѣкоторое сближеніе послѣ Брестскаго собора осенью 1596 г., на которомъ, какъ извѣстно, изъ юго-зап. русскихъ епископовъ не приняли уніи львовскій Гедеонъ Балабанъ и перемышльскій Михаилъ Копыстенскій. Затѣмъ, когда тяжба между братствомъ и еппомъ уже доходила до короля, кн. К. К. Острожскій, не желая допустить до этого и считаясь съ попытками уніатовъ использовать эту вражду для своихъ интересовъ, усилилъ свое давленіе на обѣ стороны, чтобы примирились. Одновременно къ примиренію ихъ взывали восточные патріархи и воевода молдавскій Іеремія. Въ концѣ концовъ, 21 января 1602 г., при посредствѣ молдавскаго лагофета Луки Строича, нарочито присланнаго во Львовъ молдавскимъ воеводою, состоялось между епископомъ и братствомъ полное примиреніе на основаніи взаимныхъ уступокъ съ одной и другой стороны. Примиреніе было прочнымъ. Когда въ маѣ 1604 г. уніатскій митрополитъ Ипатій Потѣй прибылъ во Львовъ и потребовалъ отъ братства и епископа признанія надъ собой его власти, то это посягательство митрополита было отражено совокупными усиліями Гедеона и братства. (Крыловскій, стр. 160; Вѣстникъ Ю. З. Р. за 1865 г., м. ноябрь, отд. I, н-ръ 2; Петрушевичъ: Сводная Лѣтопись, стр. 403—405; Акты Ю.-З. Р., т. II, н-ръ 15).

[73]) Братство поддерживало кандидатуру Тисаровскаго на львов. епископію противъ унев. архим. Исаіи Балабана, племянника Гедеона Балабана. Такъ какъ въ то время рѣшающіе верхи намѣревались дать епископію только такому кандидату, который склонялся бы къ переходу въ унію, то Тисаровскій обѣщалъ Сигизмунду III принять унію (С. Т. Голубевъ: Петръ Могила, т. II, стр. 2—3, прилож. стр. 17), но получивъ необходимый для своего посвященія королевскій привилей, заявилъ себя истинно православнымъ епископомъ. (А. З. Р., т. IV, н-ръ 174; Петрушевичъ: Сводная Лѣтопись, стр. 410—411; Зоря яко Альбумъ за 1860 г., стр. 235; Ак. З. Р., т. V, н-ръ 69), и, такъ какъ затѣмъ добросовѣстно исполнялъ свое данное письменное обѣщаніе сохранять права и привилегіи львовскаго и др. братствъ, то и братства поддерживали его. Авторитетъ еппа Іереміи Тисаровскаго среди нихъ поднялся еще выше съ 1610 г., когда, послѣ смерти Михаила Копыстенскаго, онъ былъ уже единственнымъ православнымъ архипастыремъ на всей территоріи юго-зап. Руси до 1620 г., т. е. до возстановленія іерусалимскимъ патр. Феофаномъ западно-русской іерархіи и посвященія имъ на кіев. митрополію Іова Борецкаго, на перемышльскую епископію Исаію Копинскаго, причемъ на львов. епископіи остался дальше Іеремія Тисаровскій.

Сначала братская печатня имѣла себѣ помѣщеніе при Успенской церкви, весьма неудобное, особенно потому, что сама церковь долго строилась и вся площадь кругомъ нея была загромождена строительнымъ матеріаломъ, техническими орудіями и приспособленіями и помѣщеніями для рабочихъ. Не было, конечно, и необходимаго для работы въ ней спокойствія. Изъ-за всего этого, наконецъ, въ 1608 г., пришлось ее перевести въ принадлежащій Успен. братству Св.-Онуфріевскій монастырь и помѣстить тамъ въ средней келіи. Тамъ находилась братская печатня до 1615 г.[74]) Завѣдующимъ ея былъ іеромонахъ Пафнутій, наборщиками же и вообще обслуживающими ее рабочими св. Онуфріевскіе монахи. Главнымъ обрязомъ, это ихъ заслуга, что и въ этихъ крайне тяжелыхъ условіяхъ братская печатня продолжала свою, правда, тогда все еще сравнительно скромную дѣятельность.

Въ то лихолѣтіе, кажется, когда съ крайнимъ напряженіемъ всѣхъ братскихъ силъ, средствъ и заботъ, строилась новая церковь, этимъ монахамъ немалаго труда и многихъ хлопотъ стоило само удержаніе печатни при жизни и въ движеніи, поскольку заключать можно по щедрымъ похваламъ имъ и признательности со стороны патріарховъ, всегда помощно и поощрительно относившихся къ печатному дѣлу. Въ этомъ отношеніи особенно достойны вниманія и важны относящіяся къ этому времени письма тогдашняго александрійскаго и позднѣйшаго вселенскаго константинопольскаго патріарха Кирилла, отъ 26 апрѣля и 8 мая 1614 года.[75])

---

[74]) Крыловскій: Льв. Ставроп. Б-во, стр. 266; Zubrzycki, op. c. p. 18; A. Czołowski: W sprawie klasztoru i dzwonnicy oo. Bazylianów, Lwów, 1909, p. 12—13

[75]) Въ 1614 г. патр. Кириллъ пріѣхалъ въ Молдавію, принялъ посланнаго къ нему Ставропигійскимъ Успен. братствомъ съ письмомъ братчика Романа Красовскаго и въ своемъ отвѣтномъ письмѣ братству относительно братской печатни писалъ: »Що ся тычетъ типографіи, т. е. друкарнѣ, добре то чините, же за стараня около того пилне ся уймуєте, яко бы книги потребныи на свѣтъ выдаваны были. Не меньшій бовѣмъ и тоє собою православію ратунокъ даєтъ и прето и мниховъ, которыє тамъ тою ся типографіею у васъ бавятъ, заховуйте, абы з радостію такоє дѣло отправовали, а не вздыхали на кого з вас противного. А єсли бы теж якій пожитокъ с тоє друкарнѣ мѣлъ вамъ приходити, теды на посполитую потребу братскую власную нехай обертанъ будетъ, и жаденъ абы до своєго пожитку таковуй дохудъ не смѣлъ собѣ привлащати, кгдыжъ єсть повинны барзѣй з своихъ власныхъ маєтностей на тоє давати, а не ижъ бы що не єсть чиє власноє за себе брати«. Если бы послѣднія по истинѣ золотыя предостерегательныя слова патріаршаго наставленія братчикамъ ими всегда строго соблюдались, навѣрно въ теченіе столѣтій предохранили бы братство отъ ряда весьма бурныхъ столкновеній и распрей и тяжелыхъ переживаній. (С. Голубевъ: Петръ Могила, Кіевъ, 1883 г., т. I, прил. стр. 201—202).

Вскорѣ же, ибо уже 8 мая 1614 г. патріархъ Кириллъ спѣшитъ высказать признательность братчикамъ, именно за ихъ хорошее отношеніе къ монахамъ-печатникамъ и печатному дѣлу вообще: »А особливе въ Онуфрію (т. е. м-рѣ), яко дошло до насъ слышати, же и нѣякихъ (нѣкоторыхъ) типографовъ мниховъ маєте, которыє великоє старанє маютъ, якобы презъ выданя книгъ много доброго народови христианскому зъ друкарнѣ вашеи собою учинили, скондъ и любовь ваша братская тѣшится и радуєтъ и славу маєтъ, яко тыє, которыє

Изъ братской печатни въ то время (конецъ XV и нач. XVI вв.) выходили архипастырскія посланія, братскія воззванія и небольшими книжками буквари и грамматики, вирши, поученія и проповѣди (напр. св. Іоанна Златоуста), но и объемистыя церковно-богослужебныя книги: Анфологіонъ (Трифологіонъ), Октоихъ (два изданія), Псалтырь (два изданія), показывающія, что она технически обзавелась хорошо и въ монастырѣ устроилась прочно.

Неожиданно, однако, стряслась надъ ней въ началѣ 1615 г. такая буря, которая заставила ее снова переѣхать въ иное помѣщеніе.[76]) Братство было вынуждено, несмотря на то, что церковь дальше еще долго строилась, все таки опять помѣстить свою печатню въ братскомъ домѣ около церкви, чтобы имѣть ее всегда передъ глазами и защитить отъ возможнаго захвата противниками, и, конечно, она тамъ уже была обезпечена отъ вражьихъ нападеній, но не отъ другихъ, стихійныхъ бѣдствій.

Уже въ слѣдующемъ (1616) году вспыхнулъ большой пожаръ по Русской улицѣ, истребившій церковные дома и братскіе склады, также большіе запасы напечатанныхъ книгъ, но саму печатню удалось изъ него спасти. Но 12 лѣтъ спустя, въ 1628 г., новый пожаръ уничтожилъ почти всю печатню, отъ которой остались только печатный станокъ и запасъ печатныхъ черенокъ.

Къ счастью, однако, въ то время строеніе церкви уже заканчивалось и братчики, научившіеся высоко цѣнить печатное дѣло и крупные отъ него доходы, часть пожертвованій обращали на возстановленіе и новое оборудованіе печатни. Большія же пожертвованія вносили: старосельскій староста Дмитрій Карлочи, воевода молдавскій Миронъ Могила-Бернавскій, кіево-печ. лавры архим. Петръ Могила и др., на которыя печатня вскорѣ была

таковыи друкарнѣ промысломъ своимъ набыли. Хвалимо теды тыхъ то тамъ мниховъ на кгрунтѣ вашомъ для ихъ такъ доброго предсявзятя, єсли тылко праве а вѣрне въ томъ вамъ служатъ, а дѣло тоє доброє пристойне отправуютъ. Хвалю тежъ не менше и васъ, яко тыхъ, котрыистеся такъ речъ зацную мѣти ся у себе поставили«. (Тамъ же, стр. 204).

[76]) Въ январѣ, кажется, 1615 г. пріѣхали во Львовъ два уніатскихъ архіерея: митр. Веніаминъ Рутскій и владимірскій еппъ Илія Мороховскій и, желая осмотрѣть братскую печатню, безъ позволенія и вѣдома братства, вошли, вмѣстѣ со своими многочисленными слугами, въ Св.-Онуфріевскій м-рь »кгвалтомъ«, какъ записано въ документахъ. Вѣсть о таковомъ ихъ вторженіи туда молніеносно распространилась въ городѣ и, такъ какъ въ то время практиковались насильственные захваты уніатами православныхъ святынь, вызвала большую тревогу. Полагая, что оба эти архіерея хотятъ захватить силою м-рь и печатню въ свое владѣніе, крайне встревоженные Успенскіе братчики сейчасъ »дзвонили на кгвалтъ«, вслѣдствіе чего къ м-рю сбѣжалась большая толпа рус. правос. мѣщанства, и, тутъ же, »сталася битва«, въ которой были избиты пришедшіе съ обоими архіереями слуги и сами архіереи. (Zubrzycki, o. c.; Архивъ Ю.-З. Россіи т. XI, стр. 344—345; Крыловскій, стр. 95). Инцидентъ этотъ обошелся братству очень дорого.

возстановлена и подъ управленіемъ Андрея Скульскаго[77]) начала работать. Первой книжечкой, какъ „снопокъ першій жнива“, вышли изъ нея 23 марта 1630 г. „Вѣршѣ съ трагедіи ХС *πάσχων* Григорія Богослова, въ 4⁰, посвященныя въ предисловіи, подписанномъ Андреемъ Скульскимъ, Мирону Бернавскому, какъ наибольшему благодѣтелю уже законченной строеніемъ Усп. церкви.[78]) Въ половинѣ же декабря того же года вышелъ изъ нея Октоихъ (2-ымъ изданіемъ), съ предисловіемъ, въ которомъ разсказано кое-что о возстановленіи печатни.[79])

Андрей Скульскій и Михаилъ Слезка.

При завѣдующемъ А. Скульскомъ въ братской печатнѣ началъ работать молодой, талантливый печатникъ, Михаилъ Слезка, ставшій вскорѣ (въ 1633 г.) самъ ея завѣдующимъ.

Благодаря общему улучшенію[80]) положенія Успен. братства,

---

[77]) Львовскій мѣщанинъ Андрей Скульскій, окончилъ львов. братскую школу и въ братской же печатнѣ научился печатному искусству. Писалъ вирши и вообще сочинялъ: Успенское братство то принимало его работникомъ или управляющимъ своей печатни, то удаляло со службы, но въ концѣ концовъ было вынуждено вести съ нимъ долголѣтнюю тяжбу. Въ борьбѣ съ братствомъ онъ не стѣснялся въ выборѣ средствъ, подрывалъ его низкими доносами и клеветами и сотрудничалъ съ его врагами.

[78]) Лишенный молдавскаго воеводства (господарства) Миронъ Бернавскій жилъ тогда въ своемъ имѣніи въ Устьѣ, въ Галичинѣ.

[79]) Въ немъ, м. пр., написано, что патріархъ благословилъ, »да типографія станетъ во преподаяніе книгъ божественнаго учительства. Типографія убо, иждивеніемъ многимъ, яко дѣло преизящно и вещь многоцѣнна, прилѣжаніемъ братскимъ составлена бывши, послѣди прежде лѣтъ нѣкіихъ огню лютому, попущеніемъ Божіимъ на градъ пришедшу, со инѣми и та сожжена нивочтоже бысть. Обаче же мы (съ благословенія и т. д.) сподвигохомся на дѣло сіе честное, дабы огнемъ падшуюся типографію паки воздвигнути, еже и со мнозимъ трудомъ и иждивеніемъ, сосудъ сей, яко многочестный составихомъ«. (Сопиковъ: Опытъ россійской библіографіи, СПБ. 1813 г., ч. I, н-ръ 755). Кстати, на этомъ отрывкѣ этого предисловія можно наилучше видѣть, какъ благотворно дѣйствовала на языкъ оригинальныхъ сочиненій и переводовъ тѣхъ временъ церковщина, хотя бы и въ видѣ испорченнаго язычія, рѣшительно и совершенно вытѣсняющая изъ нихъ многочисленные полонизмы и латинизмы, такъ ужасно уродующіе языкъ, нпр., въ тогдашнихъ переводахъ посланій, отрывки которыхъ приведены нами въ предъидущихъ цитатахъ. При первомъ же сопоставленіи и сравненіи языка однихъ и другихъ, получаются неизгладимое впечатлѣніе и неизбѣжное заключеніе, что если малорусская рѣчь этой письменности окончательно не растворилась и не исчезла въ чужой стихіи, то только благодаря этой церковщинѣ. А между тѣмъ, нынѣ съ какой яростью нападаютъ на нее и какъ отвратительно поносятъ ее въ украинствующемъ станѣ, все въ томъ же наивномъ предположеніи, что не будь-де этой церковной »мертвеччины«, украинскія »мова и письменство«, ни Богъ вѣсть какъ развились бы и какого совершенства бы достигли!

[80]) Общее же это улучшеніе, недолговременное, впрочемъ, было вызвано цѣлымъ рядомъ также внѣшнихъ причинъ, повліявшихъ на измѣненіе положенія русскаго народа въ Польшѣ: битва подъ Цецорой, возстановленіе православной іерархіи въ 1620 г., Хотинская война и выступленіе на защиту русскаго народа гетмана Петра Конашевича-Сагайдачнаго, смерть 30 апр. 1632 г. Сигизмунда III и благожелательное отношеніе къ православнымъ вообще и къ льв. Ставропигійскому Успен. братству въ частности его преемника и сына Владислава IV, энергичная дѣятельность кіев. и гал. митрополита Петра Могилы и др.

дѣятельность братской печатни стала особенно живой и производительно-обильной, несмотря на внутреннія распри съ печатниками и безконечныя тяжбы съ конкурирующими печатнями и мѣстными влястями (магистратскими, арцибискупскими и т. д.). Напечатаны были книги: въ 1634 г. Псалтырь, въ 1636 г. Евангеліе, въ 1637 г. Служебникъ и Требникъ, въ 1638 г. Трифологіонъ, Часословы, Богослужебники и др. переиздававшіяся затѣмъ нѣсколькократно. Изданія эти давали братству огромные доходы, вызывавшіе зависть и попытки конкуренціи даже у поперемѣнно завѣдывающихъ его печатнею Андрея Скульскаго и Михаила Слезки, съ которыми братство по нуждѣ то мирилось и сотрудничало, то вело процессы и боролось. Андрей Скульскій[81]) проигралъ дѣло въ 1641 г. и, примирившись съ братствомъ, снова управлялъ братской печатней въ 1641—1643 гг., когда въ ней напечаталъ Анфологіонъ, Орологіонъ или Часословъ полуставный и др. книги. Гораздо сложнѣе были отношенія братства съ превосходнымъ печатникомъ и дѣльцомъ, Михаиломъ Слезкою. Этотъ пришлецъ изъ Бѣлой Руси, осѣлъ во Львовѣ прочно, снискалъ себѣ въ братствѣ симпатіи и довѣріе, своими же способностями, знаніемъ печатнаго искусства и дѣловитостью показалъ, что является для него весьма цѣннымъ работникомъ. Ставъ завѣдующимъ его печатни, Слезка въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, привелъ ее въ образцовый порядокъ, выучилъ и подготовилъ для нея дѣльныхъ работниковъ. Чуть ли не на 40 лѣтъ ея исторія связана съ его именемъ и личностью.[82]) Братство заключало съ нимъ довольно вы-

---

[81]) Послѣ своего ухода съ поста управляющаго братской печатней, Андрей Скульскій выѣхалъ въ Молдавію и завѣдывалъ тамъ печатней Могилъ-Бернавскихъ, ок. 1637 г. вернулся съ богатымъ запасомъ печатныхъ приборовъ, черенокъ и т. д. и вдвоемъ со Слезкою основали свою печатню, въ которой стали печатать Октоихъ и, возможно, Апостолъ и Псалтырь. Братство, имѣя исключительное право печатанія церковно-славянскихъ книгъ, начало съ ними сейчасъ процессъ. Защищаясь недостойнымъ образомъ, Скульскій на судѣ возводилъ на братство клеветы: 1) будто »братство получило привилегію на типографію незаконнымъ образомъ и помимо согласія магистрата и противъ правъ г. Львова; 2) что все, печатаемое братствомъ, направлено противъ римской церкви, книги его схизматическія, переполнены заблужденіями; 3) что братство получаетъ съ типографіи большіе доходы, развозя книги по Украинѣ, Подоліи, Литвѣ и Москвѣ, а городу и Рѣчипосполитой не приноситъ никакой пользы; 4) что печатаніе книгъ должно быть подчинено цензурѣ и магистрату: чтобы схизматическія ереси не размножались и чтобы книги не выходили въ свѣтъ съ заблужденіями и ересями; 5) все, что типографія печатаетъ, остается таковымъ уже на вѣчныя времена, и должно быть защищаемо законами страны, между тѣмъ, братство, сколько ни печатало и печатаетъ книгъ, ни одной не напечатало, которая не была бы направлена противъ римской церкви и католической вѣры, вслѣдствіе чего схизма растетъ и растетъ..., а отсюда рождается величайшее зло...« (Крыловскій, стр. 282—283; Архивъ Юго-зап. Россіи, ч. I, т. XI, стр. 442—444).

[82]) Михаилъ Слезка происходилъ изъ правосл., кажется, священнической семьи, согласно утвержденію Д. И. Зубрицкаго, прибылъ во Львовъ изъ Литвы. Печатному дѣлу учился и былъ преданъ съ дѣтства, о чемъ и самъ разсказываетъ въ предисловіи къ Апостолу 1639 г., заявляя, что былъ »от дѣтинства при знаменитом, а Церкви Божей благопотребном и многоплодном дѣлѣ типографском выхованый и по мѣрѣ дарованія Христова въ немъ выцвѣченый«, и что »дѣло типографское, дѣло святое« ему »з дѣтинства привыклое«. Прибывъ во

годные для него договоры съ тѣмъ, чтобы онъ подготовилъ печатню и работающую въ ней „челядь“ къ печатанію большого и дорого стоющаго Трифологіона, печатая между тѣмъ другія книги. Но, когда обнаружилось, что Слезка сталъ печатникомъ львовскаго латин. арцибискупа, получилъ королевскій привилей, грамоту кіевскаго митрополита Петра Могилы и патріаршую грамоту на печатаніе церковно-славянскихъ и русскихъ книгъ, братство уволило его со службы и начало вести съ нимъ процессъ передъ королемъ, и хлопотать объ отмѣнѣ выданныхъ Слезкѣ патріаршей и митрополичьей грамотъ. Окончательно братство вездѣ выиграло дѣло и свои права благополучно защитило и удержало.

Львовъ, Слезка поступилъ на службу въ братскую печатню, подъ управленіемъ, какъ выше сказано, А. Скульскаго. Рано обратилъ на себя вниманіе братства знаніемъ печатнаго дѣла и трудолюбіемъ, ибо, несмотря на свою молодость, уже 3 іюля 1633 г. былъ принятъ въ члены братства, а вскорѣ затѣмъ сталъ и завѣдующимъ братской печатни. Для нея, въ конецъ опустошенной недавнимъ пожаромъ, распорядительность и предпріимчивость Слезки значили много. Онъ былъ не только хорошій печатникъ-издатель братскихъ книгъ, но и продавецъ ихъ во Львовѣ и провинціи, — какъ о немъ сказано, — какъ »человѣкъ способнѣйшій и пораючійся и по ярмаркахъ єздячій и интролѣгаторъ« (переплетчикъ). Торгуя не только братскими, но и другими со стороны покупаемыми книгами, Слезка вскорѣ нажилъ большое имущество. Кромѣ этого богато женился во Львовѣ. Завѣдываніе братской печатней уже не удовлетворяло Слезки въ смыслѣ доходовъ, онъ пожелалъ основать свою печатню и вскорѣ, по случаю, купилъ себѣ у умершаго недавно во Львовѣ Яна Шелиги польско-латинскую печатню и выхлопоталъ себѣ необходимое разрѣшеніе на печатаніе въ ней польскихъ и латинскихъ книгъ у львов. латинскаго арцибискупа Станислава Гроховскаго отъ 5 августа 1638 г. и титулъ »арцибискупскаго типографа«. Вскорѣ, однако, при дѣятельной поддержкѣ этого архіепископа онъ получилъ для себя также отъ короля Владислава IV привилей отъ 30 декабря 1638 г. на печатаніе и церковно-славянскихъ и русскихъ книгъ, вопреки королевскому привилею на ихъ печатаніе исключительно только въ братской печатнѣ, и началъ ихъ печатать. Все это Слезка хранилъ въ тайнѣ передъ братствомъ, у котораго оставался дальше на службѣ.

Печатая въ латинской архіепископской печатнѣ на первыхъ порахъ панегирики на латинскомъ и польскомъ языкахъ, Слезка потерпѣлъ неудачу: Въ 1639 г. онъ въ ней напечаталъ по польски панегирикъ, написанный, кажется, Кирилломъ Транквилліономъ-Ставровецкимъ, въ честь православнаго львов. епископа Іереміи Тисаровскаго, любимаго, какъ уже сказано, братчиками и русскимъ народомъ вообще, п. з. **Aurora na horyzoncie lwowskim świecąca** не понравившійся консисторіи, которая приказала изданіе сжечь, а Слезку покарать пеней въ пользу костела, но на службѣ все таки его задержала. Между тѣмъ въ братствѣ Слезка ворочалъ большими дѣлами, имѣя за собой вліятельныхъ братчиковъ. Въ собраніи братства 9 апр. 1638 г. старшій братъ (сеніоръ) Гавріилъ Лангишъ, другъ Слезки, произнесъ признательную для Слезки рѣчь, съ заявленіемъ, что онъ, Слезка, желая оказать добрую услугу братству, соглашается купить братскія изданія: Евангелія, Псалтыри и Служебники, оптомъ, хотя и не особенно для себя выгодно и потому будто бы долго отказывался, но онъ, Гавріилъ Лангишъ, успѣлъ таки склонить его къ покупкѣ этихъ книгъ, съ тѣмъ, что деньги будетъ Слезка выплачивать братству частями. Но во время голосованія дѣло провалилось: »Єдны (братчики) позволили и рады были такому купцеви, другие ганили и позволити не хотѣли«, а еще иные, »конца не чекаючи, отошли...« Въ виду чего это дѣло »до больности братий одложено«. (Архивъ Ю.-З. Рос., ч. I, т. XI, стр. 133—134).

Все это не помѣшало Слезкѣ застраховать себя и еще съ одной стороны: высшей православной іерархіи. Онъ выпросилъ себѣ у константиноп. патріарха,

Не смотря, однако, на всѣ эти затѣи и явно для братства подрывныя продѣлки Слезки, братство все таки старалось съ нимъ какъ нибудь примириться, ибо не находило другого столь способнаго и знающаго печатное дѣло управляющаго. Предложеніе братства, печатать на выгодныхъ для себя условіяхъ въ братской печатнѣ Тріодь, Слезка, послѣ долгихъ переговоровъ отвергъ. Не видя возможности чегонибудь отъ него добиться, братство передало завѣдываніе своей печатни сначала Ивану Кунатовичу (въ 1638-39 гг.), а затѣмъ опять Андрею Скульскому, который, проигравъ дѣло съ братствомъ и примирившись съ нимъ, продалъ свои печатные приборы Слезкѣ и управлялъ братской печатней съ 1641 по 1643 г.[83]) Подъ его управленіемъ въ ней напечатаны

за подписью 12 митрополитовъ грамоту, представленную затѣмъ митр. Петру Могилѣ, съ просьбой къ нему дать и свою такую же грамоту, на что Петръ Могила, рѣшивъ, что »речь та будегъ и Богу вельце мила и церкви Россійской барзо потребна и пожитечна«, далъ Слезкѣ въ 1639 г. (19 іюля) благословенную грамоту »на друкованье въ друкарнѣ своей вшелякихъ церковныхъ и учительныхъ книгъ кгрецкимъ, словенскимъ и русскимъ діалектомъ, ведле даннаго ему отъ святѣйшихъ патріарховъ благословенія«, съ условіемъ только, чтобы каждое изданіе предлагалось митрополиту для просмотра и »аппробаціи«. (Кіев. Епарх. Вѣдом. за 1873 г., н-ръ 22, стр. 650—651).

Полагаясь, впрочемъ, и на мощную поддержку со стороны арцибискупа Гроховскаго и мѣстныхъ магистратскихъ властей, Слезка печаталъ церковно-славянскія книги, хотя фактъ самого печатанія этихъ книгъ хранилъ покамѣстъ въ тайнѣ. Въ концѣ концовъ, однако, 8 іюня 1639 г., онъ выпустилъ изъ своей печатни »Апостолъ«, въ 273 лл., »овощъ першій типографіи моей«, какъ самъ написалъ въ предисловіи къ нему, съ отмѣченіемъ, что эта книга выходитъ »за привилеем его Корол. Милости, а за благословеніем святѣйших Патріархов и прив. его мил. господина отца Петра Могилы, митрополита Кіевскаго, Галицкаго и пр. Во Львовѣ, в типографіи Михаила Сліозки«. Книга и посвящена была Петру Могилѣ и вышла съ его гербомъ и панегирическими виршами къ этому гербу.

Узнавъ обо всемъ этомъ и отрѣшивъ Слезку отъ должности, Успен. братство возбудило противъ него дѣло и просило короля Владислава IV о защитѣ. Король выдалъ братству новый привилей, отъ 30 ноября 1639 г., въ которомъ подтвердилъ всѣ прежнія права братства вообще и право исключительнаго печатанія церковно-славянскихъ и русскихъ книгъ въ частности (Арх. Ю.-З. Р. ч. I, т. X, н-ръ 80), но все таки не взялъ своего привилея, выданнаго Слезкѣ обратно, въ виду чего Слезка не считалъ себя чѣмъ-либо связаннымъ въ печатаніи этихъ же книгъ.

Выигравъ дѣло у короля, братство отправило къ новому вселенскому константиноп. патріарху Парфенію въ 1640 г. особое посольство съ письменной жалобой на Слезку, что онъ открылъ во Львовѣ свою печатню для подрыва братской, незаконно и обманно досталъ себѣ на нее грамоты отъ предъидущаго патріарха и митр. Петра Могилы, и просило о возстановленіи прежнихъ правъ братства (письмо это братства къ патріарху въ книгѣ С. Голубева: Петръ Могила, II, прилож., стр. 176—179, н-ръ 45). Патріархъ удовлетворилъ просьбу братства: въ маѣ 1640 г. онъ выдалъ братству свою грамоту, съ 16 подписями, съ подтвержденіемъ всѣхъ прежнихъ правъ братства на печатаніе и съ отмѣной грамоты, выданной Слезкѣ. Вслѣдъ затѣмъ, уже въ іюнѣ 1640 г. патріархъ послалъ повелѣніе митр. Петру Могилѣ отобрать у Мих. Слезки привилей на печатаніе и запретить ему печатаніе книгъ, чтобы этимъ не нарушались права льв. братства и не наносились ему убытки и обиды. (Тамъ же, н-ра 47 и 48, стр. 182—186). Братство, такимъ образомъ, также выиграло споръ со Слезкою у патріарха и митрополита.

[83]) Въ то же время Скульскій началъ вести процессъ со Слезкою передъ льв. латин. архіепископомъ и магистратскими властями и проигралъ его 9 октября 1641 г.

были Трифологіонъ, Часословъ полуставный и др. книги. Полагаться на Скульскаго, однако, братству тѣмъ паче было трудно. Показали это его прежніе пріемы и средства борьбы съ братствомъ. Между тѣмъ со смертью львов. епископа Іереміи Тисаровскаго и намѣреніемъ новаго епископа Арсенія Желиборскаго основать свою печатню, Скульскому открывалась новая возможность конкурировать съ братствомъ, чѣмъ онъ вскорѣ и воспользовался.[84]) Волей-неволей братству пришлось снова договариваться со Слезкой.

Хотя королевскій привилей, выданный братству, какъ позднѣйшій, тѣмъ самымъ уничтожалъ постановленія прежняго, выданнаго Слезкѣ, но бороться съ нимъ братству было трудно, ибо по сторонѣ Слезки были львов. лат. архіепископъ и магистратъ. Наконецъ примирилось съ нимъ и договоромъ отъ 29 іюня 1643 г. приняло его на постъ управителя своей печатни на особыхъ новыхъ условіяхъ.[85]) Слезка взялся энергично за работу и напечаталъ въ братской печатнѣ цѣлый рядъ большихъ и дорогихъ книгъ,[86]) но условій заключеннаго договора не соблюдалъ: печаталъ и большія книги въ свою пользу и отъ своего имени. Кромѣ того Слезка, какъ печатникъ, не порывалъ дѣловой связи съ льв. лат. архіепископомъ,[87]) ни не отказывался отъ веденія своей собственной печатни, изъ-за которой попалъ въ еще большую распрю съ митр. Петромъ Могилой, чѣмъ съ братствомъ.

Петръ Могила, человѣкъ сильной воли, неутомимой энергіи

---

[84]) Львов. правосл. еп-пъ Арсеній Желиборскій также былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ львов. Успен. братствомъ до своей кончины въ 1663 г., но враждовалъ съ Петромъ Могилой и основалъ свою печатню при Св.-Георгіевскомъ кафедральномъ соборѣ скорѣе для конкуренціи съ кіевской. Уволенный съ поста управителя братской печатни Андрей Скульскій завѣдывалъ епископской (съ 1643 г.). Въ ней были напечатаны: Евхологіонъ или Требникъ (въ 1645 г.) и Наука о седми тайнахъ церковныхъ. Но послѣ 1646 г. эта печатня прекратила свою дѣятельность. Крыловскій догадывается, что еп-пъ Арсеній Желиборскій, находясь въ хорошихъ отношеніяхъ съ братствомъ, по просьбѣ и убѣжденію братчиковъ переуступилъ имъ свою печатню за приличную плату; другіе, что епископъ перевелъ ее въ Уневъ, гдѣ она стала работать особенно интенсивно съ 1660 г. Скульскій, между тѣмъ, также получилъ королевскій привилей на открытіе своей собственной печатни, но не открылъ за неимѣніемъ капитала. Онъ продолжалъ затѣмъ работать въ уневской печатнѣ. Въ 1651 г. онъ былъ заподозрѣнъ въ шпіонствѣ въ пользу козаковъ и подвергнутъ пыткамъ, которыя сдѣлали его калѣкой. Умеръ, кажется, послѣ 1665 г. послушникомъ въ Св.-Онуфріевскомъ м-рѣ во Львовѣ.

[85]) Условія эти: 1) Слезка отказывается навсегда отъ полученной имъ королевской грамоты; 2) братство же вручаетъ ему свою печатню съ тѣмъ, чтобы печатаемыя имъ книги въ л. и въ четв. долю принадлежали братству, но за извѣстное вознагражденіе. Печатаніе же книгъ меньшихъ размѣровъ разрѣшено Слезкѣ на своей бумагѣ, но съ выдачей братству извѣстнаго количества примѣрниковъ каждой. На заглавномъ листѣ всѣхъ книгъ должно быть упомянуто, что онѣ издаются отъ имени братства.

[86]) Октоихъ и Евангеліе 1644 г., Анфологіонъ 1651 г., Ключъ разумѣнія, 1663 и 1665 гг., Тріодь постную, 1664 г., напрестольное Евангеліе 1665 г., Тріодь цвѣтную 1666 г. и др.

[87]) Слезка получилъ отъ новаго льв. арцибискупа Николая Кросновскаго новую утвердительную грамоту отъ 14 ноября 1645, съ принятіемъ на постъ типографа латин. консисторіи.

и высокаго авторитета, не только по своей дѣятельности, но и по высокому сану экзарха вселенскаго константинополь. патріарха, требовалъ себѣ подчиненія отъ церковныхъ братствъ вообще и отъ львов. Успенскаго въ частности, особенно въ дѣлѣ представленія ему братствомъ всѣхъ печатаемыхъ книгъ къ „аппробаціи". Митрополитъ былъ недоволенъ Слезкою уже потому, что онъ, вопреки данному обязательству, своихъ печатаемыхъ книгъ къ цензурѣ не представлялъ. Вдобавокъ, Слезка значительно подрывалъ своими изданіями кіево-печерскую печатню переиздаваніемъ, а то и простымъ перепечатываніемъ ея книгъ безъ разрѣшенія. На почвѣ этой распри наступило нѣкоторое сближеніе между Слезкой и епископомъ Арсеніемъ Желиборскимъ, съ одной стороны, и Петра Могилы съ львов. Успен. братствомъ съ другой.[88]) Въ наказаніе за вредъ, причиняемый церкви, митр. Петръ Могила въ 1646 г. предалъ Слезку анаѳемѣ послѣ того, какъ въ томъ же году онъ, Слезка, выпустилъ изъ своей печатни 12 августа Номоканонъ, а 23 августа Служебникъ. Хотя въ то время преданіе анаѳемѣ не являлось рѣдкимъ событіемъ, почему обыкновенно особеннаго впечатлѣнія не производило, и Слезка сначала отнесся къ нему спокойно, все же повлекло за собой для него скверныя послѣдствія, заставляющія его усиленно хлопотать о снятіи ея. Дѣло это вскорѣ и надолго осложнилось тѣмъ обстоятельствомъ

---

[88]) Отношенія эти лучше всего показываютъ слѣд. два письма митрополита: Львовскому Успен. братству Петръ Могила писалъ 4 мая 1646 г.: »Знать не тайно єсть всѣмъ милостямъ вашимъ, яковыє перешкоды отъ типографа милостей вашихъ п. Слезки друкаря наша Печерская, для єго нововозниклой друкарнѣ, з неошацованою шкодою монастырскою, поноситъ, албовѣмъ толко зачнемо яковыє книги друковати, онъ упережаєтъ, з умыслу на прикрости намъ чинєчи. Прето духовне єго карати мусимо, єжели такового єго предсевзятого замыслу не понехаєтъ, и книгъ которыє теперъ друкуєтъ не поперестанетъ: нехай будетъ проклятъ, зовсѣмъ анафемѣ єго предаємъ, и милостямъ вашимъ пилно приказуємъ, жебысте милость ваша з нимъ жадного обцованя не мѣли, и зъ нимъ, яко проклятым, корыстовати не важилисе, подъ таковымъ же каранємъ духовнымъ«. — На слѣд. же день, 5 мая 1646 митрополитъ написалъ Слезкѣ: »Выразне то неразъ показало, и теперь показуєтъ, же вы на згубу друкарнѣ нашоє Печерскоє, которая всему Россійскому великою утѣхою єсть народови и церкви Божоє потребна, а ку неошацованой нашей шкодѣ и уймѣ, книги тыє, которыхъ у насъ єсть в складѣ барзо много, особливе Служебниковъ, з нашего екземпляру на перешкоду друкуєте, щого жадного церкви Божои не машъ пожитку. А такъ подъ клятвою святыхъ отецъ и нашею Ексаршею приказуємъ, абысте перестали тыхъ Служебниковъ отъ сего часу друковати, нимъ наши спродадутся, также и в Требникахъ абысте намъ жадноє перешкоды не чинили. А будете ли въ томъ своємъ упорѣ стояти и зачатыє Служебники друковати, клятву св. отецъ и нашу вкладаємъ на васъ, и от всѣхъ добродѣйствъ церковныхъ отдаляємъ, и яко гнилого члонка оттинаємъ, и анаѳемѣ никимъ неразрѣшимой вѣчне предаємъ, и во всякоє каранє Божоє, яко на противника Божого, вкидаємъ, и потоль въ той клятвѣ зоставати маєте, ажъ отъ насъ, пастыря, прощенія не сподобитеся, и разрѣшенія не примешъ, не розумѣючи о томъ, же го отъ святѣйшого патріарха мѣлъ бы одержати, бо во всей Россіи мы єстесмо пастыремъ, а ку тому и святѣйшій патріарха зхоче мѣти вѣдомость, о што станула клятва. Єжели въ справѣ церковной публичной, которую на свои приваты оборочаєш, того се важити въ деоцезіи нашой взборонитъ, бо и канона не позволяютъ... До того тежъ будте певни, же такіє Служебники будутъ палени«. (С. Голубевъ: Петръ Могила, т. II, приложенія н-ръ 82, стр. 487—489).

что митр. Петръ Могила, не снявъ ея, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, умеръ.

Долготерпѣніе Успен. братства наконецъ лопнуло, послѣ того, какъ Слезка въ 1651 г. напечаталъ преимущественно въ свою пользу Трифологіонъ, оно вынуждено было снова уволить его со службы и начать вести съ нимъ новый процессъ. Внезапно въ томъ же году Слезка лишился и своей собственной печатни: несмотря на имѣющійся у него королевскій привилей на нее, король Янъ Казиміръ подарилъ ее хорунжему Студзинскому, и Слезкѣ стоило многихъ хлопотъ и средствъ отобраніе ея, только, кажется, благодаря покровительству латин. консисторіи.

Во всей долголѣтней тяжбѣ и борьбѣ братства со Слезкою интересно еще и то, что, несмотря на удаленіе его со службы въ братской печатнѣ, оно не только не исключало его изъ числа членовъ братства, но даже избирало его въ составъ своихъ правленій, мало того, часто поручало ему веденіе братскихъ дѣлъ, иногда же дѣлъ чрезвычайной важности. До того онъ, какъ дѣловой человѣкъ, былъ ему цѣненъ и необходимъ, хотя, оно, отъ времени до времени, также карало его за проступки со всей строгостью братскаго устава.[89])

За время своего завѣдыванія Слезка поднялъ братскую печатню на высокій уровень въ смыслѣ техническаго ея оборудованія и улучшенія ея изданій. Но онъ же съ другой стороны, подрывалъ ея доходы, тормозилъ ея дѣятельность, донималъ и разорялъ ее дорого стоющими процессами и даже подвергалъ опас-

---

[89]) Покаранъ былъ Слезка, нпр., въ 1635 г., т. е. уже черезъ 2 года послѣ своего принятія въ члены братства, затѣмъ въ 1666 г., т. е. за годъ до своей смерти. Зато, благодаря своей дѣловитости, зажиточности, личнымъ связямъ и знакомствамъ, родственникамъ и друзьямъ среди братчиковъ, Слезка въ братствѣ пользовался такимъ сильнымъ вліяніемъ и авторитетомъ, что неразъ перепиралъ въ немъ свои предложенія и проекты, явно направленные во вредъ и убытокъ братству. Зато общія дѣла братства и отдѣльныя особыя порученія его онъ несомнѣнно исполнялъ успѣшно и добросовѣстно, почему и избирался въ его правленіе. Такъ, нпр., 12 мая 1656 г. Слезка былъ выбранъ однимъ изъ 4-охъ старшихъ братьевъ (вицесеніоровъ) и состоялъ »столовымъ братомъ« (префектомъ), 29 января 1664 г. на него, какъ старшаго брата, »вложили послугу церковную и дали ему ключи отъ сосудохранительницы«. Въ 1647 г. Слезка, находящійся уже подъ митрополичьей анаѳемой, ѣдетъ, въ составѣ братской делегаціи, на похороны того же митрополита Петра Могилы въ Кіевѣ, хотя, вѣроятно, и по личному дѣлу, выхлопотанія себѣ у новаго митрополита снятія этой кары. Въ 1654 и 1658 гг. онъ ѣздитъ въ качествѣ братскаго уполномоченнаго въ Варшаву. (Архивъ Ю.-З. Р. ч. I, т. XI, стр. 115, 192, 202, 238, 431, 467, т. X, стр. 725, т. XI, стр. 420, 458, 696). И что онъ въ такихъ дѣлахъ дѣйствительно былъ искренно преданъ бр-ву и заслуживалъ его полнаго довѣрія, показываетъ такой фактъ: Вмѣстѣ съ Василіемъ Корендовичемъ братство послало 27 марта 1659 г. Слезку въ Кіевъ, къ митр. Діонисію Балабану, съ чрезвычайно важнымъ порученіемъ, лично для Слезки, какъ арцибискупскаго печатника, и по др. тогдашнимъ обстоятельствамъ (козацкимъ войнамъ и пр.) даже опаснымъ: ознакомить митрополита съ тяжелымъ положеніемъ русскаго православнаго населенія во Львовѣ, представить ему всѣ преслѣдованія и насильства, »ярмо наше и вшелкое стисненя и зневоленя от панов магистратовых«, конечно съ соотвѣтствующими предложеніями и планами самозащиты, въ надеждѣ на то, что удастся »на синодѣ генеральном высвободити российскій ввесь народ«. (Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. XII, стр. 572).

ности потери ею своихъ правъ на печатаніе и существованіе — и все это для своей наживы и удовлетворенія своихъ личныхъ амбицій, несмотря на то, что въ другихъ отношеніяхъ раздѣлялъ идейныя стремленія и цѣли братства, заодно съ нимъ боролся за вѣру и Русь.[90])

Такая двойственность его взглядовъ и убѣжденій, такія противорѣчивыя качества его натуры и корыстолюбивыя сдѣлки и затѣи, отразились на отношеніи братчиковъ къ его личности даже послѣ его смерти,[91]) и своими послѣдствіями еще нѣсколько лѣтъ вредили братству, тягавшемуся по судамъ съ его наслѣдниками изъ-за того, что и они въ унаслѣдованной по Слезкѣ печатнѣ продолжали печатать книги братству въ убытокъ. Процессы съ ними и окончательный выкупъ у нихъ этой печатни обошелся братству въ огромную по тогдашнему времени сумму 13.560 зол. 28 гр.[92]).

Претерпѣнныя напасти, убытки и мытарства со Слезкой научили братство осторожности въ выборѣ въ управляющіе братской печатней. Оно предпочитало назначать на этотъ постъ печатниковъ среднихъ способностей, но добросовѣстныхъ, чѣмъ людей особенныхъ дарованій, смѣлой иниціативы и широкаго размаха, но не надежныхъ.[93])

---

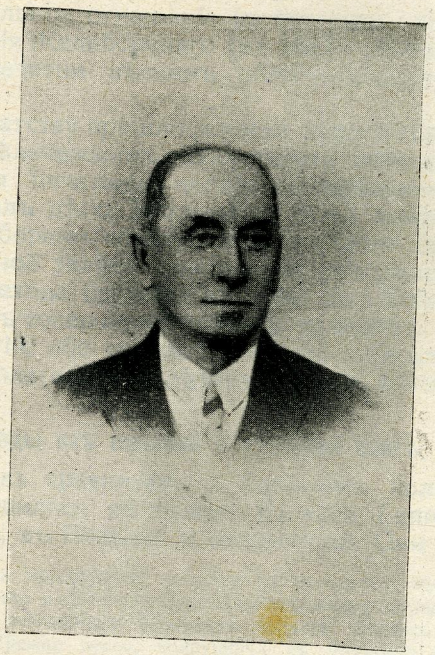
[90]) Здѣсь, кстати и по необходимости, словечко по вопросу о его вѣроисповѣданіи. Потому, что Слезка состоялъ на службѣ у латин. архіепископа, въ качествѣ завѣдующаго его печатней, нѣкоторые (нпр. Бандтке) догадывались, что онъ былъ католикомъ. Догадка эта лишена малѣйшихъ основаній и, просто, невозможна хотя бы потому, что въ такомъ случаѣ православный митрополитъ врядъ ли предавалъ бы его, уже католика, анаѳемѣ, и врядъ ли онъ, Слезка, столь усиленно хлопоталъ бы о снятіи ея съ него. Нынѣ установлено и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ остался православнымъ до своей кончины, о чемъ, впрочемъ, свидѣтельствуютъ вся его жизнь и дѣятельность и всѣ о немъ данныя. (Проф. И. Огіенко, указ. соч.; С. Голубевъ: Петръ Могила, II, прилож., стр. 166).

[91]) Умеръ Слезка въ 1667 г. Такъ какъ отлученіе его отъ Церкви не было съ него снято до самой кончины, никто не дерзалъ и не хотѣлъ хоронить его, такъ что тѣло покойника лежало непохороненнымъ 14 дней, и только послѣ того, какъ митр. Кіев. Антоній Винницкій снялъ съ него это отлученіе, оно было предано землѣ.

При жизни, Слезка изъ своего большого имущества жертвовалъ кое-что отдѣльнымъ церквамъ и Успенскому братству. Умирая, онъ завѣщаніемъ поручилъ своимъ наслѣдникамъ выдать изъ его имущества 1500 золотыхъ, чего они, однако, не сдѣлали, ограничиваясь выдачей ему только незначительнаго количества напечатанныхъ книгъ.

[92]) Наслѣдники Слезки: сынъ Иванъ и дочери, Варвара, замужняя за Степаномъ Лавришевичемъ (Павловичемъ) и Софья, зам. за льв. купцомъ Николаемъ Димитровичемъ, продолжали печатать и продавать книги »братству на злость и шкоду велику«, какъ записано. Послѣ двухлѣтняго съ ними процеса, братство, черезъ своихъ уполномоченныхъ делегатовъ на коронацію въ Краковѣ короля Михаила Корыбута Вишневецкаго, поднося дорогіе подарки, достало новый королевскій привилей и добилось въ надворномъ судѣ приговора, согласно которому наслѣдники Слезки обязаны были продать эту печатню братству, что они и сдѣлали въ 1670 г.

[93]) Имѣя въ виду исторію со Слезкой, нѣкоторые изслѣдователи (проф. И. Огіенко и др.) высказали сожалѣніе о томъ, что, изъ-за печатной монополіи Льв. Успен. братства, не давалась возможность талантливымъ знатокамъ печатнаго дѣла и людямъ широкой въ немъ иниціативы развернуть свободно свой талантъ



Святославъ Өеодосіевичъ Шанковскій
смотри некрологъ, стр. 119—120.

Послѣ Слезки управляли братской Ставропигійской печатней: Степанъ Половецкій, бывшій сотрудникъ Скульскаго съ 1645 г. и братскій „друкарчикъ“ съ 1664 г. На посту завѣдующаго братской печатни работалъ въ 1668—1672 гг. Семенъ Ставницкій, бывшій выученикъ Слезки и долголѣтній наборщикъ въ ней. Онъ велъ дѣла печатни въ полномъ согласіи съ братствомъ до 1697 г. Замѣнялъ его, чередуясь съ нимъ на посту завѣдующаго, его сынъ, Василій Ставницкій, такъ какъ старшій Ставницкій, въ 1676—1680 гг., завѣдывалъ уневской печатней, а младшій, съ 1680 г., печатней еп-па Шумлянскаго, съ которой и перешелъ на службу къ братству.

Благожелательное отношеніе къ братству также львов. правосл. еп-па Арсенія Желиборскаго (въ 1663—1666 гг.) было также и для братской печатни вѣскимъ облегчительнымъ обстоятельствомъ.

Съ 1684 г. братству пришлось вести дорого стоющій процессъ съ Войцѣхомъ Мѣльчевскимъ, добывшимъ себѣ также королевскій привилей на печатаніе церковно-славянскихъ и русскихъ книгъ, но проигралъ дѣло. Его печатня была закрыта, вмѣстѣ съ съ книгами и приборами конфискована и отдана братству, а самъ онъ своей неудачной затѣей совершенно разорился.

Съ поры парехода братства въ унію въ 1708 г. братская печатня очутилась въ совершенно новыхъ условіяхъ. Этимъ годомъ и замыкается долгій, ибо свыше 120-лѣтній періодъ самой плодотворной печатно-издательской дѣятельности львовск. Ставропигійскаго братства.

Доходы изъ печатни и продажи книгъ.

Печатаемыя въ сравнительно большомъ количествѣ братскія изданія расходились не только по всей Галицкой Руси, но и за ея предѣлами, въ Польшѣ и заграницей. Они свободно раз-

---

и этимъ способствовать полнѣйшему развитію и прогрессу печатнаго искусства въ юго-западной Руси, что и наглядно доказывается, между прочимъ, лучше изданными книгами Слезки тогдашнихъ братскихъ изданій. Взглядъ этотъ, кажется, не совсѣмъ вѣренъ. Прежде всего, конкурируя съ братской печатней, Слезка, естественно, заинтересованъ былъ въ выпускѣ своихъ книгъ въ болѣе изящномъ видѣ, но еще вопросъ, не пошла ли бы впослѣдствіи эта конкуренція по линіи массоваго, упрощеннаго, дешеваго и т. д. книгопроизводства, единственная цѣль котораго — личное обогащеніе частнаго лица, владѣльца печатни. Затѣмъ, помимо братской »монопольной« печатни во Львовѣ, въ XVII и XVIII вв., на всей пространной югозападной Руси и въ Галичинѣ въ частности, возникали, развивались и падали многія иныя печатни, со своими такими же или другими заданіями, нѣкоторыя изъ нихъ снабжаемыя громадными средствами, и представляющія собой благодарное поприще печатникамъ широкой инициативы и выдающагося таланта, и все же онѣ, подчасъ даже при сильной поддержкѣ со стороны, за исключеніемъ, конечно, кіево-печерской, работавшей въ совершенно другихъ условіяхъ, ни широтой своей дѣятельности, ни постановкой дѣла, никогда не доравнивали ни львовской братской, ни когдашней княжьей острожской печатнямъ. Нынѣ же, при обозрѣніи дѣятельности льв. братской печатни съ точки зрѣнія ея церковно-общественнаго значенія и огромныхъ заслугъ для галицко-русскаго народа въ прошломъ, невозможно не признать, что, въ тѣ далекія времена неограниченнаго владычества той самой, не разбирающей въ средствахъ »приваты«, въ которой такъ остро укоряетъ Слезку митр. Петръ Могила, это мужественное отстаиваніе братствомъ своего исключительнаго права печатать церковно-славянскія и русскія книги для общена родной пользы имѣло для Галицкой Руси великое значеніе.

возились и продавались на Волыни, Подоліи, Украинѣ, въ Бѣлоруссіи, Литвѣ, Москвѣ, Молдаво-Валахіи. Наибольше вывозилось ихъ въ Кіевъ, гдѣ во время козацкихъ воен печерская печатня прекратила свои дѣйствія.

Кромѣ того книги изъ львов. Ставропигійской печатни распространялись въ тѣхъ странахъ, гдѣ употреблялся церковнославянскій языкъ въ богослуженіяхъ: въ Венгріи, Сербіи, Македоніи, но даже въ Греціи и Палестинѣ. Часто же братство посылало свои книги православнымъ монастырямъ и церквамъ подъ турецкимъ владычествомъ въ видѣ милостыни, во всѣхъ случаяхъ, когда не было въ состояніи помочь наличными деньгами. Взамѣнъ за братскія изданія изъ Москвы получало братство тамошнія изданія, церковныя иконы, облаченія и денежныя вспоможенія.

Высоту прибыли братства изъ продаваемыхъ книгъ можно опредѣлить по тому, что на выручаемыя за нихъ средства братство содерживало почти всецѣло школу, больницу, богадѣльню, печатню, двухъ священниковъ одного діакона и проповѣдника при Успенской церкви и монаховъ при принадлежащемъ братству Св.-Онуфріевскомъ монастырѣ.

Получая такіе огромные доходы за свои изданія, братству необходимо было хозяйничать ими расчетливо и бережно и выбирать въ свое правленіе вообще и въ завѣдующіе и служащіе своей печатни людей свѣдущихъ и печатному дѣлу и самому братству преданныхъ. Въ большинствѣ случаевъ и обычно выборы эти были удачны. Такіе типы на этихъ важныхъ и отвѣтственныхъ братскихъ постахъ, какъ Андрей Скульскій и Михаилъ Слезка, и затѣмъ, въ началѣ XVIII в., Степанъ Лясковскій, безотчетно хозяйничавшій его средствами и разорявшій его, были, правда, весьма разительными, но рѣдкими исключеніями.

Борьба Іосифа Шумлянского съ Ставропигіей и ея печатней.

Вражда епископа Іосифа Шумлянскаго съ братствомъ обрушилась всей своей тяжестью и яростью на братскую печатню. Вскорѣ уже создалось печальное положеніе, живо напоминающее собою борьбу съ братствомъ еп-па Гедеона Балабана, а только вызванное совершенно другими причинами и ведущее къ совершенно другимъ цѣлямъ и послѣдствіямъ.

Шумлянскій только внѣшне православный, но въ душѣ уніатъ, стремился возможно скорѣе перевести Ставропигійское Успенское братство въ унію, но независимое положеніе этого братства, огромные, выручаемые имъ за свои изданія доходы, и, наконецъ, сами эти православныя изданія, были большимъ къ этому препятствіемъ. Отсюда и его непрестанныя, долголѣтнія и упорныя усилія подорвать матеріальныя средства братства въ самомъ главномъ источникѣ его дохода, печатнѣ, и такимъ образомъ заставить его смириться и подчиниться его требованіямъ перехода въ унію, въ чемъ, въ концѣ концовъ, онъ и успѣлъ.[94])

[94]) Такъ какъ долголѣтняя кампанія Шумлянскаго съ Успен. братствомъ носитъ особенный характеръ и атаки ея сосредоточены были главнымъ образомъ на братской печатнѣ, то по необходимости, для выясненія ея исходныхъ точекъ и сущности, вынужденъ немного остановиться на личности и тактикѣ этого епис-

Шумлянскій возненавидѣлъ Успен. братство съ самаго же начала за то, что оно боролось противъ его кандадатуры на льв. епископію, а затѣмъ вообще не подчинялось ему, какъ епископу. Въ 1668 г. братство выселило его изъ самовольно занятой имъ квартиры въ братскомъ домѣ. Въ 1673 и слѣд. гг. братство, не признавая его епископомъ, не признаетъ и его юрисдикціи надъ братскимъ духовенствомъ. Въ 1676 г., когда онъ хотѣлъ ревизовать братство, оно его не впустило ни въ свою церковь, ни въ братскій домъ. Уже послѣ смерти признаваемаго и поддержи-

---

копа и его заинтересованности въ подрывѣ братской печатни.

Шумлянскій (въ мірѣ Иванъ) происходилъ изъ знатнаго русскаго и православнаго дворянскаго рода (герба Корчакъ) и самъ по рожденію былъ православнымъ, но рано перешелъ въ католичество. Передъ кончиною льв. правосл. еп-па Арсенія Желиборскаго онъ состоялъ на военной службѣ и участвовалъ въ сраженіяхъ. Желая занять льв. епископскую кафедру, онъ, незадолго до смерти Арсенія Желиборскаго отрекся отъ католичества и снова принялъ православіе, и, какъ только этотъ епископъ въ 1666 г. умеръ, выдвинулъ свою кандидатуру на его мѣсто, уповая на поддержку со стороны короля и своихъ друзей. (И. Огіенко, ук. соч.; Крыловскій, стр. 171; Архивъ Ю.-З. Р. ч. I, т. X, н-ръ 244, стр. 651—656). Но кандидатомъ на эту кафедру былъ тогда уже также изъ львовской русской шляхты происходящій, извѣстный своею ревностію къ православію, Евстафій Свистельницкій. Его кандидатуру поддерживало всецѣло львов. Ставропигійское Успен. братство, духовенство и гал.-русскій народъ. Ихъ и его сторону принялъ также кіевскій и галицкій митрополитъ Антоній Винницкій, къ которому отъ Ставроп. братства посланы были депутаты по дѣлу избранія новаго епископа. Выборы, однако, откладывались, ибо Иванъ Шумлянскій, имѣя за собой многихъ изъ шляхты и привлекши на свою сторону нѣсколькихъ лицъ изъ низшаго духовенства, проторивалъ себѣ путь къ епископской кафедрѣ противъ воли митрополита. Въ концѣ января 1667 г. его приверженцы прибыли во Львовъ и собрались въ церкви св. Юрія, чтобы произвести желательные для него выборы. Митр. Антоній Винницкій воспротивился этому и пригласилъ собравшихся удалиться изъ церкви. Они, однако, этимъ не смутились, пошли въ частный домъ и тамъ выбрали Шумлянскаго львовскимъ епископомъ. Но большинство православныхъ, во главѣ со Ставропиг. братствомъ, объявили эти выборы неправильными и незаконными, протестовали противъ нихъ, и эти протесты были столь рѣшительны, что Шумлянскій вновь сталъ подбирать приверженцевъ и устроилъ новые выборы, состоявшіеся еще три раза (12 апрѣля, 15 мая и 20 іюля 1667 г.) и счелъ необходимымъ выхлопотать себѣ у короля новую грамоту, ихъ потверждавшую. Все это вызвано было тѣмъ, что митр. Антоній Винницкій рѣшительно отказывался посвящать Шумлянскаго. Съ большими хлопотами состоялось только постриженіе его (въ Креховскомъ м-рѣ) въ монахи, подъ именемъ Іосифа, и еще съ большими — посвященіе по просьбѣ короля, въ іеродіаконы и іеромонахи (еп-помъ Гедеономъ Четвертинскимъ). Но отъ посвященія его въ епископкій санъ всѣ отказались. Тогда Шумлянскій, съ грамотою короля, отправился въ Молдавію, въ Яссы, чтобы получить посвященіе отъ тамошнихъ епископовъ. Но они и молдавскій господарь (воевода), предупрежденные обо всемъ, отправили его ни съ чѣмъ. Возвращаясь оттуда и по пути встрѣтившись съ греческими изгнанниками, Филиппольскимъ митрополитомъ Софроніемъ и Хіосскимъ Ѳеофаномъ, упросилъ ихъ вернуться съ нимъ въ Галичину и посвятить его, разумѣется, за приличное вознагражденіе, что они и сдѣлали 1 февраля 1668 г. въ селѣ Высоцкѣ. — Между тѣмъ православные, подъ руководствомъ Усп. братства, сплотились тѣснѣе и, собравшись 11 января 1668 г. въ церкви св. Юрія во Львовѣ, избрали на льв. епископію 4 кандидатовъ, поставивъ на первомъ мѣстѣ Свистельницкаго. Король его и утвердилъ и 5 марта того же года выдалъ Свистельницкому привилегію на епископство. Свистельницкій приготовлялся къ хиротоніи, на которую съѣхались во Львовъ владыки, духовенство, шляхта и братчики. Шумлянскій вздумалъ помѣшать ей. Онъ сговорился съ комендантомъ львов. замка, полк. Казиміромъ Замойскимъ и подчиненными ему офицерами, своими приверженцами, которые, съ разнаго рода оружіемъ въ рукахъ напали на м-рь св. Юрія, гдѣ находились тогда митр. Антоній Винницкій, Свистельницкій и др.,

ваемаго братствомъ львов. еп-па Іереміи Свистельницкаго, и признанія собой, наконецъ, епископа Щумлянскаго, оно все же рѣшительно отвергло всѣ домагательства Шумлянскаго относительно цензуры печатаемыхъ въ братской печатнѣ книгъ и братской отчетности ему, воспротивилось помѣщенію въ Успенской церкви его епископской кафедры, а когда она все таки была тамъ помѣщена, выбросило ее изъ церкви и въ 1678 г., въ надворномъ судѣ, процессъ съ нимъ окончательно выиграло. Дѣло о цензурѣ,

частію съѣхавшіеся на хиротонію Свистельницкаго, частію гостившіе у митрополита. Однихъ ворвавшіеся перебили, другихъ изранили, а иныхъ перевязали и бросили въ тюрьму. Самого Винницкаго хотѣли убить, но онъ тайкомъ вышелъ и спрятался. Овладѣвъ м-ремъ и церковью, Шумлянскій ограбилъ не только ихъ, но и всѣхъ тамъ находившихся до-чиста. Началось противъ него затѣмъ судебное дѣло, перенесенное потомъ по своей важности на варшавскій сеймъ, по обвиненію Шумлянскаго въ незаконномъ пріобрѣтеніи имъ привилегіи на епископію и учиненныхъ имъ буйствахъ.

Шумлянскій, однако, воспользовался тѣмъ, что въ то время на кіевскую митрополію предъявлялъ свои права противъ Антонія Винницкаго другой владыка, Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій. Къ послѣднему Шумлянскій обратился съ просьбой объ утвержденіи его въ санѣ львов. епископа и этого добился. Чрезъ него же добился того же и отъ александрійскаго патріарха Паисія, но не получилъ этого утвержденія отъ вселенскаго константинопольскаго патріарха, очевидно, уже заранѣе ознакомленнаго съ настоящимъ положеніемъ дѣла.

Между тѣмъ, Свистельницкій, по настоянію Усп. бр-ва и вообще православныхъ во Львовѣ, 30 апрѣля 1668 г., въ праздникъ Вознесенія Господня, былъ посвященъ въ епископы митр. Антоніемъ Винницкимъ и еп-помъ перемышльскимъ Георгіемъ Гошовскимъ, въ братской Успенской церкви, но при закрытыхъ дверяхъ, по осторожности. Шумлянскій же, вмѣстѣ со своими приверженцами и сподвижниками, былъ 2 мая того же года, подвергнутъ анаѳемѣ за то, что безъ соизволенія Винницкаго занялъ льв- епископство, билъ и ранилъ людей до крови и рукополагалъ троеженцевъ. Поддерживающее Свистельницкаго Ставроп. Усп. братство на первыхъ порахъ выиграло: 1 авг. 1671 г. вышелъ королевскій приговоръ, которымъ львов. епархія всецѣло передавалась Свистельницкому, какъ ея законному еп-пу, а Шумлянскій ея лишался, такъ какъ присвоилъ себѣ титулъ льв. еп-па противъ правъ и каноновъ церкви, безъ согласія патріарха, митрополита, духовенства и мірянъ, мѣнялъ свою вѣру нѣсколько разъ, хиротонисованъ изгнанными изъ Турціи и лишенными сана епископами, напалъ ночью на церковь св. Юрія и т. д. (съ перечисленіемъ всѣхъ преступленій) ...и учинилъ прочія безчинства, имъ же нѣсть числа... присужденъ выплатить Свистельницкому такую-то (огромную) сумму, а для исполненія приговора и введенія Свистельницкаго во владѣніе епископіею назначены королемъ особые комиссары. Но Шумлянскій не допустилъ комиссаровъ до исполненія приговора. Онъ, то прибѣгаетъ къ насильствамъ и незаконно составляемымъ актамъ, то къ неискреннему примиренію со Свистельницкимъ, который вынужденъ жить въ Галичѣ или Крылосѣ, пока, наконецъ, по нажиму и вліянію вельможъ, друзей Шумлянскаго и по настоянію все время покровительствующаго ему льв. латин. архіепископа, король не выдалъ ему привилегію, что онъ является льв. еп-помъ. Получивъ ее, Шумлянскій силою занялъ еп-скую каѳедру во Львовѣ, но борьба его со Свистельницкимъ закончилась только со смертью послѣдняго въ 1676 г., послѣ чего этотъ санъ за Шумлянскимъ былъ уже признанъ митрополитомъ Винницкимъ и духовенствомъ.

Шумлянскій тайно перешелъ въ унію въ Варшавѣ уже въ то время, когда выдвинулъ свою кандидатуру на льв. епископію; торжественно же сдѣлалъ это тамъ же въ 1677 г. 7 марта, но свыше 20 лѣтъ скрывалъ это передъ Усп. братствомъ, духовенствомъ и народомъ, все время стараясь склонить ихъ къ принятію уніи также. По отношенію къ братству употреблялъ различныя средства воздѣйствія, то готовности къ услугамъ, то угрозъ и репрессій. Все это, однако, уже принадлежитъ больше къ общей исторіи, точнѣе къ исторіи уніи, насъ же, въ данномъ случаѣ, интересуетъ лишь по стольку, по скольку относится къ взаимоотношеніямъ Шумлянскаго и братства съ печатней. (Крыловскій, 171—181, Зубрицкій, Петрушевичъ, Огіенко, указ. соч. и источники тамъ приведенные).

однако, пошло своимъ особымъ путемъ. Братство цензурѣ не подчинялось и добилось отъ короля освобожденія отъ нея, но съ большимъ трудомъ и послѣ чрезмѣрныхъ матеріальныхъ жертвъ. Учитывая всѣ трудности, братство вступило въ торгъ съ епископомъ Шумлянскимъ непосредственно и за 1000 золотыхъ получило отъ него 28 мая 1679 г. его письменное обязательство — никакой тяжбы съ братствомъ никогда не начинать и оставить его при всѣхъ правахъ и свободѣ печатанія.

Но, на дѣлѣ, Шумлянскій добивался не столько цензуры братскихъ изданій, сколько овладѣнія братской печатней и братскими доходами. Наконецъ, открылъ свою печатню при Святоюрской церкви и началъ печатать книги, но не будучи въ состояніи выдержать конкуренціи съ братской, черезъ полтора года разорившись на нее, самъ предложилъ братству купить ее, и оно купило ее за 5000 зол., 17 сентября 1688 г., въ добавокъ получая отъ него новое письменное обязательство, что ни самъ не заведетъ, ни никому другому не позволитъ завести въ его епархіи другой печатни, съ одновременнымъ врученіемъ братству полученной нѣкогда Шумлянскимъ королевскаго привилея на печатню.

Но мира между братствомъ и Шумлянскимъ не было и быть не могло, ибо оно желало оставаться православнымъ, а онъ перевести его и всю епархію въ унію, автономія же и экономическая независимость братства этому особенно мѣшали. Нарушая данное обязательство слова, онъ около 1700 г. убѣдилъ монаховъ-василіанъ при святоюрской церкви основать печатню, въ которой вскорѣ и начали печатать книги (Ирмологіонъ и др.). Собираясь открыто перейти въ унію и не считая въ такомъ случаѣ для себя безопаснымъ дальнѣйшее проживаніе въ братскомъ зданіи, хотя и безплатное, онъ самъ оставилъ его (т. наз. Мезапетанскую каменицу). Въ Варшавѣ, 16 мая 1700 г., онъ, со своимъ клиромъ и отъ имени клира, принялъ унію, открыто, передъ папскимъ нунціемъ и примасомъ кардиналомъ. Вернувшись во Львовъ, онъ съ помощью своего друга и покровителя короннаго гетмана Станислава Яблоновскаго силою занялъ братскую церковь, помѣстилъ въ ней свою кафедру и т. д. На братскую жалобу въ судѣ по поводу новооснованной василіанской печатни, Шумлянскій отвѣтилъ, что онъ уже уніатъ, а потому не можетъ уже пользоваться книгами „схизматическаго братства, зараженнаго ересами". Въ то же время, однако, король Августъ защитилъ братство, какъ православное, отъ посягательствъ Шумлянскаго, какъ уже уніатскаго епископа. Шумлянскому пришлось перемѣнить тактику и пріемы борьбы.[95]) Впрочемъ же внѣшнія и внутреннія событія и обстоятельства подрывали братство и благопріятствовали Шумлянскому.[96])

---

[95]) Нпр., 8 февраля 1701 г. Шумлянскій издалъ письменное объявленіе, о томъ, что будто уже нѣкоторые братчики перешли въ унію, называя такихъ 13 фамилій, но всѣ названные опровергли это и противъ этого запротестовали, и самый относ. документъ оказался подлогомъ. Запретилъ вѣрнымъ покупать братскія изданія. Добился отъ польскаго правительства запрещенія сношеній братства и вообще православныхъ съ вселенскимъ константинополь. патріархомъ даже подъ угрозой смертной казни и др.

[96]) Въ перемышльской епархіи сопротивленіе православныхъ было раньше

Съ другой стороны, епископъ Іосифъ Шумлянскій обѣщалъ братчикамъ, что по принятіи братствомъ уніи, оно не только сохранитъ за собой всѣ привилегіи и права, но и въ другихъ отношеніяхъ много выиграетъ, что оно, подобно, какъ находилось непосредственно подъ властью вселенскаго патріарха, будетъ находиться подъ властью только римскаго папы, что святоюрская печатня будетъ закрыта и исключительное право печатанія церковныхъ книгъ будетъ имѣть только братская и т. п. Въ самомъ братствѣ, тогда немногочисленномъ, уже было раздвоеніе: значительная часть членовъ его не видѣла возможности дальнѣйшей успѣшной борьбы въ создавшихся условіяхъ и склонялась къ переходу въ унію. Постановленіемъ своего большинства братство 2 мая 1708 г. приняло унію и отправило относ. письма нунцію въ Варшавѣ и папѣ и „конгрегаціи дэ пропаганда фидэ" въ Римѣ, на которыя былъ полученъ отвѣтъ папы Климента XI отъ 5-го апрѣля 1709 г., съ утвержденіемъ присоединенія братства и сохраненіемъ за нимъ всѣхъ его правъ и привилегій.

Вскорѣ, ибо 16 мая 1708 г., по приказу Шумлянскаго, святоюрскіе василіане продали братству свою печатню и напечатанныя въ ней книги (Ирмологіонъ) за 2000 зол. Въ томъ же году епископъ Іосифъ Шумлянскій умеръ. При его преемникѣ на льв. епископской кафедрѣ Варлаамѣ Шептыцкомъ[97]) братская печатня стала поправляться понемногу, но положеніе братства оставалось дальше весьма тяжелымъ изъ-за новыхъ тяжбъ съ львовскимъ магистратомъ и дорого стоющихъ братскихъ ходатайствъ въ Варшавѣ отъ имени и въ пользу всего галицко-русскаго народа въ связи съ новымъ положеніемъ послѣ перехода въ унію.[98]) Впрочемъ же

сломлено и 3 апрѣля 1691 г. открыто была провозглашена унія. Въ 1704 г. Ставроп. Успен. братство страшно было ограблено взявшими Львовъ шведами и наложенной на него высокой контрибуціей, до той степени, что фактически лишилось почти всего своего наиболѣе цѣннаго имущества. По уходѣ шведовъ настала во Львовѣ и въ краѣ зараза, а вслѣдъ за нею и голодъ изъ-за того, что некому было обрабатывать землю. При такомъ печальномъ состояніи города многіе его жители убѣжали въ Карпатскія горы и вообще въ провинцію, въ томъ числѣ и многіе изъ членовъ братства. (Крыловскій, Зубрицкій).

[97]) Бывшій правосл. архимандритъ уневскаго м-ря, Варлаамъ Шептыцкій, былъ въ 1709 г. назначенъ, а въ 1710 г. посвященъ въ гр.-кат. льв. еп-па. Онъ скончался въ 1715 г.

[98]) Шумлянскій и его приверженцы обѣщали, на основаніи правительственной декларацiи отъ 18 марта 1681 г., что съ переходомъ въ унію русскіе будутъ во всѣхъ правахъ уравнены съ поляками, обѣщали, что постановленія ея будутъ въ такомъ случаѣ немедленно осуществлены. Для братчиковъ, мѣщанъ, купцовъ и ремесленниковъ это обѣщаніе значило весьма много. Правда, судьба и положеніе русскихъ внѣ Галичины, перешедшихъ въ унію свыше ста лѣтъ тому назадъ, не могли братчикамъ внушать ни особенно розовыхъ надеждъ, ни довѣрія, все же переходъ братства послѣ столь упорнаго и долголѣтняго сопротивленія и на особыхъ условіяхъ казался имъ въ этомъ отношеніи болѣе надежнымъ. Но прошло четыре года, а перемѣнъ къ лучшему не послѣдовало. Начался въ народѣ ропотъ. Стали отправляться новыя, дорого стоющія депутаціи въ Варшаву и посланія въ нунціатуру тамъ же и въ Римъ. Особенно донимали безконечные процессы съ льв. магистратомъ. За то со стороны власть имущ. шли постоянныя заподазриванія отдѣльныхъ братчиковъ и всего братства въ томъ, что неискренно перешли въ унію и на дѣлѣ остаются православными, и вмѣшательства подъ этимъ предлогомъ въ братскія дѣла. Въ 1711 г. нунціатура, чрезъ своего тайнаго фискала надзирателя надъ братствомъ, префекта театиновъ, потребовала удаленія изъ церкви принятаго

Варлаамъ продолжалъ печатаніе церковныхъ книгъ въ уневской печатнѣ.

Кромѣ всего этого, для льв. Успен. братства самымъ тяжелымъ ударомъ было то, что оно, послѣ своего перехода въ унію, потеряло рынокъ сбыта своихъ книгъ, какъ уже уніатскихъ, въ Кіевѣ, Москвѣ и вообще въ Россіи, въ Молдаво-Валахіи и у южныхъ славянъ.

Его преемникъ на льв. еп-пской кафедрѣ Афанасій Шептыцкій уже въ 1722 г. потребовалъ полнаго подчиненія себѣ братства, цензуры братскихъ изданій и исправленія ихъ по уніатскому ритуалу, а на вышедшія уже наложилъ секвестръ. Римъ, правда, этотъ секвестръ отмѣнилъ, но назначилъ особую комиссію, которая должна была перевести ихъ ревизію и вычеркнуть изъ нихъ все, что было несогласно съ ученіемъ римской церкви. Съ 1730 г. она работала два года и немало уничтожила церковно-богослужебныхъ книгъ. Желая во чтобы то ни стало пресѣчь главный источникъ братскихъ доходовъ, печатаніе братствомъ и продажу книгъ и лишить его средствъ и способовъ веденія съ нимъ процессовъ въ Римѣ, Афанасій Шептыцкій возобновилъ съ 1732 г. книгопечатаніе въ Уневѣ, но процессъ съ братствомъ окончательно, въ 1740 г., проигралъ, ибо приговоромъ было разрѣшено ему въ уневской печатнѣ печатать только тѣ книги, которыя не были еще напечатаны въ братской. Послѣ этого Афанасій Шептыцкій сталъ усиленно поддерживать находящихся въ процессѣ съ братствомъ почаевскихъ василіанъ. Процессъ этотъ длился до самаго перехода Галичины подъ владычество Австріи, а Почаева подъ власть Россіи.[99])

братствомъ краснорѣчиваго проповѣдника, монаха Виталія Яндзинскаго, какъ православнаго. Потребовала также отъ братства отчетовъ въ своихъ доходахъ и расходахъ, подчиненія братскихъ дѣлъ ея ревизіи, т. е. того же префекта театиновъ. Послѣ смерти еп-па Варлаама Шептыцкаго, положеніе братства и Галицкой Руси еще больше ухудшилось. Учесть слѣдуетъ и то, что въ 1717 г. представленъ былъ впервые въ сеймѣ и разосланъ на сеймики т. наз. »проектъ истребленія Руси«, предложенный затѣмъ еще дважды въ сеймахъ 1752 и 1786 гг. Новый льв. еп-пъ Афанасій Шептыцкій (1722—1746) враждовалъ и тягался по судамъ съ братствомъ, требуя себѣ полнаго подчиненія во всемъ и особенно въ дѣлѣ братскихъ изданій. Замостскій соборъ 1720 г. (съ 26 авг. по 17 сент.), въ которомъ участвовало и Ставропиг. братство чрезъ своихъ двухъ старшихъ братчиковъ, Степана Лясковскаго и Ивана Чесниковскаго, далъ еп-пу еще большія права надъ братствомъ. Бороться братству съ притязаніями этого еп-па стало еще труднѣе съ 1729 г., когда онъ достигъ сана уніатскаго митрополита и затѣмъ, когда братство вынуждено было вести съ нимъ споръ также изъ-за духовенства (монаховъ) въ своей же Успенской церкви и Свято-Онуфріевскомъ м-рѣ. (Дѣло въ томъ, что передъ уніей монахи находились подъ непосредственной властью епархіальныхъ еп-повъ. Послѣ уніи изъ нихъ составилось отдѣльное сословіе духовенства подъ названіемъ василіанъ, и, по образцу латинскихъ монаховъ, они раздѣлены были на провинціи, подъ управленіемъ провинціаловъ. Русскій василіанскій провинціалъ вписалъ въ свой списокъ и Онуфріевскій м-рь и даже Успенскую церковь, подъ тѣмъ предлогомъ, что ихъ духовенство состоитъ изъ василіанъ. Братству пришлось хлопотать передъ всѣми духовными инстанціями и въ Римѣ, чтобы эти обѣ церкви, какъ Ставропигійскія, были исключены изъ этого списка).

[99]) Извѣстный проповѣдникъ, Кирилллъ Транквилліонъ Ставровецкій основалъ въ 1618 г. свою печатню въ Уневѣ и вскорѣ переѣхалъ съ нею въ Почаевъ, гдѣ она также скоро прекратила свою дѣятельность. Въ 1730 г. почаевскіе василіане перешли въ унію и при поддержкѣ Афанасія Шептыцкаго возобновили книгопеча-

Въ 1757 г. братство вынуждено было вести процессъ также съ своимъ членомъ львовскимъ печатникомъ Иваномъ Филиповичемъ, получившимъ, при поддержкѣ со стороны львов. латинскаго архіепископа, у короля Августа III 25 апрѣля 1757 г., также привилей на печатаніе церковно-славянскихъ и русскихъ книгъ. Проигравъ дѣло, Филиповичъ продалъ свою типографію братству. Хотя занимавшій львовскую еп-пскую кафедру съ 1746 г. Левъ Шептыцкій относился къ братству лучше и въ дѣлѣ съ Филиповичемъ поддерживалъ его, братство изъ-за долголѣтнихъ процессовъ, споровъ изъ-за назначенія духовенства для братскихъ церквей и внутреннихъ распрей со своими же, со стороны, вражьимъ вліяніемъ деморализованными братчиками, было уже до того подорвано, что въ борьбѣ за свои права выбивалось изъ послѣднихъ силъ. Бравшіе его въ свою защиту почти всегда королевскіе привилеи были для него слабымъ забраломъ отъ напастей и не исполнялись власть имущими ни на мѣстахъ ни въ столицѣ государства.

Въ 1767 г., 26 декабря, послѣдній польскій король Станиславъ Августъ подтвердилъ всѣ права и привилегіи Ставропигійскаго братства. Въ этомъ же году, благодаря вмѣшательству русскаго, англійскаго, прусскаго и датскаго правительствъ, были утверждены на чрезвычайномъ сеймѣ въ Варшавѣ права и свобода христіанъ некатоликовъ, въ ихъ числѣ и христіанъ греческаго восточнаго, т. е. православнаго исповѣданія. Знаменательное, хотя, быть можетъ, и совершенно случайное совпаденіе этихъ двухъ событій несомнѣнно вызывало у львовскихъ Ставропигійскихъ братчиковъ, остававшихся уже 60 лѣтъ въ уніи, глубокія размышленія.

Подъ владычествомъ Австро-Венгріи.

Въ первые годы послѣ занятія Галичины Австріей Ставропигійская печатня проявляла слабую дѣятельность. Пожаръ Успенской церкви въ 1779 г., недостатокъ средствъ и непредѣленность положенія въ новомъ государствѣ несомнѣнно тормозили ее. Самой Ставропигіи, какъ церковному братству, угрожала опасность закрытія. Имп. Іосифъ II закрывалъ монастыри и цер-

---

таніе. Начавшійся сейчасъ процессъ съ Ставроп. братствомъ почаевскіе монахи проиграли, ибо новый королевскій привилей братству отъ 20 окт. 1730 г. снова подтвердилъ всѣ права братства, но они, какъ новые уніаты, по наущенію Афанасія Шептыцкаго, повели и такую же борьбу съ братствомъ передъ духовными властями. Продолжая дальше печатаніе церковныхъ книгъ и пользуясь тѣмъ удобнымъ случаемъ, что какъ разъ въ то время въ Ставропиг. братствѣ работала особая комиссія по ревизіи его изданій, они въ нач. февраля 1730 г. внесли въ нунціатуру въ Варшавѣ на братство жалобу-доносъ, что братство въ своихъ изданіяхъ допускаетъ много погрѣшностей противъ католичества. Хотя и это дѣло закончилось не въ пользу Почаева, но онъ, между тѣмъ, успѣлъ добиться отъ короля Августа II привилея отъ 18 окт. 1732, подтвержденнаго затѣмъ 24 іюля 1736 г. Августомъ III на веденіе своей печатни. Послѣ этого и въ нунціатурѣ и въ Римѣ Почаевъ въ 1745 г. тяжбу съ братствомъ выигралъ. Новые процессы братства съ Почаевомъ тянулись долгія десятилѣтія и только приговоромъ королевскаго суда 26 іюня 1771 г. закончились въ пользу Ставропигійскаго братства: Почаевскій м-рь не смѣетъ печатать тѣ книги, которыя печатаетъ Ставропигія, иначе онѣ будутъ конфискованы въ ея пользу, а до сихъ поръ уже напечатанныя должны быть ей проданы. Но изъ-за раздѣла Польши исполненіе (экзекуція) этого приговора отпало.

ковныя братства. Послѣ насильственнаго закрытія въ 1786 г. послѣдняго православнаго монастыря въ Галичинѣ, Скита Манявскяго, и ряда другихъ, хотя и уніатскихъ, монастырей и церковныхъ братствъ, такая же судьба нависла и надъ Ставропигіей, которой въ 1787 г. было приказано представить правительству всѣ свои привилегіи, доходы обратить въ вѣроисповѣдный капиталъ, а братство закрыть. На особое обращеніе Ставропигіи къ императору прямо, въ 1788 г., полученъ былъ ею надворный декретъ, которымъ Ставропигія, переименованная въ Ставропигійскій Институтъ, въ общемъ, сохранила за собой широкія права и кругъ дѣйствій, въ ихъ числѣ и печатню.

Когда, послѣ вступленія на престолъ Франца II, Ставропигія, въ 1793 г. обратилась, по старому польскому обычаю, съ просьбой о подтвердженіи ея прежнихъ правъ и привилеевъ, декретомъ отъ 16 февраля они были утверждены, съ указаніемъ, что въ будущемъ просить о ихъ утвержденіи уже не будетъ нужно, ибо никто не можетъ лишаться тѣхъ правъ, которыя уже разъ были даны. Выразительно также оставлено за Ставропискимъ Институтомъ право печатанія церковно-славянскихъ, русскихъ и др. книгъ. Префектомъ печатни съ 1790 г. былъ священникъ Успен. церкви о. Іоаннъ Горбачевскій, при которомъ началось печатаніе въ церковно-славянскомъ переводѣ Исторіи церкви Доннемейера и Этики Баймейстра.

Начались тогда также интересныя отношенія Почаевской лавры со Ставромигіей. Префектъ почаевской печатни, о. Спиридонъ Коберскій, обратился 15 декабря 1795 г. къ братству съ просьбой купить себѣ всѣ почаевскія изданія, ибо — какъ писалъ (по польски) — эти книги, какъ изданныя для пользованія здѣшней, соединенной съ Римомъ Русью, теперь здѣсь не находятъ сбыта, въ виду того, что большая часть этой Руси, подъ нынѣшнемъ россійскимъ владычествомъ, уже отпала отъ единства съ римскою Церковью. Потому и обращаемся къ вамъ, г.г., не захотѣли-ли бы вы принять нѣкоторое количество этихъ книгъ на складъ въ свою печатню для пользованія тамошними уніатами, болѣе счастливыми подъ владычествомъ его цѣсарско-апостолической высокости". Братство выразило на это свое согласіе. Почаевскій монастырь желалъ даже дешево продать Ставропигіи свою печатню, но вскорѣ замѣтивъ, что черезъ границу можно въ Галичину ввозить эти книги контрабанднымъ путемъ, спохватился и сталъ устраивать по городамъ Галичины свои книжные склады, откуда эти книги продавались по значительно пониженной цѣнѣ, съ большимъ убыткомъ для Ставропигіи. Братство, поэтому, жаловалось львовскому архіепископу на почаевскихъ василіанъ и въ то же время продолжало сноситься съ правительствомъ относительно разрѣшенія ему купить и перевезти во Львовъ почаевскія изданія, но неожиданно все дѣло оборвалось: австрійское правительство не позволило ему купить эти изданія.[100])

---

[100]) Россійское правительство не закрыло почаевской печатни и она свободно продолжала свою дѣятельность, но — какъ выше сказано — сбытъ ея книгъ все падалъ. Имп. Павелъ I выдалъ этой печатнѣ 4 мая 1800 г. свой особый привилей, на основаніи котораго она работала до 1831 г., когда россійское правительство,

Въ началѣ XIX в. Ставропигійская печатня была единственной русской печатней въ предѣлахъ Австро-Венгріи не только для Галицкой, но и Буковинской и Угорской Руси, но нищая и оборудованная въ техническомъ отношеніи, кажется, недостаточно, ибо въ 1815 и слѣд. гг. паремышльскій русскій кружокъ печаталъ свои изданія не въ ней, а въ Будапештѣ. Медленно, но вѣрно состояніе ея улучшалось. Постепенно запасались церковно-славянскимъ и русскимъ печатописьмами также другія (польскія) печатни въ Галичинѣ.

Въ виду того, что имѣвшіяся въ долголѣтнемъ употребленіи черенки братской печатни крайне притупились, Ставропигійскій Институтъ взялся за ихъ переливъ, обновленіе и пополненіе, чѣмъ занимался особо приглашенный знатокъ-гиссеръ въ 1816—1820 гг. Потому, что въ это время печатня работать не могла, а между тѣмъ было необходимо напечатать возможно наискорѣе школьные учебники для многихъ открываемыхъ во всемъ краѣ приходскихъ школъ, тогдашній львовскій губернскій печатникъ, Іосифъ Пиллеръ, запасся на-время нѣсколькими сортами славяно-русскихъ черенокъ и напечаталъ ими нѣсколько брошюръ и учебниковъ.[101]) Ставропигійская печатня, однако, какъ церковно-славяно-русская, по количеству и качеству своей производительности, еще долгое время занимаетъ первое мѣсто. Въ 1830-тыхъ годахъ она начала печатать также изданія на польскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ.

Въ 1829 г. перемышльскій епископъ Іоаннъ Снѣгурскій основалъ въ Перемышлѣ т. наз. капитульную („епископскую") печатню. Печатались въ ней сначала польскія и латинскія книжечки (катехизисы и молитвенники), но позже и русскія кирилловскими письменами.[102]) Со временемъ, въ 1840—1850 гг., стала весьма живой и плодотворной, выдвигаясь на первое мѣсто послѣ Ставропигійской въ Галичинѣ.

Долгое время почти всѣ русскія изданія печатались въ галицкихъ и внѣгалицкихъ печетняхъ въ Австро-Венгріи только кирилловскими письменами, а не гражданскими (гражданкой) по особой (политической) причинѣ. Изъ-за сосѣдства Россіи, въ которой отъ Петра Великаго русскія книги печатались гражданкой, австрійскія власти считали гражданку, какъ „московскую", опасной и недопустимой, ибо ею утверждалось единство письма галицко-русскаго и общерусскаго литературнаго, а между тѣмъ, съ цѣлью именно удаленія и отторженія галицкихъ и вообще австрійскихъ русскихъ отъ всего остального русскаго міра, эти вла-

---

установивъ причастность почаевскихъ базиліанъ къ возстанію, закрыло ее. Часть почаевскихъ изданій еще въ 1861 г. купилъ оптомъ львовскій купецъ Михаилъ Дыметъ. (И. Огіенко, указ. соч.).

[101]) Именно: Правила школьная для училищъ парафіальныхъ, Львовъ, 1817 г. — Повинности подданныхъ ку ихъ монарсѣ, во употребленіе училищъ парафіальныхъ, Львовъ, 1817. — Катехизисъ малый для училищъ параф., Львовъ, 1818 г. — Черенки эти перелилъ затѣмъ Пиллеръ въ латино-польскія.

[102]) Вышли изъ нея: въ 1833 г. **Katechizm wielki, ułożony przez X. Mogilnickiego, Katechizm mały** и Букварь, двумя изданіями. Въ 1834 г. извѣстная Грамматика языка рускаго въ Галиціи Іосифа Левицкаго, на нѣм. и рус. языкахъ, въ 8⁰, стр. XXVI — 212 — 59.

сти силились „осчастливить“ ихъ приближеніемъ ихъ къ сверхсовершенной, единоспасительной и т. д. западной культурѣ, почему и весьма рано стали навязывать имъ печатаніе русскихъ изданій латинскимъ алфавитомъ. До 1840 г. были напечатаны гражданкой всего только два изданія, 6 изданій латинкой, всѣ же остальныя кириллицей. Съ 1848 г. количество изданій, печатаемыхъ гражданкой, правда, все увеличивается, но никогда не превышаетъ количества кирилловскихъ: загѣмъ подъ угрозой и давленіемъ властей круто падаетъ и только въ 60-тыхъ (конституціонныхъ) годахъ вытѣсняетъ кириллицу, при одновременномъ совершенномъ провалѣ правительственной попытки навязать гал.-русскому народу латинку.[103])

Въ то время, въ періодъ все еще продолжавшаго царить въ Австро-Венгріи „просвѣщеннаго абсолютизма“, строгость и придирчивость оффиціальной цензуры, отказы въ разрѣшеніи новыхъ изданій и удушающія притѣсненія уже разрѣшенныхъ, гоненіе гражданки, при сопутствующемъ ему упрямомъ навязываніи галичанамъ латинки, непрестанныя заподазриванія галичанъ, хотя и въ совершенно природномъ и неискоренимомъ, но австрійскими властями безтолково объявленномъ якобы преступнымъ, руссофиль-

---

[103]) Въ то время австрійское правительство было, конечно, еще очень далеко отъ концепцій Grossfuerstentum von Kiew 1879 г. и украиносепаратистической »новой эры«, провозглашенной въ галицкомъ сеймѣ 13(25) ноября 1890 г. Оно силилось только, во что бы то ни стало, отгородить китайской стѣной Галицкую Русь отъ Россіи, опасаясь даже малѣйшихъ намековъ о національномъ обликѣ галичанъ, однимъ изъ которыхъ считали также гражданское печатное письмо, какъ признакъ россійскости. На сколько этотъ австрійскій взглядъ на гражданку былъ нелѣпъ и куріезенъ, видно сейчасъ, какъ только вспомнить, что гражданка взяла свое начало отъ малорусской скорописи уже XVI и XVII вв. въ юго-западной Руси, занесена была въ Москву малороссами и ими же употребленіе ея въ печати было подсказано Петру Великому, съ которымъ они все время въ великомъ дѣлѣ преобразованія Россіи сотрудничали.

Изъ исторіи австрійскихъ преслѣдованій гражданки укажемъ нѣсколько фактовъ (см. И. Е. Левицкій: Галицко-русская библіографія XIX ст. (1801—1886), т. I. до 1860 г.), Львовъ, 1888 г., стр. XIX): Львовскій журналъ »Зоря Галицкая«, печатавшійся сперва кирилловскими письменами (1848—1852), а въ 1853 и 1854 гг. гражданскимъ письмомъ, сталъ съ 1855 г. печататься опять кирилловскими письменами. »Перемышлянинъ«, издававшійся съ 1850—1859 гг. гражданкою, былъ принужденъ заявить въ 1859 г., что, начиная съ 1860 г. будетъ издаваться кириллицей. Первые два выпуска »Галицкаго Историческаго Сборника«, издаваемаго »Галицко-русскою Матицею« (1853—1854), напечатаны гражданскимъ письмомъ, третій же выпускъ, появившійся въ 1860 г., напечатанъ кирилловскими письменами. »Церковная Газета«, выходившая подъ редакціей Ивана Раковскаго въ Будинѣ (1856—1858) и печатаемая гражданкою, была въ 1858 г. прекращена и вмѣсто нея началъ Иванъ Раковскій издавать кирилловскимъ письмомъ »Церковный Вѣстникъ«, котораго, однако, появилось всего только 10 н-ровъ. Въ 1859 г. Богданъ Андр. Дѣдицкій получилъ отъ краеваго правительства концессію на изданіе »Зори Галицкой«, съ приложеніемъ »Пріятеля Народа«, однако, — какъ говорится въ упомянутой концессіи — mit Ausschluss der sogenannten Civilschrift (Hraždanka). Въ томъ же году гражданское письмо было проскрибовано изъ школьныхъ учебниковъ. Слѣдуетъ еще примѣтить, что, въ концѣ 1850-тыхъ годовъ, краевое правительство воззвало львовскую консисторію предложить образцы такъ устроенной русской скорописи, чтобы она отличалась отъ скорописи, употребляемой въ Россіи. Даже »Русалка Днѣстровая«, изданная въ 1837 г. въ Будапештѣ, какъ первая галицко-русская публикація, напечатанная гражданскимъ письмомъ, была, кажется, по тому же поводу запрещена у насъ. (Слѣдуютъ ссылки).

ствѣ и строжайшее отгороженіе Галичины отъ Россіи, отразилнсь крайне вредно и на дѣятельности Ставропигійской печатни.

Несмотря на замѣтное постепенное улучшеніе технической стороны ея производства, сама ея производительность проявлялась слабо и убого. На протяженіи первой половины XIX в., точнѣе по 1848-ой годъ, изъ нея выходили архипастырскія посланія, проповѣди („слова"), библійныя исторіи, религіозно-нравственныя поученія, катехизисы, молитвенники и іерейскіе молитвословы, типики, каноны и т. п., отъ времени до времени и большія церковно-богослужебныя книги (Литургія св. Іоанна Злат. и Псалтырь 1808 г., Ирмологіонъ и Осмогласникъ 1816 г., Орологіонъ сирѣчь Часословъ полуставный 1837 г., Евангеліе 1838 г.), значитъ, все еще то же только, что и въ предъидущіе вѣка, большей частью церковнаго и вообще религіознаго содержанія. Мірского же появилось очень мало; это были школьные учебники: буквари, читанки (хрестоматіи), грамматики, словарики церк.-слав. словъ, и т.п. Въ особыя группы можно бы выдѣлить напечатанныя въ ней стихотворенія-панегирики („стихи"), по случаю разныхъ событій, то радостныхъ, то печальныхъ, шематизмы, убогіе мѣсяцесловы и всякаго рода отзывы. Изъ литературно-научной области напечатано въ ней было всего нѣсколько сочиненій Д. И. Зубрицкаго (Kronika miasta Lwowa, 1844 г. и на нѣм. и поль. языкахъ брошюры или статьи о Ставропигійскихъ церкви, братствѣ и печатнѣ, по исторіи Галицкой Руси и о галицко-русскихъ народныхъ пѣсняхъ).

Самый языкъ этихъ изданій — смѣсь галицко-русскаго нарѣчія, церковно-славянщины и заимствованій изъ общерусскаго печатнаго слова. Еле-еле въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ возвышается до уровня русской литературной рѣчи того времени въ Россіи. Несмотря на то, что нѣкоторое время, какъ отмѣчено въ „Каталогѣ книгъ славено-русскихъ въ Типографіи Інстітута Ставропигіанскагѡ Львовскагѡ, обрѣтающихся. Въ Львовѣ дне ꙗ҃к Марта ҂ѧѡѯ҃г," въ Ставропигіи былъ „блюстителемъ печатни" тогда уже извѣстный поклонникъ и любитель рус. литер. языка, Діонисій Зубрицкій, она дерзнула напечатать на немъ, въ подлинникѣ, только оду Г. Р. Державина „Богъ" въ 1830 г. и вторымъ изданіемъ въ 1846 г., да и то въ обоихъ сопровождая текстъ ея параллельными переводами на польскій и нѣмецкій языки.

Внезапно и рѣзко измѣнился характеръ Ставропигійскаго печатнаго производства въ эпохальномъ 1848 году, въ которомъ не была напечатана ни одна церковно-богослужебная книга, но зато вышло много брошюръ, листковъ, записокъ, летучекъ, съ отзывами, адрессами (обращеніями), на гал.-русскомъ, польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, въ связи съ объявленіемъ конституціи. Въ томъ же году, съ 15 мая, стала печататься въ Ставропигійской печатнѣ первая на Галицкой Руси политическая газета „Зоря Галицкая" (сначала еженедѣльникъ). Языкъ многочисленныхъ изданій постепенно, но рѣшительно поправляется замѣтнымъ своимъ приближеніемъ и переходомъ къ чистому общерусскому литерат. языку, на которомъ также кое-что появляется все чаще.

Весьма скоро омрачившая 1848-ой годъ абсолютистическая

реакція уже не смогла ни убить это русское народное пробужденіе, ни свернуть новое народное движеніе съ прямого объединительно-русскаго направленія, ни вытѣснить изъ гал.-русскихъ изданій рус. литер. языкъ. Въ 1852 г. Ставропигія печатаетъ у себя и на свои средства, на этомъ языкѣ, I и II тт. Зубрицкаго Исторіи древняго галицко-русскаго княжества и III т. ея въ 1855 г. Изъ Ставропиг. печатни выходитъ въ 1854 г. на томъ же языкѣ Галицкій Историческій Сборникъ (изданіе Гал.-русск. Матицы) и др. изданія.[104])

Вторая половина XIX и начало XX вв.

Съ 1860-аго года, т. е. съ начала новой конституціонной эпохи въ Австро-Венгріи, дѣятельность Ставропигійской печатни принимаетъ уже такіе дотолѣ небывалые размѣры, широкій размахъ, богатое разнообразіе и напряженное оживленіе, что для изложенія ея исторіи пришлось бы составить если не особую цѣлую книгу, то отдѣльную статью, конечно, только послѣ предварительнаго собранія и обработки относительныхъ матеріаловъ. Здѣсь же, въ замыкающихся рамкахъ предоставленнаго мѣста, остается лишь еще послѣдними строками намѣтить отдѣльныя главнѣйшія вѣхи и черты для ея характеристики.

Сложился на этотъ широкій и мощный размахъ печатной производительности Ставропигіи рядъ благопріятствовавшихъ ему причинъ, событій и условій. Главнѣйшія изъ нихъ — это:

въ общемъ и по большей части хорошія отношенія между нею и св. Юромъ въ XIX в., въ то время и особенно при митрополитѣ Іосифѣ Сембратовичѣ, перешедшія въ согласованно-дружеское сотрудничество въ защитѣ вѣры, обряда и единства Руси, въ борьбѣ за права и интересы родного народа, въ дѣлѣ его просвѣщенія, организаціи и воспитанія въ національно-патріотическомъ духѣ;

появленіе новыхъ сочиненій ряда галицко-русскихъ писателей-беллетристовъ, трудовъ гал.-русскихъ ученыхъ, въ ихъ числѣ и такихъ, которые занимали также университетскія каѳедры, талантливыхъ журналистовъ и публицистовъ, благодаря чему расширены и усилены были издательства не только Ставропигіи, но и др. гал.-рус. учрежденій и Обществъ;

тогда же, хотя правда, помалу и туго, но все таки постепенно оживляющіяся и затѣсняющіяся отношенія галицко-русской общественности и нашихъ писателей съ Россіей и умноженіе и ростъ изданій на русскомъ литерат. языкѣ;

народно-просвѣтительная дѣятельность о. Іоанна Наумовича и основаннаго имъ О-ва им .Качковскаго во Львовѣ и вызванный

---

104) Увеличеніе количества политическихъ и литературно-научныхъ изданій, естественно сократило выпускъ религіозныхъ и церковныхъ. Изъ церковно-богослужебныхъ напечатанъ былъ въ Ставропигійской печатнѣ только Осмогласникъ въ 1858 г. Въ этой отрасли выручала ее до нѣкоторой степени уже съ 1830-ыхъ годовъ епископская печатня въ Перемышлѣ, напечатавшая въ 1840 г. Леїтургиконъ, въ 1844 г. Требникъ, въ концѣ же 1850-тыхъ и началѣ 1860-тыхъ, отдѣльными большими книгами, Библію (ветх. и нов. зав.), перепечатанную изъ почаевскаго изданія, съ иллюстраціями, чистымъ и выразительнымъ письмомъ и вообще старательно и изящно.

ею спросъ на популярныя изданія въ широкихъ народныхъ массахъ;

большей частью способные, добросовѣстные и трудолюбивые управляющіе въ Ставропигійскихъ печатнѣ, переплетной мастерской и книжной лавкѣ; и рядъ другихъ, экономическихъ, общественыхъ и т. д. причинъ.

Въ то время Ставропигійская печатня обогатилась всевозможными печато-письмами на нѣсколькихъ языкахъ и особенно обильно разоообразными церковно-славянскими. Церковно-богослужебныя книги выходили изъ нея дѣйствительно роскошными и расходились не только въ Галичинѣ, но и въ Угорской Руси и въ Холмщинѣ (до возвращенія ея къ православію) и, наконецъ, въ Америкѣ.

По наступленіи въ 1890 г. украино-сепаратистической „новой эры", въ политическую колесницу которой впряжено было затѣмъ и гр.-кат. духовенство въ Галичинѣ, настало непріязненное отношеніе св. Юра къ Ставропигіи и пошла его противодѣйствующая и подрывная работа противъ ея печатно-издательской дѣятельности. Въ своей въ Жолквѣ новооснованной печатнѣ василіане стали печатать книжки и брошюры, написанныя въ прямо противоположномъ, чѣмъ Ставропигійскія, направленіи и духѣ, вводя ими въ восточный обрядъ латинскія новшества. Взялись даже переводить церков. богослуженія на своеобразную „мову", но потерпѣвъ неудачу изъ-за куріезности этихъ переводовъ и народнаго имъ сопротивленія, перешли, для конкуренціи со Ставропигіей, къ печатанію церковно-богослужебныхъ книгъ уже на церк.-славянскомъ языкѣ, но съ произвольно измѣненнымъ ихъ текстомъ.

Все это, конечно, до самой войны тормозило и осложняло ея дѣятельность, но убійственнаго удара ей еще не наносило, ибо, съ одной стороны, ея книги, по старой традиціи, высоко цѣнились и пользовались заслуженнымъ спросомъ и въ краѣ и заграницей, а съ другой, причиняемый ей этимъ убытокъ возмѣщался больше, чѣмъ достаточно, все усиливающимся и возростающимъ печатаніемъ въ ней изданій на русскомъ литературномъ языкѣ.

Военное и послѣвоенное время.

Въ самомъ же началѣ войны Ставропигія была австрійскими властями закрыта и отдана въ завѣдываніе правительственнаго комиссара.

Во время русскаго владычества въ 1914—1915 гг. Ставропигія была возстановлена во всѣхъ своихъ правахъ и въ ея печатнѣ печатались ежедневная газета „Прикарпатская Русь" и еженедѣльникъ „Голосъ Народа" и другія русскія изданія.

Послѣ отхода изъ Галичины русской арміи и обратнаго нашествія австрійской въ Ставропигіи хозяйничали украинствующіе и печатали въ ея печатнѣ, отъ ея имени и на ея средства, противорусскія и съ напастями на саму Ставропигію изданія, въ родѣ пресловутаго „Збірника".[105])

---

[105]) См. В. Р. Ваврикъ: Черные дни Ставропигійскаго Института во Временникѣ на 1927 г. и особымъ оттискомъ 1928 г. и Ю. А. Яворскаго: Кукушкино яичко въ Ставропигіи, во Временникѣ на 1923 г.

Отъ этихъ хозяевъ, уже при польскомъ владычествѣ, она была возвращена въ русскія руки, но печатня ея, прежде одна изъ самыхъ богатыхъ, оказалась совершенно нищей и ограбленной. Уцѣлѣвшіе еще остатки ея, съ изношенными до крайности и поврежденными машинами, стали только медленно обновляться и пополняться. Изъ-за невозможности, неокупаемости и др. причинъ, она нынѣ не находится въ собственномъ управленіи, а сдается въ аренду частному предпринимателю на нѣсколькольтніе сроки. Вдобавокъ подорванная еще въ послѣдніе годы общимъ экономическимъ кризисомъ и задолженностью, она только медленно и съ большими усиліями поднимается изъ военнаго и послѣвоеннаго упадка и постепенно расширяетъ кругъ своихъ дѣйствій.

Итъ большихъ церковно-богослужебныхъ книгъ вышли изъ нея: Евангеліе въ 1924 г., Евхологіонъ проф. Т. Мышковскаго 1925 г., Священное Апракосъ Евангеліе 1929 г., Леїтоvргікон сирѣчь Служебникъ 1929 г. и Уставы церк. проф. Т. Мышковскаго.

Кромѣ того, въ ней печатаются почти всѣ львовскія русскія изданія, начиная съ собственнаго ежегоднаго Временника, выходящаго съ 1864 г., и кончая газетами, брошюрами, листками и т.п.

Спросъ на церковныя книги и сбытъ ихъ нынѣ упали, трудности же и дороговизна ихъ печатанія чрезмѣрно велики. Да и препятствія ихъ производству ставятся сь разныхъ, подчасъ совершенно неожиданныхъ сторонъ. Неразъ эти препятствія непреодолимы, не только въ техническомъ и финансовомъ, но и въ иныхъ отношеніяхъ.[106])

Заданія Ставропигійскаго печато-издательства.

Но какъ бы тамъ ни было, тягчайшее лихолѣтье уже, кажется, проходитъ и виды на лучшее будущее открываются.

У гал.-рус. простого народа и интеллигенціи, замѣчается влеченіе къ русской и церковной старинѣ и просыпается привязанность къ церковымъ обрядамъ и обычаямъ. Все настойчивѣе предъявляется требованіе возстановленія въ церквахъ въ совершенной чи-

---

[106]) Итакъ, изданныя Ставропигіей и одобренныя въ львовской архіепархіи книги, какъ напр. послѣдній Служебникъ, не одобряются и не допускаются въ другихъ двухъ галицкихъ епархіяхъ, перемышльской и станиславовской. — Изъ-за часто мѣняющагося отношенія церк. властей къ тѣмъ или инымъ оборотамъ и выраженіямъ въ церковно-славянскомъ богослужебномъ текстѣ, иногда окончательнаго рѣшенія спора приходится выжидать изъ Рима. — Назначенные этими властями редакторы и корректоры печатаемыхъ въ Ставропигіи книгъ исполняютъ свои обязанности неумѣло или халатно, а послѣдующее исправленіе допущенныхъ ими и уже напечатанныхъ погрѣшностей обходится очень дорого. Кромѣ того, эти же редакторы и корректоры, въ своемъ буйномъ рвеніи украинизовать этотъ текстъ, искажаютъ его еще больше своими неудачными »поправками«, ибо все норовятъ закрѣплять въ немъ печатно и на вѣки вѣчные нѣкоторыя въ старыхъ рукописныхъ и печатныхъ книгахъ, по ошибкѣ, недосмотру или же невѣжеству вкравшіяся погрѣшности, ибо имъ кажется, что онѣ какъ разъ и есть самыя, что называется, настоящія и драгоцѣннѣйшія особенности »украинской мовы«, отличающія и отдаляющія ее отъ »московской«. То же самое и по тѣмъ же соображеніямъ продѣлываютъ они со знаками ударенія, переставляя ихъ въ этомъ текстѣ, такъ, что, нпр., вм. »Господу помолимся« и »у Господа просимъ« получается »Господу помолимся« и »у Господа просимъ« и т. д. — Добавить еще, наконецъ, что въ однихъ книгахъ слово »православный« допускается, въ другихъ нѣтъ, и тогда можно имѣть нѣкоторое представленіе обо всемъ этомъ хаосѣ и трудностяхъ печатанія такихъ книгъ.

стотѣ и пышности греко-восточн. точнѣе православной обрядности, а, слѣдовательно, будетъ усиливаться и возростать спросъ на утоляющія эту духовно-культурную жажду изданія.

Такъ или иначе, съ согласія и одобренія или же безъ и противъ воли сегодняшней украинствующей, а завтрашней, быть можетъ, иной церковной іерархіи, львовская Ставропигія, какъ встарь, такъ и нынѣ и въ грядущемъ, всегда своими церковно-богослужебными и религіозно-нравственными изданіями будетъ идти навстрѣчу этимъ народнымъ требованіямъ, нуждамъ и чаяніямъ и стоять на стражѣ чистоты, неприкосновенности и святости указанной обрядности, старинныхъ церковныхъ и русскихъ традицій. Это ея первое зяданіе.

А второе, изъ него же вытекающее и такое же равнозначительное и повелительное: привить нашей тѣснѣйшей галицко-русской родинѣ — она въ патріаршихъ грамотахъ и посланіяхъ, митрополичьихъ и епископскихъ распоряженіяхъ, въ соборныхъ постановленіяхъ и южнорусскихъ сочиненіяхъ, часто и поэтично-торжественно величается: „россійская (росская) земля и россійскій (росскій) народъ (или родъ)“ — привить ей родную и не только законно, но и органически ей принадлежащую, общерусскую культуру, въ ея чистомъ н подлинномъ видѣ, что совершить возможно только чрезъ русскую художественную и научную литературу, на чистомъ русскомъ литературномъ языкѣ.

Для вящшаго подчерка этихъ двухъ основныхъ заданій Ставропигіи и подведенія итоговъ всему вышесказанному, остается только заключить всего нѣсколькословнымъ указаніемъ на то, что львовское Ставропигійское Успенское братство исполняло эти два заданія, по мѣрѣ своихъ силъ и возможностей, дѣйствительно героически, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, издавая церковно-богослужебныя и другія книги на церковно-славянскомъ и, пожалуй, тогдашнемъ также общерусскомъ литературномъ языкѣ, — болѣе-ли или менѣе чистомъ и правильномъ, или же нѣтъ, это уже особый вопросъ, — и поддерживая тѣсную связь, живой культурный обмѣнъ и братское сотрудничество со всей остальной, единовѣрной и единоплеменной, Русью.

Въ концѣ XVI и въ теченіе XVII вѣковъ эти связь, обмѣнъ и сотрудничество съ такими крупными центрами, какъ Вильно, княжій Острогъ, Кіевъ и Москва, были особенно оживлены и сильны, почему и дѣятельность львовской Ставропигіи поднялась и держалась на высокомъ уровнѣ. Напротивъ же, когда въ XVIII в. они стали ослабѣвать и въ первой половинѣ XIX в. почти оборвались, она опускалась все ниже и ставала убогой до крайности. И только съ половины XIX в., благодаря ихъ оживленію и усиленію, она снова поднимается и становится чрезвычайно мощной и благотворной.

Въ этомъ отношеніи также наглядный урокъ изъ славнаго прошлаго Ставропигіи и особенно ея печатно-издательской дѣятельности, весьма поучителенъ. Онъ и нынѣ наставитъ насъ разбираться въ сложномъ настоящемъ и строить планы на лучшее будущее.

———o———

(Библіографія къ этой статьѣ помѣщена на обложкѣ отдѣльно выпущеннаго ея оттиска).

ПОСѢЩЕНІЕ СТАВРОПИГІОНА АПОСТ. АДМИНИСТРАТОРОМЪ ДЛЯ ЛЕМКОВЩИНЫ, Д-РОМЪ о. ВАСИЛІЕМЪ МАСЦЮХОМЪ.

Кантата

посвященная памяти жертвъ 1914 года. Слова В. Р. Ваврика, музыка А. Л. Ропицкаго).*

Талергофъ — то кличъ не боя, битвы
на полѣ брани двухъ враговъ;
то кличъ, и вопль, и плачъ молитвы
несчастныхъ Галича сыновъ.

Сей кличъ — не шумъ, не ликованье,
не громъ, не пѣсни, и не фитили;
то кличъ послѣдняго прощанья
германцемъ попранной русско-галицкой земли.

Сей кличъ — тоска Іереміи
изъ Вавилонскихъ береговъ;
сей кличъ — брязгъ путъ, пески чужіе,
далекій грустный Талергофъ.

В. Р. Ваврикъ.

Значеніе Талергофа.

(по случаю 2-го Талергофскаго Съѣзда[1]), 31-го мая 1934).

I.

Талергофъ — идея.

Имѣемъ двухъ матерей.

Первая родила насъ на Божій свѣтъ, вскормила насъ своей грудью и воспитала насъ своими нѣжными и добрыми наставленіями. Идеаломъ этой матери есть наша крестьянка. Пойдетъ она въ поле, работаетъ тамъ, что духъ запирается, а мысли-

*) Кантата издана музыкально-драматическимъ кооперативомъ »Муза« особымъ изданіемъ.

[1]) Описаніе Съѣзда въ »Русскомъ Голосѣ« (№№ 22,23), въ »Землѣ и Волѣ« (№№ 22, 23), въ календарѣ О-ва им. Мих. Качковскаго на 1935 годъ.

думки ея дома у колыбели своего дитяти. Вечеромъ не идетъ она обратно, но быстрой и легкой птичкой летитъ къ своей крошкѣ, чтобы ее обнять, приголубить и приласкать къ своей груди.

И какъ-же такую мать не любить, не почитать?

Вторая мать — это наша родина!

Она дала жизнь и бытіе всѣмъ нашимъ предкамъ и одухотворила великимъ подвигомъ весь русскій народъ, дала ему силу и славу.

Это наша Русь! Это святая святыхъ для каждаго русскаго человѣка!

Почему среди нашего народа родилась пословица: нѣтъ семьи безъ урода? Почему въ немъ такое громадное количество »блудныхъ« сыновей, безумцевъ, юродивыхъ? Почему въ 1914 году, когда лютая орда жандармовъ залила наши села, нечаянно изъ родной земли, какъ грибы послѣ обильнаго дождя, выростали доносчики и предатели, лишенные человѣческаго чувства и достоинства разбойники и палачи? Почему въ тѣ лютые дни, когда чернымъ туманомъ легъ ужасъ на Галицкую Русь [2]), когда зловѣщая баба-яга облетѣла ее вдоль и поперекъ и, покрывши Карпаты черной фатой, выкликала изъ дебрей и проваловъ кровавую гибель, когда вражій пожаръ охватилъ небосводъ со всѣхъ сторонъ, почему въ тѣ лютые дни истребленія русскаго населенія шли впереди вожаками этого Каинова злодѣйства наши кровные, родные братья?

Почему все это случилось, почему?

*

Пропали въ туманной дали родныя хаты, нивы, кресты, горы, и прощай, дорогая сторона! Прощай, свѣтлое солнце, ты померкло для многихъ навсегда!

По большимъ, цѣсарскимъ дорогамъ пошелъ, гремя кандалами и падая подъ тяжестью своего креста, страдалецъ-народъ: отцы и матери, старики и дѣти, всѣ они пошли въ нѣмецкія тюрьмы, словно въ татарскій полонъ. И грусть, и смертная боль охватывала ихъ душу, и кровь стыла въ ихъ жилахъ. Шли тысячи за тысячами, и среди нихъ много было мучениковъ. О ихъ мартирологіи заговорятъ когда-то камни, политые горячими слезами и горячей кровью. И не одно имя засіяетъ ореоломъ выстраданной славы.

*

Греки имѣли Ѳермопилы, сербы имѣли Коссово поле, чехи имѣли Бѣлую гору, а мы — русскіе галичане — имѣемъ Талергофъ, второе Мамаево побоище.

Тамъ легли наши родные не вооруженные штыками, легли замученные голодомъ и насиліемъ за имя Владиміра, за девизъ Наумовича, за честь русской націи.

---

[2]) Описаніе этого ужаса въ »Талергофскомъ Альманахѣ« (Львовъ, 1924—1932).

Талергофъ — часть нашей земли съ шумомъ Карпатъ, съ тоскою Волыни и Подолья, часть нашей многострадальной исторіи, часть нашей плоти и крови. Талергофъ — культъ великаго душевнаго подвига.

Талергофъ — идея всенароднаго геройства!

*

Въ 1928 г. состоялся 1-ый Съѣздъ Талергофцевъ [3]).

Густой массой по улицамъ Львова шли тѣ, кто были свидѣтелями бѣснующагося погрома, видѣли брызги мозговъ на каменныхъ плитахъ и слышали въ темныхъ углахъ Бригидской тюрьмы сдавленные стоны повѣшенныхъ. Шли тѣ, спины и головы которыхъ сѣкли ясные мадьярскіе палаши, ломали желѣзные, тяжелые приклады.

Была чудесная осень. Позолоченный октябремъ листъ падалъ на обнаженныя головы участниковъ Съѣзда. Сѣдоглавые крестьяне несли большой дубовый крестъ — символъ Галицкой Голгофы, и терновый вѣнецъ — символъ побѣды русской идеи [4]).

Это была первая народная тризна [5]) по всѣмъ замученнымъ за вѣру и правду своихъ предковъ. Тризна съ могучимъ призывомъ: вставай, поднимайся, прибитый народъ!

*

И сталось чудо: народъ воскресъ.

Въ 20-ую годовщину Талергофской трагедіи лишній разъ Русь засвидѣтельствовала, что она вѣчно жива и безсмертна. Это замѣтно было во взорахъ непроглядной массы народа, это чувствовалось въ крѣпкой спаянности собравшихся, это слышалось въ каждомъ словѣ и привѣтѣ.

На 31-го мая 1934 г. выпала прекрасная погода: послѣ проливного дождя ясное ведро, свѣжая зелень, теплое и яркое солнышко.

Не мало удивился Высокій замокъ, увидѣвъ у своего подножья столько обнаженныхъ головъ, столько прекрасныхъ вѣнковъ; не мало удивился, услышавъ стройное, родное пѣніе [6]).

---

[3]) »**Русскій Голосъ**« 1928, №№ 277—278, 280—281, 282—283, 284—285. »**Земля и Воля**« 1928, №№ 38, 39, 40—41, 42, 43, 44,

[4]) По случаю 1-го Съѣзда получено много привѣтствій и телеграммъ со всѣхъ славянскихъ земель. Къ сожалѣнію, матеріалы, относящіеся къ 1-му Талергофскому Съѣзду, до сихъ поръ не обработаны и необнародованы.

[5]) 31-го октября 1928 г.; тогда-же былъ избранъ Центральный Талергофскій Комитетъ: А. О. Гулла — предсѣдатель; З. М. Медыцкій и С. Кунинская — его товарищи; В. Р. Ваврикъ и Р. Т. Максимовичъ — секретари; Н. Т. Третьякъ, Дръ Ю. С. Заяцъ, свящ. Р. Чайковскій, свящ. Іоаннъ Билинкевичъ и Л. Старицкій — члены.

[6]) Помнинальное Богослуженіе на Высокомъ Замкѣ служили старѣйшіе талергофцы священники: Александръ Гелитовичъ изъ Коссова, Владиміръ Микитка изъ Струтина Выж, Романъ Чайковскій изъ Бутины, въ сослуженіи діаконовъ, священниковъ: Евгенія Хиляка изъ Мервичъ и Іосифа Яворскаго изъ Ляшкова. Пѣлъ мѣщанскій хоръ изъ Глинянъ подъ управленіемъ г. Чайковскаго.

II.

За что страдалъ галицко-русскій народъ?

Слово

свящ. Пантелеимона *Скоморовича,* талергофца и настоятеля прихода изъ Дынискъ, русско-равскаго уѣзда, на Высокомъ замкѣ.

»Въ память вѣчную будетъ праведникъ, отъ слуха зла не убоится...«

Ликуй, долина Талергофа, пропитанная русской кровью и покрытая костьми русскихъ страдальцевъ! Ибо сегодня весь русскій народъ Галича и Прикарпатья съ благоговѣніемъ смотритъ въ твою сторону: »твоя бо земля потаила есть его доблестныхъ мучениковъ«.

Встаньте и возрадуйтесь, кости русскихъ борцовъ, за историческую истину! Заранѣе пріяло васъ лобное мѣсто адскаго Талергофа въ свои холодныя объятія. Сегодня, въ 20-ую годовщину Вашихъ мученій, весь русскій народъ склоняетъ передъ Вами свою голову и, тронутый до глубины души, съ умиленіемъ зоветъ къ грядущимъ поколѣніямъ:

»Въ память вѣчную будутъ праведницы, отъ слуха зла не убоятся...«

Кому не памятенъ 1914 годъ? Ужасная, міровая война приспѣшила столкновеніе германскаго міра съ міромъ славянскимъ. германскій имперіализмъ въ своемъ завѣтномъ походѣ на востокъ рѣшилъ уничтожить всѣхъ славянъ и бросить ихъ прямо въ могилу. Въ началѣ войны они подверглись жестокимъ гоненіямъ, преслѣдованіямъ и заключеніямъ по тюрьмамъ, а олицетвореніе всѣхъ австрійскихъ жестокостей — это земной адъ, Талергофъ.

Германскій міръ, столкнувшись съ русскимъ міромъ, дрогнулъ, и вдругъ діавольская злоба велѣла ему стереть съ лица земли все, что русское и что Русью пахнетъ. И, вотъ, началось въ исторіи человѣчества небывалое злодѣяніе: когда цвѣтъ галицко-русскаго народа по приказу кровожаднаго германизма своими костьми покрывалъ необозримыя поля боя, стая жандармовъ уводила его родителей, женъ и дѣтей, его братьевъ и сестеръ, его священниковъ и всю мірскую интеллигенцію изъ родной земли въ тюрьмы, издѣваясь надъ ними, безъ приговора разстрѣливала и на придорожныхъ деревьяхъ вѣшала. Слезы отчаянія дѣтей-сиротъ и несчастныхъ матерей лились потоками.

Кто въ силѣ посчитать несчастныя жертвы этого произвола?

Тогдашній депутатъ австрійскаго парламента, полякъ г. Дашинскій (русскіе депутаты были приговорены къ смертной казни!) сказалъ на одномъ изъ засѣданій, что у подножья самыхъ Карпатъ отъ разстрѣловъ и висѣлицъ погибло около 60.000

Вѣнокъ отъ Лемковщины на памятникъ Неизвѣстному Талергофцу во Львовѣ.

невинныхъ жертвъ [7]). Но всему этому еще не конецъ. Всѣхъ вывѣшать, всѣхъ умертвить — нѣтъ возможности. Къ большому нашему горю, нѣмецкой, діавольской злобѣ спѣшитъ съ помощью Каиново исчадіе, которое, отрекшись за іудинъ грошъ своего родного историческаго имени, совѣтуетъ Вѣнѣ вычеркнуть изъ исторіи народовъ тысячелѣтнее названіе: Русь, а побѣда будетъ обезпечена.

И о, ужасъ, что творится? Братъ предаетъ брата, сосѣдъ сосѣда, дѣти родителей, родители дѣтей, прихожане священниковъ, священники прихожанъ, учители учениковъ, ученики учителей. Огненное пламя ненависти къ своему родному охватило Галицкую Русь! Нагруженные арестованными поѣзда, подъ военнымъ конвоемъ, тащатся на западъ и увозятъ русскихъ людей всѣхъ возрастовъ и сословій, закутыхъ въ кандалы, оплеванныхъ, окровавленныхъ, жаждущихъ и голодныхъ, избитыхъ штыками и заполняются ими многочисленные концентраціонные лагери, изъ которыхъ на первое мѣсто по жестокостямъ выбивается земное пекло, Талергофъ [8]).

Талергофъ — это мѣсто ужасныхъ страданій тѣхъ, кто не захотѣлъ отречься матери — Св. Руси. За русское имя, за русскую вѣру, за русскій восточный обрядъ, за русскую букву, за русское слово, за русскую книжку, за русскую пѣсню, за Святую Русь мучились тамъ жертвы, у которыхъ было то одно преступленіе, что ихъ родила русская мать. За это, и только за это заклеймили ихъ измѣнниками, заковали въ кандалы, разстрѣливали пулями, кололи штыками, привязывали къ столбамъ, запрягали въ плуги и какъ скотами пахали, морили голодомъ, влекли въ военные суды, приговаривали къ смерти. Вслѣдствіе этихъ нечеловѣческихъ мѣръ, неописуемыхъ мукъ и страданій и всякаго рода заразительныхъ болѣзней, лютой и неумолимой смерти въ Талергофской долинѣ число ея странныхъ жителей въ скоромъ времени на половину уменьшилось.

Съ тѣхъ поръ лобное мѣсто »подъ соснами« превращается въ историческую святыню для всего русскаго народа.

Но не плачь, русскій народъ! Не проклинай своей судьбы! Пусть будетъ тебѣ въ утѣшеніе наставленіе св. Писанія: »терпѣніе содѣлываетъ спасеніе«. Какъ правдивая Голгофа — нестертое вовѣкъ свидѣтельство Божественной Истины и спасеніе всего міра, такъ и Талергофъ — русская Голгофа — кровью запечатлѣнное свидѣтельство исторической правды и укрѣпле-

---

[7]) Весьма смѣлую рѣчь въ защиту галицко-русскаго населенія въ австрійскомъ парламентѣ произнесъ чехъ Юрій Стржибрны 14-го іюня 1917 г. Болѣе подробныя справки въ книжкѣ З. Лясоцкаго: **„Polacy w austr. obozach barakowych dla uchodźców i internowanych.“ Краковъ, 1929.**

[8]) Ничѣмъ необоснованной является выдумка редактора »Пролома« (неофиціальнаго органа украинскихъ церковныхъ круговъ) г. В. Колпачкевича, будто свящ. Н. Скоморовичъ не былъ въ Талергофѣ. Онъ въ немъ былъ отъ самаго начала, перенесъ тифъ и испыталъ всю тяжесть нѣмецкой неволи.

ніе русскаго имени галицкаго народа! Напрасно ликовали книжники и фарисеи, что Господа Славы распяли и Божественную Истину попрали, напрасно радовались измѣнники — іуды и гробокопатели Руси, что въ Талергофѣ Русь погребали и русскую идею уничтожили. Подобно, какъ напрасны были всѣ гоненія, преслѣдованія и запрещенія еврейской старшины, ибо Голгофа вовѣкъ будетъ возвѣщать: »Тотъ, Кого вы распяли, во-истину Сынъ Божій«, такъ напрасны всѣ клеветы, ругательства, предательства, ложныя показанія на судѣ измѣнниковъ, а даже извѣстный указъ цѣсаря Карла, ибо Талергофъ всегда будетъ свидѣтельствовать, что замученные были во-истину русскіе люди!

Не будь Голгофы, не было-бы спасенія міра. Не будь Талергофа, не было-бы спасенія русской идеи на Карпатской Руси. Вотъ, значеніе сегодняшняго нашего великаго русскаго праздника, праздника побѣды русской идеи.

Спаси, Господи, жительство наше! Русь побѣждаетъ словомъ правды! Горѣ имѣемъ сердца! — этими словами привѣтствую Васъ, оставшихся въ живыхъ и вырвавшихся изъ объятій смерти, Васъ, доблестные страдальцы, за Русь! Большимъ вознагражденіемъ за Ваши страданія да будетъ сегодняшній праздникъ, говорящій къ Вамъ: яко благо терпѣти за истину!

Русскій народъ всѣхъ концовъ русской земли! Въ сей величавый праздникъ побѣды русской идеи воззри на твою святыню въ Талергофѣ, обагренную кровью почившихъ тамъ Твоихъ героевъ и внемли ихъ завѣту, дорожи ихъ залогомъ, блюди избранный ими путь и предъ Богомъ и людьми, святая Русь, святою будь!..

Ура! нашъ вѣкъ русско-славянскій! — этими вдохновенными словами привѣтствуютъ Васъ, галицко-русскіе страдальцы, всѣ славянскіе народы, добывшіе своей храбростью свою національную свободу. Ибо наша завѣтная вѣра, что всѣ славяне — одно! И нынѣ, въ нашъ національный праздникъ, мы обращаемся къ предателямъ, мучителямъ, клеветникамъ и измѣнникамъ и кличемъ: мы — русскіе, и потому руководимся святой любовью; »не надо намъ мести, не надо намъ крови враговъ«.

Наконецъ, земной поклонъ отдаемъ праху всѣмъ пострадавшимъ за святую Русь и да будетъ ихъ память вѣчная отъ рода въ родъ!

Слово

свящ. Кирилла *Чайковскаго* [9]), узника Грацской вязницы и настоятеля прихода изъ Нанчолки Великой, уѣздъ Самборъ, на Высокомъ замкѣ.

Въ исторіи Прикарпатской Руси находимъ мало ясныхъ и радостныхъ моментовъ. Поколѣнія смѣняли поколѣнія, заливаясь потомъ на народной нивѣ, и рѣдко когда они могли порадоваться успѣхами своего мозольнаго труда. Склонилъ свою буйную голову Бескидъ, пригорюнилась Черная гора, будто желала-бы сказать: почему тебѣ, русскій народъ, въ Прикарпатьи такъ горько живется, почему десятки лѣтъ несешь тяжкій крестъ, и почему путь твоей исторической жизни ведетъ на Голгофу?

Нѣтъ у насъ княжескихъ палатъ, нѣтъ памятниковъ старины. Все поглотила подъяремная жизнь. Могилами да курганами покрылась русская земля, и они говорятъ намъ о томъ, что были у насъ народные герои, которые всѣмъ сердцемъ хотѣли поднести свой бѣдный народъ, хотѣли добыть ему лучшую судьбу-долю.

И нынѣ передъ нами памятникъ-могила, нерадостный, печальний памятникъ, воздвигнутый бѣднымъ народомъ Прикарпатья своимъ братьямъ-героямъ, погибшимъ въ Талергофѣ за то, что любили свой родной край, что не отказались отъ историческаго русскаго имени, за то, что пріобщались той родной культурѣ, передъ которою культурный свѣтъ сгибаетъ свое колѣно.

Мы остались въ живыхъ, они остались въ талергофскихъ могилахъ, и намъ жаль, что русскія кости топчетъ коварный, твердый, нѣмецкій сапогъ. Намъ легче было бы, если бы мы взяли хотя одного родного брата и сложили его кости въ родную землю. Намъ казалось бы, что мы всѣхъ взяли къ себѣ на родную землю.

Но мы воздвигли памятникъ. Мы будемъ къ нему приходить, у его подножья будемъ плакать — тужить, будемъ сталью закаливать народный духъ, ибо онъ — нашъ Сіонъ, нашъ Олимпъ, нашъ русскій Іерусалимъ, ибо въ немъ кроется соборный духъ всѣхъ невинно замученныхъ нашихъ братьевъ-талергофцевъ.

Русскія дѣти Прикарпатья! Приходите къ этой могилѣ, приложите къ холодной каменной плитѣ ваше ухо, и услышите загробный голосъ талергофскихъ героевъ-мучениковъ. Вы услышите еще могучій кличъ: что изъ того, что ты, лютый враже, замучилъ наше тѣло въ неволѣ, что разсѣялъ русскія кости

---

[9]) Свящ. Кириллъ Николаевичъ Чайковскій, извѣстный галицкій поэтъ-писатель, сотрудникъ всѣхъ галицко-русскихъ народныхъ изданій; литературный его псевдонимъ: дѣдо Торочило.

по Талергофскому полю? Нашъ духъ живетъ и жить будетъ до конца свѣта. Держитесь, русскія дѣти, вмѣстѣ, и Русь наша не погибнетъ никогда! Ибо кто слышитъ голосъ брата на его могилѣ, тотъ не измѣнитъ ни своимъ, ни своей родинѣ.

Двѣ рѣчи

Антонія Осиповича *Гуллы,* талергофца и предсѣдателя Центр. Талергофскаго Комитета [10]).

а)

послѣ освященія памятника на Лычаковскомъ кладбищѣ.

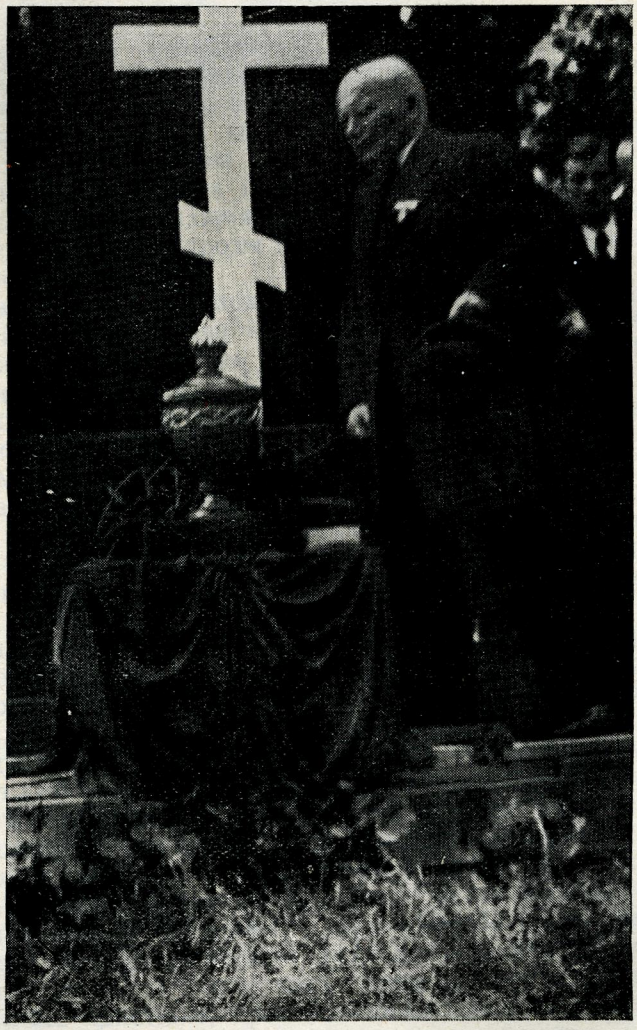
Русскій народъ! Сегодня, въ 20-тилѣтнюю годовщину нашей народной трагедіи, да будетъ мнѣ разрѣшено здѣсь, на могилѣ неизвѣстнаго нашего героя-мученика, высказать нѣсколько словъ публично отъ имени Центр. Талергофскаго Комитета. Да будетъ мнѣ соизволено склонить голову передъ всѣми сѣрыми народными страдальцами, которые своими костьми засѣяли не одну только широкую, родную, Галицкую землю, но и большое кладбище подъ Талергофскими соснами.

Пускай мои тихія, некраснорѣчивыя слова несетъ теплый, майскій вѣтерокъ далеко-далеко по Галицкимъ полямъ, и пускай они долетятъ до кладбища на чужбинѣ и утвердятъ почивающихъ тамъ героевъ въ томъ, что мы умѣемъ цѣнить ихъ жертву, что исповѣдываемъ тѣ-же завѣты и идеи, за которыя они легли головами на сырой нѣмецкой землѣ, что русскій народъ въ Галичинѣ живъ, что онъ не палъ духомъ и дальше идетъ по слѣдамъ своихъ великихъ подвижниковъ. Никакія вражескія силы, никакіе доносы, ни клеветы не смогли этотъ народъ стереть съ лица земли и тутъ, въ городѣ князя Льва, у памятника Неизвѣстному Талергофцу, построеннаго лептами вдовъ и сиротъ, приноситъ народный, клятвенный обѣтъ, что не сойдетъ съ прямой дороги своихъ замученныхъ отцовъ и память ихъ сбережетъ во вѣки. Ибо вѣра этого народа въ лучшее будущее тверда и несокрушима, какъ камень сего памятника, а его имя чисто, какъ этотъ бѣлый, мраморный крестъ!

Такой народъ не дастъ себя повести на распутья! И ему сегодня именемъ Центр. Талергофскаго Комитета передаю въ опеку сей памятникъ и вѣрю, что онъ сумѣетъ его сохранить для будущихъ поколѣній.

---

[10]) Центр. Талергофскій Комитетъ руководствовалъ организаціей Съѣзда. Уже въ февралѣ мѣсяцѣ 1934 г. оказалось, что для болѣе успѣшной работоспособности Комитета необходимо пополнить составъ его и въ Комитетъ вошли: А. О. Гулла — предсѣдатель; С. И. Билинкевичъ — его товарищъ; В. Р. Ваврикъ и А. Л. Ропицкій — секретари; Іоанна Криницкая и Стефанія Денисюкъ (О-во Русскихъ Дамъ); М. С. Цебринскій (О-во им. М. Качковскаго); Р. Р. Кокотайло (О-во »Муза«); П. Р. Красицкій, О. Ю. Луцыкъ, Р. Я. Луцыкъ, Ѳ. Е. Хилякъ (общественные дѣятели); П. С. Билинкевичъ (О-во »Другъ«) и Л. Старицкій — члены.



Предсѣдатель Центр. Талергофскаго Комитета, Антонъ Осиповичъ Гулла, произноситъ рѣчь изъ постумента Памятника Неизвѣстному Талергофцу. На постументѣ стоитъ урна съ землей изъ могилъ Талергофскаго Кладбища.

б)

при открытіи торжественной академіи на стадіонѣ »Сокола« по Лычакову.

Дорогіе Сестры и Братья - Талергофцы! Мнѣ, какъ предсѣдателю Центр. Талергофскаго Комитета, выпала почетная задача открыть сегодняшнюю академію, посвященную торжественному чествованію памяти героевъ нашей народной трагедіи.

Послѣ всемірной войны завелся у всѣхъ народовъ благородный обычай поклоненія памяти неизвѣстнаго воина, который до послѣдняго издыханія стоялъ на своемъ посту въ полѣ. Съ его именемъ чтятъ народы память всѣхъ, отдавшихъ жизнь за свою отчизну.

И во-истину великъ подвигъ вѣрнаго воина! Однако не менѣе величественъ подвигъ вѣрнаго Талергофца. Вѣрный воинъ сражался въ бою, въ него стрѣляли, и онъ стрѣлялъ, его убивали, ибо онъ убивалъ или, по крайней мѣрѣ, могъ убить своего противника. Вооруженный, онъ боролся противъ вооруженнаго.

Совсѣмъ другой была доля вѣрнаго Талергофца! Физическому насилію онъ противоставилъ силу національнаго духа. Страдая и идя на смерть, онъ не могъ и думать о сопротивленіи. Онъ несъ на алтарь отечества жертву самоотверженія, несъ ее съ глубокимъ сознаніемъ своего русскаго національнаго достоинства.

Въ Талергофѣ и въ другихъ австрійскихъ концентраціонныхъ лагеряхъ томились десятки тысячъ русскихъ страдальцевъ. Многіе изъ нихъ не выдержали насилія и погибли, по дорогѣ ли въ Талергофъ, или подъ соснами. Но никто изъ нихъ не палъ духомъ и не старался отклонить горькую чашу страданій, никто не отрекся отъ своей русской идеи, своего русскаго имени. Всѣ они страдали до конца за русское дѣло, хотя не были дисциплинированными солдатами, привыкшими къ военнымъ трудамъ, но какъ мирные граждане всѣхъ сословій и возрастовъ — селяне, духовные и мірскіе интеллигенты, старцы и дѣти, мужчины и женщины — мужественно несли свое иго.

Въ этой именно стойкости духа заключается величіе Талергофскаго подвига! Такъ, какъ наши мученики, вели себя только первые христіане, преслѣдованные римскими цезарями, и эта именно пассивность христіанъ въ виду угнетателей ускорила побѣду Христа надъ язычествомъ.

Отъ Талергофскаго жертвоприношенія проходитъ 20 лѣтъ, и мы сегодня съѣхались сюда, въ городѣ русскаго князя Льва, со всѣхъ сторонъ, чтобы чествовать память нашихъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ сѣрыхъ героевъ, положившихъ головы свои за идею, за русское имя, за народную честь. И когда посмотримъ сегодня на эти массы участниковъ нашего Съѣзда и сравнимъ

эти тысячи съ числомъ участниковъ перваго Съѣзда въ 1928 году, то придемъ къ радостному заключенію, что наши силы значительно возросли и что массовыя жертвы нашего народа не пошли напрасно.

Поэтому съ истинной радостью привѣтствую Васъ, братья-Талергофцы, и также привѣтствую всѣхъ прочихъ единомышленниковъ за то, что Вы изволили прибыть на сегодняшній Съѣздъ для подтвержденія народной солидарности и силы. Вмѣстѣ съ тѣмъ смѣю высказать надежду, что сегодняшній Съѣздъ ободритъ насъ всѣхъ къ дальнѣйшей интензивной работѣ для блага нашего народа.

Дальше позволю себѣ еще привѣтствовать многоуважаемыхъ нашихъ гостей, которые своимъ присутствіемъ изволили причиниться къ возвеличенію нашего торжества: нашу дорогую братію изъ Закарпатья, Волыни, Полѣсья и Вилинщены съ бар. Штейнгелемъ, деп. Пимоновымъ во главѣ; представителей польскаго, намъ братскаго народа, прежде всего г-на сов. Адольфа Фиду [11]), который, съ покойнымъ адвокатомъ д-ромъ Осташевскимъ [12]), на каждомъ шагу бралъ въ защиту несчастныхъ Талергофцевъ, несъ имъ помощь, ободрялъ ихъ и сотнямъ узниковъ спасъ жизнь, а тысячамъ облегчилъ тяжкую долю. При этомъ случаѣ я долженъ высказать здѣсь искреннюю благодарность именемъ нашихъ священниковъ-Талергофцевъ Его Высокопреосвященству Д-ру Іосифу Теодоровичу, архіепископу армянскому и бл. п. Д-ру Іосифу Бильчевскому, архіепископу римо-католическому, за то, что въ началѣ войны своей рѣшительной интервенціей у австрійскихъ военныхъ властей убавили издѣвательства и насилія австро-мадьярскихъ палачей надъ неповиннымъ русскимъ духовенствомъ, интеллигенціей и крестьянствомъ. Этотъ благородный и исполненный христіанской любви къ ближнему шагъ чужихъ Владыкъ мы всегда будемъ высоко цѣнить.

Этимъ кончаю и открываю вторую часть программы нашего торжества — академію.

Рѣчь

Предсѣдателя Верховнаго Совѣта Русскаго Народнаго Объединенія въ Польшѣ *В. Ѳ. Штейнгеля.*

Галицкій народъ русскій!

Привѣтъ Тебѣ, стойкому борцу за русскую національную идею, отъ Русскаго Народнаго Объединенія въ Польшѣ и низкій поклонъ памяти Талергофскихъ героевъ-мучениковъ!

На сегодняшнее торжество съѣхались русскіе со всѣхъ частей Польши: изъ Виленщины, Полѣсья и Волыни... Съѣхались

---

[11]) Смотри статью А. Фиды: **„Tragedja Thalerhofu". Gazeta Poranna, № 10672**

[12]) Дръ Осташевскій, адвокатъ во Львовѣ, какъ оберлейтенантъ австр. армія, сильно сопротивлялся крутымъ мѣрамъ Чировскаго, гонителя русскихъ галичанъ въ Талергофѣ.

для того, чтобы сказать громко, что это не только галицкое торжество, но и торжество всѣхъ русскихъ, всѣхъ, кому дорого свое русское національное имя.

Особенно близка къ Вамъ наша Волынь — вотъ, почему при освященіи памятника я вложилъ горсть нашей волынской черноземной земли въ Талергофскую урну, какъ символъ того, что снова, какъ и въ былыя времена, Галицкая и Волынская Русь соединены вмѣстѣ.

Болѣе ста лѣтъ назадъ французскій народъ установилъ обычай поклоняться праху »Неизвѣстнаго Солдата«, въ которомъ воплотилась идея жертвеннаго служенія своему народу. Послѣ послѣдней великой войны могилы »Неизвѣстныхъ воиновъ« были устроены во всѣхъ странахъ. Только нашъ русскій народъ до сихъ поръ не имѣлъ такого національнаго памятника.

И вотъ сегодня мы освятили такой первый русскій памятникъ жертвамъ Талергофа, — символъ великихъ борцовъ за Русь!

И сегодня, когда Вы въ торжественномъ шествіи проходили мимо памятника »Неизвѣстному Талергофцу«, — Вы приносили присягу, клялись въ вѣрности тѣмъ идеямъ, за которыя гибли Ваши отцы, матери, сестры, братья и дѣти!

Талергофская жертва обязываетъ насъ твердо защищать наше русское, національное дѣло. И когда Васъ спрашиваютъ, кто Вы? — у Васъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: — »я русскій!« Великій писатель земли русской Николай Васильевичъ Гоголь, когда-то сказалъ: »Русскій! Благодари каждый день Бога за то, что ты родился русскимъ!« И дѣйствительно: русскому есть чѣмъ гордиться: вспомнимъ звучную русскую рѣчь, литературу, русскую музыку и науку и вообще всю нашу великую и прекрасную въ своемъ могучемъ расцвѣтѣ — русскую культуру.

Пусть-же теперь, въ этотъ день поминовенія памяти погибшихъ за русское святое дѣло героевъ, въ наши души вольется твердая вѣра въ свѣтлое будущее нашей національной идеи. И пусть изъ Вашихъ устъ раздастся могучій кличъ:

»Да здравствуетъ единый великій русскій народъ!«

Рѣчь

Архимандрита *Филоѳея,* Благочиннаго Галицкаго Округа.

»Отъ имени православнаго духовенства Лемковщины и другихъ частей Галиціи привѣтствую Талергофскій Съѣздъ. Привѣтствую Васъ, всѣхъ здѣсь собравшихся, что Вы изъ отдаленныхъ мѣстъ Галичины и даже и другихъ частей Польши прибыли сюда въ такомъ большомъ числѣ, чтобы сегодня такъ торжественно почтить память героевъ Талергофа, Талергофскихъ мучениковъ.

Тяжелыя были времена при Австріи для галицко-русскаго

народа. Имя русское было ненавистно австрійцамъ. И потому австрійскіе жандармы жестоко преслѣдовали, арестовывали и сажали галичанъ въ тюрьмы за служеніе своей національной идеѣ, за то только, что они были русскими.

И мы, православные, въ сегодняшній день совершили Заупокойную Литургію и панихиду въ Свято-Георгіевской церкви, что по Францишканской ул. № 3, по замученнымъ въ Талергофѣ. Мы, православные — духовенство и народъ Галичины, а также и сочувствующіе православію, пришедшіе помолиться вмѣстѣ съ нами, — вознесли свои горячія моленія объ упокоеніи въ селеніяхъ праведныхъ, гдѣ уже нѣтъ ни печали, ни воздыханія, души тѣхъ, которые претерпѣли страшныя муки въ Талергофѣ за св. Русь«.

Рѣчь

Ѳомы *Дьякова*[13]), крестьянина изъ с. Вербѣжъ, уѣздъ Львовъ, приговореннаго къ смертной казни въ Вѣнѣ.

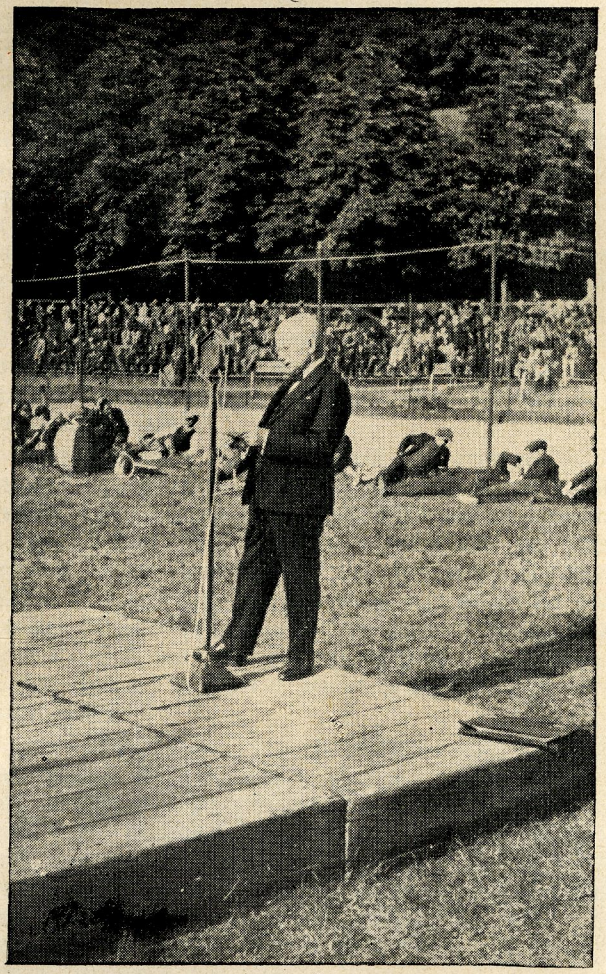
Русскій народе! Велика тобѣ честь и слава за тое, що изъ справедливого почутья и сердечной любови, въ великôмъ числѣ, во многихъ тысячахъ собравшися, днесь обходишь величаве, всенародне, Талергофске, торжественне свято на галицкой землѣ въ древней столицѣ русского князя Льва, щобы торжественно всѣмъ погибшимъ мученикамъ и страдальцямъ, въ часѣ свѣтовой войны потерпѣвшимъ въ австрійскихъ тюрьмахъ, на шибеницяхъ и въ Талергофскôмъ страшнôмъ пеклѣ, отдати вѣчную честь и глубокій поклонъ!

Нехай не гине нûколи память о нашихъ невинныхъ тысячахъ русскихъ людей, лучшихъ и дорогихъ нашихъ батькôвъ и матерей, братôвъ и сестеръ, котрû въ страшныхъ мукахъ погибли отъ куль, багнетôвъ и на австро-мадьярскихъ шибеницяхъ, що неначе густый лѣсъ покрыли всю нашу землю. Той звѣрскій терроръ въ свѣтовôй исторіи записано кровавыми буквами, и я вѣрю, що та память о мученикахъ буде вѣчная. Наши дѣти, внуки, правнуки и тысячлѣтнû потомки будутъ ихъ вспоминати и благословити за тое, що въ страшныхъ, смертельныхъ мукахъ и страданіяхъ не выреклися свого великого, славянского, русского имени и за идею русского народа принесли себе кроваво въ жертву. Ганьба буде на вѣчный споминъ за писемнû и устнû, ложнû доносы выродныхъ нашихъ рôдныхъ братôвъ, которû выреклися тысячелѣтного русского имени, стались лютыми янычарами, проклятыми каинами, юдами, здрадниками и запроданцями русского, славянского народа и русской, славянской земли за австрійскіи и германскіи охлапы.

Горе тому народу, що хоче строити свою будучность не на твердôмъ каменнôмъ фундаментѣ, т. е. на своей исторіи и своей

---

[13]) Рѣчь крестьянина Ѳ. Дьякова печатаемъ безъ какихъ-либо перемѣнъ.



Предсѣдатель Центр. Талергофскаго Комитета, Антонъ Осиповичъ Гулла, произноситъ рѣчь на стадіонѣ »Сокола«.

минувшости, лишь на занесеннôмъ вѣтромъ изъ захода пѣску.

Въ австрійскôмъ, вѣденскôмъ, военнôмъ, шибеничнôмъ процессѣ Д-ра Димитрія Маркова, Куриловича, Янчевецкого, Д-ра Черлюнчакевича, Д-ра Драгоміреццкого, Гавріила Мулькевича и моймъ члены украинского, парляментарного клюба пôдъ присягою ложно свѣдчили на невинныхъ галицкихъ русскихъ, обвиненныхъ на ихъ доносы, людей. Ихъ фальшивû свѣдоцтва докладно стенографûчно записано на вѣчну ганьбу выродныхъ сынôвъ Руси. По ихъ свѣдоцтвахъ военный судъ, по 3-мѣсячной розсправѣ 1915 р. засудивъ всѣхъ 7 невинныхъ на смерть черезъ повѣшенье, и моя смирна особа тоже мала честь разомъ зô вспôмненными на шибеницѣ умирати. Але австрійскій цѣсарь Францъ Іосифъ, притисненный испанскимъ королемъ, даровавъ намъ житье.

Талергофске страшне пекло — то вѣчная крѣпость русского народа. Та вѣчная крѣпость буде всегда нашимъ потомкамъ припоминати, якъ нѣмцû - германцû въ свѣтовôй вôйнѣ хотѣли завоевати русску и всѣ славянскіи земли, а весь славянскій народъ поневолити на рабôвъ. Талергофъ — то гордость и окраса русского народа, а позоръ и ганьба для Габсбургôвъ, нѣмецкоû рассы и для ихъ выхованкôвъ, янычарôвъ, живучихъ на червонорусской, галицкой землѣ.

Днесь посвященный Талергофскій памятникъ — то святое крестное знамя съ написью: симъ побѣдиши, русскій народе! Сей памятникъ буде вѣчно пригадувати нашому потомству, якъ ихъ отцû, дѣды и прадѣды терпѣли и погибали за русское имя. Сей памятникъ буде символомъ для нашихъ потомкôвъ, якъ маютъ крѣпко и все бодро постояти за національне русске имя. Сей памятникъ стався отъ нынѣ еще одною окрасою галицкой, русской земли. Сей памятникъ громовымъ голосомъ созвавъ сюды Русь, не лишь Галицкую, но и Закарпатскую изъ обоихъ сторонъ горъ Карпатъ.

И мы днесь собрались тутъ тысячами, щобы почтити мученикôвъ, погибшихъ и помолитися за нихъ. Прибувъ и я, одинъ змежи тихъ тысячъ страдальникôвъ и жертва, призначенная въ процессѣ д-ра Маркова и другихъ его товаришôвъ на австрійску, вѣденску шибеницю, якъ делегатъ отъ русскихъ селянъ знадъ рѣки Днѣстра. Разомъ изъ многими тысячами, що прійшли на тое всенародне, Талергофске свято и посвяченье Талергофского памятника, отдаю прилюдно честь погибшимъ мученикамъ и глубокій поклонъ.

А вы, душû погибшихъ мученикôвъ-праведникôвъ, въ радости взноситесь надъ нами и молитесь Всемогущому Господу, сотворителю неба и земли, о рôвне, свѣтове народне наше право, о любовь, единство, лучшу долю для русского славянского народа.

Рѣчь

Василія *Куровца,* крестьянина изъ с. Батятичъ, уѣздъ Каменка Струмилова[14]), отъ крестьянства.

Дорогіи братья и сестры! На мене, якъ представителя селянства Галицкоû Руси, выпала перша честь отдати низкій поклôнъ многимъ тысячамъ жертвъ Талергофа и зложити привѣтъ Зъѣзду.

Сумный въ исторіи Руси бувъ 1914 рôкъ! Австрія думала, що огнемъ и мечемъ вырве изъ груди народа нашого русску душу, а Нѣмечина думала, що захопитъ въ своû руки урожайный, чорноземный край отъ Карпатъ до Кавказа. Коли тоû плянъ заломався о русскіû штыки, то нѣмецка гидра стала мститися на невиннôмъ галицко-русскôмъ народѣ.

О, Русь святая, мать моя! Поможи забути ту жестоку муку, ту обиду, нанесенну нашому обездоленному народу. Сумно и страшно погадати: тысячû могилъ роскинулись, куды лише очима поведемо по нашей отчинѣ, и тысячû могилъ пôдъ соснами въ Талергофѣ.

Въ тиху нôчь чути ихъ стонъ и гôрьке рыданье, и тугу за рôдною землею. Ихъ духъ упокоится лишь тогды, коли наша Русь пригорне ихъ до себе и рôдною пѣснею уложитъ ихъ въ свои нѣдра до вѣчного спокôйного сну.

Скажемо собѣ нынѣ, братья и сестры, що нûколи мы ихъ не забудемъ и рôкъ-рôчно будемъ поминати по закону нашихъ батькôвъ, и такимъ способомъ будемъ передавати ихъ имена нашимъ грядущимъ поколѣньямъ.

Тутъ торжественно могу заявити, що, если бы навѣть всѣ отреклися ихъ идеи, т. е. святой Руси, здорова селянска душа крѣпко буде еû держатися, бо та идея освящена кровью нашихъ батькôвъ и матерей.

Нехай-же буде нашимъ великимъ богатырямъ вѣчная память и слава!

Рѣчь

свящ. Владиміра *Венгриновича*[15]), Талергофца и настоятеля прихода въ с. Лавриковѣ, Русско-равскаго уѣзда, отъ духовенства.

Русскій народъ! Два десятка лѣтъ проходитъ отъ дней страшнаго въ исторіи міра произвола надъ русскими людьми Прикарпатья. Въ память тысячныхъ жертвъ, неимовѣрныхъ истязаній и мученій народа, въ память тысячъ невинно скончавшихся мучениковъ, построенъ въ нашемъ Льва градѣ и сегодня торжественно посвященъ памятникъ.

---

[14]) Рѣчь крестьянина Куровца печатаемъ также на галицко-русскомъ нарѣчіи, какъ была произнесена.

[15]) Въ Талергофѣ свящ. В. Венгриновичъ и врачъ изъ Бучача, д-ръ В. Могильницкій, пользовались огромнѣйшимъ авторитетомъ за свое высокогуманное отношеніе къ страждущимъ и христіанскую помощь во время тифа.

И вы, дорогіе братья и сестры, сегодня такъ съѣхались сюда, чтобы довершить свой долгъ отечественный и поклониться этому памятнику, отдать наивысшую честь св. Распятію на немъ и склонить чело къ землѣ изъ-подъ крови и костей мучениковъ, укрѣпляя духъ свой въ любви и жертвенности за жизнь и благоуспѣваніе русскаго народа.

Отъ имени русскаго духовенства высказываю вамъ днесь искренній, сердечный привѣтъ. Я вижу и чувствую, какъ память о мученикахъ подъяремнаго народа неизреченною силою захватила сердца всѣхъ, и днесь съ такимъ піетизмомъ отдаются наибольшая честь и хвала. И всѣ мы, съ приподнятымъ чувствомъ умиленія, молимся горячо къ Всевышнему о вѣчномъ возмездіи въ небесахъ за ихъ земныя терпѣнія. Но чтобы благородный подъемъ нашего духа всегда высоко удержался, позвольте мнѣ, что отъ имени русскаго духовенства вспомню нынѣ, какъ въ послѣдній день передъ разъѣздомъ изъ Талергофа, оно, собранное въ тамошней часовнѣ, высказало мысль, чтобы по окончаніи войны былъ учрежденъ Богослужебный фондъ и ежегодно была принесена безкровная жертва Спасителя, съ моленіями объ усопшихъ народныхъ страдальцахъ.

Нынѣ, по случаю освященія памятника Неизвѣстному Талергофцу, прибыли мы сюда многочисленно и наканунѣ въ церквахъ были отслужены торжественныя, поминальныя Богослуженія; всегда, однако, ежегодно сходиться вмѣстѣ не будетъ намъ возможно. Также не возможно намъ служить Богослуженія въ Талергофѣ, но поминать тѣхъ, кости которыхъ почіютъ въ стирійской долинѣ, »подъ соснами«, въ Тересинской крѣпости, у подножья и на вершинахъ Карпатъ въ округахъ Перемышля, Горлицъ, Новаго Санча и въ другихъ многихъ-многихъ мѣстахъ, можетъ и должно все наше русское общество ежегодно. Эту спасительную мысль я передаю тебѣ днесь, русскій народъ, собранный изо всѣхъ сторонъ Прикарпатской страны.

Какъ израильскій народъ послѣ доблестныхъ боевъ Іуды Молота Маковея собралъ тысячи драхмъ и послалъ ихъ въ Іерусалимъ, въ жертву Богу, объ отпущеніи грѣховъ павшихъ за отечество; какъ нашъ русскій народъ, при великомъ князѣ Даніилѣ, молился вмѣстѣ съ нимъ въ Десятинной церкви и рѣшилъ тамъ-же субботу наканунѣ св. Димитрія посвятить памяти погибшихъ отъ татарскаго меча и плѣна, такъ и мы должны поступить, а именно собрать для памяти пострадавшихъ во время ужасной войны нашихъ братьевъ жертву съ цѣлью учрежденія поминальнаго фонда, осуществленіемъ котораго долженъ заняться Центр. Талергофскій Комитетъ. Наилучше было-бы купить недвижимость, предназначенную для этой святой цѣли во вѣкъ. Въ поминальную книгу нужно бы собрать имена страдальцевъ, и въ опредѣленный день св. Богослуженія будутъ собираться русскіе люди тутъ во Львовѣ у новоосвященнаго памятника и при безкровной Христовой жертвѣ занесутъ молитву

за мучениковъ русскаго народа, погибшихъ за благо своей земли. Это будетъ дѣло наибольшей христіанской любви и благодарности нашей передъ Богомъ. Это будетъ назидательное могучее звено патріотизма грядущимъ поколѣніямъ!

И отсюду, изъ центра нашей народной жизни, далеко по всей нашей странѣ долженъ сіять свѣтлый и теплый лучъ отечественной любви. Автохтонные, вѣковые жители Карпатъ, вдоль и вширь ихъ населяющіе, были похищены на муки, терзанія и гоненія. Изъ каждаго города и каждой веси шли въ тюрьмы, и многіе понесли мученическую смерть на своей родинѣ. Нынѣ многія селенія ежегодно почитаютъ память своихъ страдальцевъ; за ихъ примѣромъ пойдутъ прочія русскія селенія, отдадутъ имъ честь, построятъ имъ изъ дерева или камня памятники съ знаменемъ св. Распятія и въ избранный день въ году помянутъ внуки своихъ дѣдовъ, а хлопцы и дѣвчата сплетутъ вѣнки, украсятъ ими Распятіе и споютъ прочувствованныя пѣсни о Талергофѣ, о мученіяхъ и мучителяхъ, и глубоко призадумаются: за что терпѣли отцы и дѣды, за что въ мукахъ отдали свою жизнь?

И горячее сердце ударитъ живо и изъ молодыхъ грудей понесется слово пламенной молитвы къ небу: Боже, за святую Русь, за ея имя, за правду и волю, они мучились и умерли. Наставь насъ, Господи, веди насъ по ихъ слѣдамъ, научи жить для Руси, дай намъ много силъ и мужества за нее достойно страдать и умирать.

Рѣчь

Михаила Семеновича *Цебринскаго,* редактора »Науки«, отъ всѣхъ центральныхъ галицко-русскихъ обществъ.

Солнышко теплое,
Божіе солнышко,
Заглянешь-ли ты
Въ наше окошечко?

На горизонтѣ исторіи человѣчества издали намѣчены двѣ грани: одна это созидающее начало любви и творчества, а другая — это разрушающее начало человѣческой злобы.

Уже на первыхъ скрижаляхъ Священной Исторіи это разрушающее начало вылилось въ кошмарное, кровавое братоубійство Каиномъ Авеля.

Прошли вѣка и казалось, что человѣчество вылѣчитъ этотъ тяжкій недугъ. Раздается вдохновенная проповѣдь Спасителя, повелѣвающая любить не только брата, но и своего врага. Однако, какъ въ свое время Каинъ, такъ само позднѣйшій человѣкъ, началъ искать средствъ противъ другого человѣка, а даже противъ своего брата.

Междоусобицы и войны свергали душу человѣка на дно

Хоръ подъ управленіемъ Александра Львовича Ропицкаго.

упадка. Но все-же усиліями благороднѣйшихъ единицъ, найдены были гарантіи взаимнаго сожительства народовъ между собой. Государства приняли лицо правовыхъ, культурныхъ организмовъ. Спеціально развиты были гарантіи защиты гражданина въ Западной и Средней Европѣ.

Насталъ злосчастный 1914 годъ, заставшій Галицкую Русь въ границахъ Австро-Венгріи. И она, эта Русь, казалось, будетъ увѣрена въ своихъ достиженіяхъ. Она была увѣрена въ томъ, что дѣти тѣхъ, которые ее воскресили въ 1848 г. къ свободной жизни и были виновниками ея возрожденія, почувствуютъ себя хорошо и безпечно на лонѣ возрожденной матери.

Однако, такъ не случилось... И, какъ смерчъ-ураганъ сбиваетъ пышный цвѣтъ зацвѣтшихъ яблонь, такъ причиненная захватнической жаждой кровавая бойня народовъ вызвала неслыханную въ исторіи человѣчества расправу австро-мадьярскихъ имперіалистовъ съ беззащитнымъ и мирнымъ русскимъ населеніемъ Прикарпатья.

За время двухъ-трехъ мѣсяцевъ перемѣнился нашъ галицкій край, этотъ пышный рай со своими тучными полями, свѣжими, ароматными, кудрявыми лѣсами, своими серебристыми, тихими водами — въ густую сѣть висѣлицъ и высокихъ могилъ съ крестами, — въ одно грандіозное кладбище, — кладбище русскаго народа!

Все это совершалось на глазахъ культурной Европы, которая еще такъ недавно заступалась за ближе неизвѣстное племя албанцевъ, которая, однако, мало интересовалась невѣроятными страданіями и муками галицко-русскаго народа. Все это разыгралось тогда, когда некому было заступиться за невинную Русь. Никто ее не узнавалъ, даже владыки прикинулись, яко-бы ничего не видѣли и не слышали; яко-бы не видѣли Голгофы народа, и не слышали его стоновъ и мольбы о помощи. И, какъ Петръ отрекся Христа, такъ они отказались отъ своего народа. И въ этомъ весь трагизмъ тогдашняго положенія Галицкой Руси.

И нынѣ, послѣ 20-ти лѣтъ этой трагедіи, можемъ сказать словами поэта:

»И вотъ — на просторѣ полей —
Могилъ одинокихъ задумчивый рядъ;
Цвѣты полевые надъ ними горятъ«.

Горятъ надъ ними цвѣты, пылаетъ возобновляющимся пламенемъ наша любовь къ тѣмъ, кто въ защитѣ націи передъ напастью кулачнаго насилія, сложили свои буйныя головы. И наша печаль больше печали евреевъ на рѣкахъ Вавилонскихъ и больше печали Ярославны, оплакивавшей горькую судьбу русскихъ полковъ, вышедшихъ противъ Половцевъ въ загадочную, молчаливую степь.

Всѣмъ извѣстно общее судилище передъ военными синедріонами австро-мадьярскихъ аудиторовъ. Въ первую очередь судили народниковъ интеллигентовъ: хотѣли убить соль земли,

хотѣли выклевать мозгъ народа, хотѣли подмѣнить тысячелѣтнее русское имя новымъ, лживымъ и нелѣпымъ и вообще убить душу народа. Всѣмъ памятны картины разбирательства военнаго суда въ Вѣнѣ, на которомъ д-ръ Дмитрій Андреевичъ Марковъ, этотъ рыцарь безъ страха и сомнѣнія, заглянулъ пристально въ глаза костлявой смерти, заявляя: ни висѣлицами, ни культуртрегерскимъ насиліемъ нельзя убить русскаго духа, русской культуры.

И такъ, покрывая десятками тысячъ труповъ свой лобный путь, Галицкая Русь перешла кровавый Рубиконъ и защитила жизнь націи.

Но что мы сдѣлали для нашихъ незабвенныхъ героевъ? Вѣдь до сегодня мы не имѣемъ даже ихъ представителя оттуда, изъ-подъ сосенъ на нашей родной землѣ. Уже 20 лѣтъ подрядъ умоляютъ они насъ перевезти ихъ изъ враждебнаго края на Родину, но мы все глухи на ихъ мольбы и стоны.

Что-же мы видимъ сейчасъ передъ собой? Какъ въ старину греческія племена спѣшили на свои Олимпійскія игры, такъ со всѣхъ концовъ Руси сошелся нашъ народъ на шумную талергофскую тризну въ память нашихъ защитниковъ, стойкость которыхъ не имѣетъ себѣ примѣра. И, вотъ, опять журчитъ русскій источникъ народной жизненности, опять цвѣтутъ яблони и цвѣты, тѣ молодыя поколѣнія нашего народа на его прадѣдовской землѣ. Но что виднѣется вдали, около молчаливыхъ талергофскихъ богатырскихъ могилъ? — Это Каинъ! — Это нашъ братоубійца подкрадывается къ нимъ съ кинжаломъ въ рукѣ! Однако, жалобный вѣтеръ и плачъ талергофскихъ сосенъ трогаетъ, наконецъ, и его окаянную душу. И онъ разсѣянно шепчетъ безсвязныя слова: »я страдалъ, Талергофъ мой, то не я Каинъ, а можетъ я не во всемъ виноватъ, я являюсь съ кинжаломъ въ рукахъ чужихъ преступниковъ«.

Галицкая Русь, Русь Ярослава Осмомысла, ступая по терніямъ кроваваго талергофскаго пути, близится съ героическимъ усиліемъ къ своей завѣтной цѣли, къ торжеству своей русской правды.

Талергофское лобное мѣсто не сломило духа русскаго народа, а, напротивъ, повернуло всю его бдительность въ сторону подкопа врагомъ подъ святая святыхъ, подъ единство русской культуры. Вѣдь, доходитъ до того, что зачинщики талергофскихъ страданій народа присваиваютъ себѣ эти муки, утверждая, что это они мучились въ Талергофѣ, а русскіе, то и дѣло, возили подъ нихъ горячую смолу. Мало того; вѣдь коварный врагъ отнимаетъ намъ знамя крещенія, утверждая, что не Русь крестилась въ Днѣпрѣ, а настоящая самостійная украина.

И хотя доносятся къ намъ заунывные звуки панихидъ со всей русской земли по звѣрски замученнымъ сынамъ Руси и повторяются уже въ теченіи 20 лѣтъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, крѣпнетъ духъ народный. Изъ западни кроваваго террора вы-

ходитъ Русь на широкую дорогу національнаго житья-бытья, національнаго развитія. Среди звуковъ отчаяннаго рыданія слышимъ также все болѣе и болѣе рѣшительные звуки побѣдной пѣсни, пѣсни Молодой Руси, выросшей на костяхъ своихъ славныхъ отцовъ. Ободряюще раздается мощный, громовой кличъ этой Молодой Руси всѣхъ оставшихся въ живыхъ борцовъ, которыхъ девизомъ является:

Героемъ умретъ, кто героемъ зачатъ!
О, какъ веселится мой духъ и мой взглядъ!
Пусть въ звонѣ щитовъ и мечей
Всѣ славною кровью цвѣты обагрятъ,
Но Русь предъ врагомъ не отступитъ назадъ!

Рѣчь

Ѳеодора Васильевича *Дуфанца,* чиновника почты и члена городского Совѣта въ Пряшевѣ, отъ Закарпатской Руси.

Глубокоуважаемые Господа, славные Страдальцы! Честь имѣю привѣтствовать Васъ отъ культурно-просвѣтительнаго О-ва им. А. В. Духновича, отъ Русскаго Клуба, отъ дѣятеля Пряшевской Руси и предсѣдателя всѣхъ культурныхъ обществъ въ Пряшевѣ — д-ра Симеона Смандрая. Являюсь ихъ делегатомъ на Вашъ Съѣздъ, и лично, какъ узникъ Терезина и Талергофа, жажду съ Вами радостной встрѣчи.

Галицкая Русь — то родная сестра Руси за Карпатами, которая 1000 лѣтъ стонала подъ мадьярскимъ игомъ. Много сыновъ карпато-русскаго народа пало жертвой штыка, висѣлицы и тюрьмы недоброй мачехи Австро-Мадьяріи. Наши священники (И. Ханатъ, А. Молчанъ, М. Молчанъ, С. Рокицкій, Петрашевичъ и пр.), учителя и крестьяне томились въ тюрьмахъ Пейча, Мискольча, Кошицъ.

Но за что томились и за что страдали ваши и наши братья? Вѣдь они не были преступниками, но были мирными, хорошими гражданами. Они страдали за то, что считали себя частью одного великаго русскаго народа. Вспомнимъ всѣхъ почившихъ подъ соснами Талергофа и въ прочихъ тюрьмахъ. Да будетъ имъ вѣчная память!

Жертвами Терезина, Талергофа, Вѣнской башни куплена свобода славянскихъ народовъ, стонавшихъ въ Австро-Мадьяріи. Я долженъ подчеркнуть, что вмѣстѣ съ нашими узниками въ Вѣнѣ страдали представители чехословацкаго народа: д-ръ Крамаржъ, Клофачъ, Стржибрны и были судимы и на смерть приговорены, какъ наши дѣятели: д-ръ Д. Марковъ, д-ръ М. Собинъ, д-ръ И. Андрейко, В. Куриловичъ, свящ. Г. Гнатышакъ, мѣщанинъ Г. Мулькевичъ и селянинъ Ѳ. Дьяковъ.

Послѣ паденія Австро-Мадьяріи проснулся карпато-русскій народъ. Онъ сегодня свободенъ, и вмѣстѣ съ чехами и слова-

ками создалъ славянскую республику. Онъ свободно могъ выстроить памятники поэту Духновичу въ Пряшевѣ и Севлюшѣ, Митраку въ Мукачевѣ, Адольфу Добрянскому въ Михаловцахъ и Фенцику въ Ужгородѣ. За освобожденіе насъ и чеховъ построенъ памятникъ въ Бардіевѣ русскимъ воинамъ, погибшимъ въ бою съ нѣмцами и мадьярами въ Карпатахъ.

Памятникъ Неизвѣстному Талергофцу да будетъ символомъ любви нашей къ нашимъ страдальцамъ. Пусть знаетъ молодое поколѣніе, что въ немъ сохраненъ и прахъ и духъ нашихъ отцовъ, павшихъ отъ насилія за свое національное чувство. Культурно-просвѣтительное о-во им. Александра В. Духновича желаетъ Вашей культурной работѣ и борьбѣ за русское имя полнаго успѣха и передаетъ Вамъ привѣтъ словами нашего молодого поэта Михаила Поповича: мы всегда были и будемъ дѣти матери одной и Руси мы не забудемъ надъ карпатской стороной!..

Рѣчь

инж. Ѳеодосія Евгеньевича *Хиляка,* представителя галицко-русской молодежи.

Священную память погибшимъ въ бою
безъ слезъ мы умѣемъ хранить;
мы жаждемъ всю силу, всю душу свою
на тотъ-же алтарь положить!

Великія поминки празднуетъ нынѣ русскій народъ. Будто тяжкій, страшный, кошмарный сонъ встаетъ передъ нашими глазами 20-лѣтіе мученичества русскаго народа Прикарпатья: злопамятный, кровавый 1914 годъ.

Одна картина проходитъ за другою, одна смѣняетъ другую, одна одной страшнѣе. Вотъ тамъ — длинной, безконечной вереницей, закутые тяжелыми кандалами, избитые и окровавленные идутъ они — лучшіе сыны Галицкой Руси, цвѣтъ и гордость народа.

Вотъ тамъ — улица города Перемышля: 46 крестьянъ и одна молоденькая дѣвушка, гимназистка, гибнутъ изъ рукъ озвѣрѣвшихъ солдатъ. Вотъ тамъ — Запытовъ, Синоводско, Таданье. Цѣлое море крови, лѣсъ висѣлицъ. Вотъ тамъ на западѣ вѣнскіе военные суды.

А тамъ еще дальше — во всей своей кошмарной дѣйствительности Талергофъ, пекло мукъ и страданій, лобное мѣсто, Голгоѳа русскаго народа и густой лѣсъ крестовъ »подъ соснами«, а въ ихъ тѣни они — наши отцы и наши матери, наши братья и наши сестры, которые сложили тамъ свои головы.

Неповинно!

Но во-истину ли неповинно? Нѣтъ! Они виноваты, тяжко виноваты! Ибо своему народу служили вѣрно, добра, счастья

и лучшей доли ему желали, завѣтовъ отцовъ не ломили, великую идею единства русскаго народа исповѣдывали.

И не преступленіе ли это?

Однако, наиболѣе страшнымъ, наиболѣе волнующимъ, наиболѣе трагическимъ въ этомъ мученичествѣ русскаго народа было то, что братъ брата выдавалъ на пытки, братъ противъ брата лжесвидѣтельствовалъ, братъ брата за Іудинъ грошъ продавалъ, братъ брату Каиномъ былъ.

Можетъ ли быть трагизмъ больше и ужаснѣе этого? Пересмотрите исторію всѣхъ народовъ міра, и такого явленія не найдете! Когда-же лучшіе представители народа изнывали »по тюрьмамъ сырымъ въ любви беззавѣтной къ народу«, въ то время вторая его часть создавала »січові« отдѣленія стрѣлковъ и плечо о плечо съ палачомъ-гнобителемъ своего народа добровольно и охотно защищала цѣлость и неприкосновенность границъ ц. к. австрійской имперіи.

Гдѣ-же честь, гдѣ народная совѣсть?

Вотъ до чего довела слѣпая ненависть къ Руси, привитая на продолженіи долгихъ лѣтъ, словно отрава, народной душѣ. Предатель забылъ свою исторію, отбросилъ традицію, вырекся своего историческаго имени, потопталъ завѣты отцовъ, пошелъ служить чужимъ богамъ.

Оподлилась лукавая душа, измельчала совѣсть, пропала честь. Не одинъ сошелъ на распутья. Необходимо было встряхнуть совѣстью народа, пробудить его душу. Нуженъ былъ Талергофъ!

Талергофъ — это историческая необходимость, Талергофъ — это огненное испытаніе народа, путевой указатель для тѣхъ изъ него, кто потерялъ вѣрную, прямую дорогу.

Почему-же, однако, Талергофъ выпалъ на долю той части нашего народа, которая была свободной отъ какихъ-либо прогрѣшеній и преступленій? Потому, что жертва и покаянія должны быть чистыми. Грѣхи народа, его тяжелыя преступленія, могли смыть и очистить только кровь и страданія его наилучшихъ сыновъ.

И въ этомъ какъ разъ состоятъ большое значеніе, большая историческая миссія, большая задача Талергофа!

А какова-же задача предстоитъ намъ, молодымъ потомкамъ Талергофскихъ мучениковъ? Низко склоняя голову передъ памятью народныхъ героевъ, погибшихъ въ кровавой расправѣ, отдавая земной поклонъ живущимъ Талергофцамъ, мы должны одновременно уяснить себѣ, что нынѣ освященный памятникъ является лишь маленькой, символической миніатурой того памятника, который необходимо воздвигнуть въ нашихъ сердцахъ и въ нашихъ душахъ, во всѣхъ нашихъ дѣлахъ, начинаніяхъ, во всѣхъ нашихъ думкахъ и мысляхъ. И это будетъ памятникъ, достойный великой жертвы Талергофа.

Не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ мертвецамъ,
отдайте имъ лучшій почетъ:
шагайте безъ страха по мертвымъ тѣламъ,
несите ихъ знамя впередъ!..

И мы это знамя понесемъ.

Хоть мы одни, хоть мало насъ,
хоть всякій день и всякій часъ
теряемъ братьевъ по пути —
мы въ бой идемъ, враги!..

Пойдемъ въ бой за идеалы Талергофскихъ героевъ. Никто не можетъ отказаться отъ исполненія этого долга, и не смѣетъ отказаться. Пойдемъ въ бой съ вѣрою въ осуществленіе окончательной побѣды этихъ идеаловъ. Пойдемъ съ вѣрою, какую выявилъ одинъ изъ подсудимыхъ въ первомъ вѣнскомъ процессѣ, вождь русскаго національнаго движенія, депутатъ въ австрійскій парламентъ, д-ръ Дмитрій Андреевичъ Марковъ, передъ военнымъ трибуналомъ, когда ему смерть смотрѣла уже въ глаза: »Можете меня казнить, однако, помните, что русское національное движеніе въ палатѣ № 37 пріостановить вамъ не удастся«. Пойдемъ съ вѣрою, съ которой умиралъ на висѣлицѣ рядовой членъ русскаго національнаго дѣла, сѣрый мужикъ Иванъ Пужакъ: »Да здравствуетъ единая, недѣлимая Русь«.

Тогда великая жертва Талергофа не пропадетъ даромъ. Тогда должно осуществиться то, о чемъ мечтали-гадали въ золотыхъ своихъ мечтаніяхъ наилучшіе сыны Галицкой Руси.

Рѣчь

о. Іосифа *Яворскаго,* изъ с. Ляшкова, уѣздъ Радеховъ, депутата на сеймъ въ Варшавѣ.

Дорогая, русская семья, и честные гости! Еще въ 1911—1912 годахъ многіе представители украинскаго клуба въ австрійскомъ парламентѣ, паче всѣхъ Василько и Кость Левицкій, старались всѣми силами доказать австро-нѣмецкому правительству, что они являются вѣрноподданнѣйшими сынами и защитниками Австріи, а всѣ русскія организаціи и общества — то наибольшіе враги австрійскаго государства.

Эта лояльность украинцевъ ввиду Австріи породила кровь, муки, терпѣнія русскаго народа и Талергофъ. Всѣмъ, кто знаетъ австрійское парламентское устройство, вѣдомо, что т. н. делегаціи австрійскаго и угорскаго парламентовъ собирались то въ Вѣнѣ, то въ Будапештѣ. Въ 1912 г. предсѣдатель украинскаго клуба, д-ръ Кость Левицкій, во время засѣданія такой делегаціи внесъ на руки министра войны интерпелляцію слѣдующаго содержанія: Извѣстно ли вашей эксцелленціи, что въ Галичинѣ

есть много »руссофильскихъ« бурсъ для учащейся молодежи, воспитанники которыхъ пріобрѣтаютъ въ арміи права вольноопредѣляющихся и достигаютъ офицерской степени? Каковы виды на успѣхъ войны, ежели въ арміи среди офицеровъ такъ много враговъ — »руссофиловъ«? Извѣстно ли вашей эксцелленціи, что среди галицкаго населенія шляется много »руссофильскихъ« шпіоновъ, отъ которыхъ кишитъ, и рубли котятся въ народѣ? Что намѣряетъ сдѣлать ваша эксцелленція на случай войны, чтобы защититься передъ »руссофильскою« работою, которая въ нашемъ народѣ такъ распространяется?

Министръ отвѣтилъ, что приметъ предупредительныя мѣры, чтобы ненадежные элементы, т. е. студенты-»руссофилы« не производились въ офицеры и на случай войны обезвредитъ »руссофиловъ«.

Послѣдствія этого запроса Костя Левицкаго — то лишеніе многихъ студентовъ-славянъ офицерскихъ правъ. Административныя власти выготовили списки и на основаніи ихъ всѣ русскіе были арестованы. Армія получила инструкціи и карты съ подчеркнутыми краснымъ карандашемъ селами, которыя отдали свои голоса русскимъ кандидатамъ въ австрійскій парламентъ. И красная черточка на картѣ оставила кровавыя жертвы въ этихъ селахъ еще до Талергофа.

Вы сами помните, что когда въ село пришелъ офицеръ, то говорилъ вѣжливо, но спросивъ названіе села и увидѣвъ красную черточку на картѣ, моментально превращался въ палача. И кричалъ нѣмецъ или мадьяръ:

— Ты руссъ?

А нашъ несчастный мужикъ отвѣчалъ:

— Да, русинъ, прошу пана.

И уже готовая веревка повисла на его шеѣ. Такъ множились жертвы австро-мадьярскаго произвола. Но вскорѣ не хватило висѣлицъ, снурковъ, ибо слишкомъ много было русскаго народа. Для оставшихся въ живыхъ австрійская власть приготовила пекло, а имя ему: *Талергофъ*.

Если-бы кто нибудь не повѣрилъ въ мои слова, что Талергофъ приготовили выше упомянутые мною украинцы, пусть посмотритъ въ стенографическія записки делегацій. Исповѣдники украинской идеи перевели начатую раньше ихъ вождями работу въ массѣ нашего народа въ 1914 году.

Сегодня празднуемъ 20-лѣтнюю годовщину этого страшнаго Талергофа. Какъ посолъ на сеймъ, считаю своимъ долгомъ привести въ память работу бывшихъ украинскихъ депутатовъ въ вѣнскомъ парламентѣ. Ибо и здѣсь, гдѣ еще живутъ тысячи свидѣтелей исторіи Талергофа, враги Руси искривляютъ его исторію. А это не вѣрно! Ибо если и нашлись среди узниковъ Талергофа нѣкоторые послѣдователи украинской идеи, то была

это только ошибка плохо поинформованныхъ посѣпакъ. *Передъ Богомъ и исторіею Талергофъ былъ, есть и будетъ мѣстомъ мукъ и страданій русскаго народа.*

Глубокій поклонъ жертвамъ, почившимъ въ могилахъ Талергофа!

К А Н Т А Т А

памяти мучениковъ Талергофа.
(Слова и музыка свящ. Іосифа Яворскаго)

Вставайте, борцы, изъ могилы,
Вставайте, друзья, Вы скорѣе
И сѣйте же вновь по всѣмъ нивамъ
Зерно всеславянской идеи!

Вставайте! Оставьте долину
Страданія, мукъ Талергофа,
Зажгите вновь пламя въ народѣ
Борца, мудреца-философа *).

Не даромъ Васъ гнали германцы,
Не даромъ томили такъ страшно,
За русскую Волю и Правду —
Вѣдь Вы не страдали напрасно.

За Русь и Славянство легли Вы
Десятками тысячъ въ могилахъ
И пролили крови Вы море,
Но духа убить врагъ не въ силахъ.

Іереи, вставайте, готовьтесь
Служить за враговъ панихиду,
Крестьяне, Вы духомъ бодритесь,
Вы Русь не дадите въ обиду!

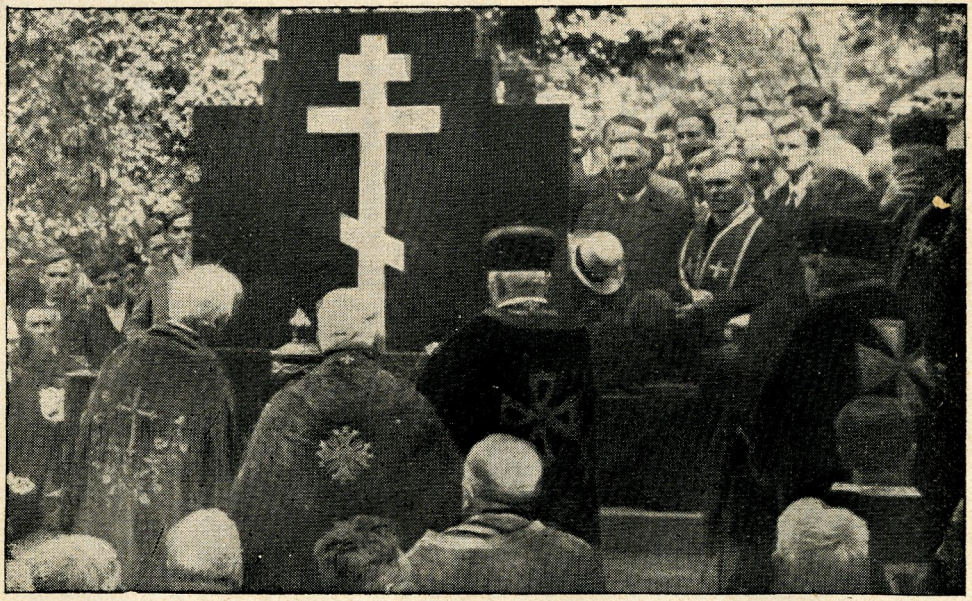
Ремесленникъ, мастеръ-рабочій,
Служители литературы,
Терпѣли Вы горькія муки
Гоненія, ада тортуры.

Но память о Васъ не погибнетъ
Изъ рода въ родъ будетъ вѣчна,
За Руси Голгофу, за муки,
Вамъ слава, Вамъ честь безконечна!

Вставайте на смѣну, младые
Преемники, смѣло вставайте
И знамя Руси поднимите,
Союзъ всѣхъ славянъ закрѣпляйте!

---

*) просвѣтителя Галицкой Руси, свящ. Іоанна Наумовича.



Освященіе памятника Неизвѣстному Талергофцу на Лычаковскомъ кладбищѣ во Львовѣ.

III.

Привѣты Съѣзду.

(Письма и телеграммы).

1.

North-American Carpatho-Russian Orthodox Greek-Catholic Diocese. New-York City. 345 East Fourth Street. Прошу принять отъ меня и возглавляемой моимъ смиреніемъ православной карпато-русской епархіи въ Америкѣ самое искреннее пожеланіе импозантнѣйшаго успѣха народнаго чествованія, и при этомъ прошу передать всѣмъ нашимъ честнымъ почитателямъ нашихъ мучениковъ Талергофа обѣтъ, что память ихъ для всѣхъ насъ была, есть и будетъ святою. Призывая Божіе благословеніе, шлю сердечнѣйшій земляческій привѣтъ — Епископъ *Адамъ.*[16])

2.

Правленіе Русской Матицы. Югославія. Новый Садъ. — Русская Матица въ Новомъ Садѣ отъ всего сердца привѣтствуетъ русское національное движеніе въ родной намъ по крови Галиціи и вообще на Карпатахъ, однимъ изъ выраженій котораго является устройство торжественнаго почтенія мучениковъ Талергофа. Желая успѣха этому торжеству, Русская Матица кланяется тѣнямъ героевъ-мучениковъ и вѣритъ, глубоко вѣритъ, что сгустившаяся надъ русскимъ народомъ всѣхъ его вѣтвей ночь пройдетъ и что онъ, попрежнему могучій и отзывчивый, съумѣетъ почтить вѣрныхъ своихъ сыновъ и воздать каждому морально по его заслугамъ. Пусть знаютъ злобные враги наши, что они рано затѣяли хоронить русскій народъ: онъ живъ, онъ безсмертенъ! Предсѣдатель Правленія: проф. *Дмитрій Скринченко.*

3.

Русскій Свободный Университетъ въ Прагѣ. — Русскій Свободный Университетъ въ Прагѣ приноситъ свою благодарность за приглашеніе на торжественное освященіе памятника жертвамъ Талергофа и проситъ принять его искреннія поздравленія по случаю открытія памятника. Вмѣстѣ съ тѣмъ Университетъ выражаетъ глубокое сожалѣніе, что не имѣетъ возможности делегировать своего представителя для участія въ торжествахъ, связанныхъ съ освященіемъ и открытіемъ памятника. Ректоръ: *М. Новиковъ,* секретарь: *А. Воеводинъ.*

4.

Союзъ Русскаго Сокольства. Прага. — Милостивые Государи! Старѣйшинство Союза Русскаго Сокольства имѣетъ честь передать Вамъ искренній, сердечный привѣтъ отъ имени Русскаго Сокольства, которое преклоняется передъ страданіями

---

[16]) Епископъ Адамъ Филипповскій, первый карпато-русскій православный епископъ въ Америкѣ, уроженецъ Галицкой Руси.

и муками русскихъ галичанъ за единство Руси. Будущая исторія отмѣтитъ ту стойкость, сознательность и вѣрность русскому народу, которыми отличались страдавшіе въ Талергофѣ. Продолжая идеологическій путь вѣрныхъ Талергофцевъ и неся ихъ завѣты, русскіе люди въ Галичинѣ исполняютъ сыновній долгъ передъ русскимъ народомъ и его великимъ будущимъ. Зам. Старосты: *А. Г. Винничукъ*. Секретарь: *А. Хитьковъ*.

5.

Русское Культурно-просвѣтительное О-во им. А. Духновича въ Ужгородѣ. — Дорогіе Русскіе Сестры и Братья! Въ день Вашего и нашего русскаго торжества, связаннаго съ освященіемъ памятника жертвамъ Талергофа, привѣтствуемъ Васъ и выражаемъ Вамъ искреннее сочувствіе. Тяжкое время Вы вспоминаете въ день торжества, но радостно воспоминаніе, ибо оно говоритъ о необыкновенной національной стойкости русскаго народа Галицкой Руси. Страданія и смерть не могли убить въ душѣ русскаго человѣка его національное самосознаніе. Высота нравственности русскихъ людей не позволила имъ отречься и передъ смертью отъ своего русскаго имени. Слава претерпѣвшимъ! Вѣчная память почившимъ! Правленіе: *Евменій Сабовъ,* предсѣдатель. *Д-ръ Степанъ Фенцикъ,* секретарь-дѣлопроизводитель.

6.

Національный Союзъ Новаго Поколѣнія. Бѣлградъ. — Въ двадцатую годовщину великой жертвы русскаго народа, но одновременно и великаго торжества русской идеи, Исполнительное Бюро Національнаго Союза Новаго Поколѣнія сердечно привѣтствуетъ отъ имени Союза участниковъ Талергофскаго Съѣзда, вѣрныхъ и стойкихъ борцовъ за нашъ несчастный русскій народъ. Шлемъ Вамъ, нашимъ братьямъ, горячее пожеланіе успѣха въ Вашемъ святомъ дѣлѣ. Предсѣдатель: *В. Гайдамаковъ*. Секретарь: *М. Георгіевскій*.

7.

Philadelphia. United States of America. — Вѣчная память мученикамъ! Голгофа ихъ да будетъ залогомъ воскресенія древней Галича славы! *Талергофскій Комитетъ*.

8.

Мукачево. Закарпатская Русь. — Привѣтствуемъ! Вмѣстѣ съ Вами ждемъ русскаго воскресенія. *Русскій Соколъ*.

9.

Praha. Cechoslovakia. — Всѣмъ участникамъ Талергофскаго торжества шлетъ искренній русскій привѣтъ О-во Карпаторусскихъ Студентовъ: *Возрожденіе*.

10.

Praha. Cechoslovakia. — Братья и Сестры! Группа пражскихъ Талергофцевъ шлетъ вамъ свой искренній привѣтъ, и

вмѣстѣ съ Вами вспоминаетъ былое, полное страданій лучшихъ сыновъ и дочерей Галицкой и Буковинской Руси. Въ грозный годъ, когда враги Славянства и св. Руси рѣшили, что насталъ часъ уничтоженія всѣхъ, кто рабски не склонилъ головы подъ тяжелымъ тевтонскимъ ярмомъ, кто не отказался отъ своей родины, отъ своего народа и своей русской вѣры, русскій народъ Галичины и Буковины принялъ на чело свое терновый вѣнецъ страданій и доказалъ своимъ врагамъ и всему міру, какъ просто и безхитростно онъ отдалъ жизнь, какъ высокъ его жертвенный подвигъ. Потянулись по дорогамъ изъ селъ и городовъ вереницы лучшихъ сыновъ св. Руси, закованныхъ въ кандалы, подъ охраной австрійскихъ жандармовъ. Замолкли пѣсни. Не слышно стало веселаго перезвона колоколовъ, ибо его замѣнилъ звонъ цѣпей и кандаловъ. Стоны и плачъ были пѣснями страждущаго народа Галицкой и Буковинской Руси. Онъ пошелъ въ далекую, чужую страну, въ Талергофъ, на муки и смерть, когда его братъ проливалъ кровь за его освобожденіе изъ-подъ нѣмецко-мадьярскаго ярма. Тысячи и тысячи вѣрныхъ сыновъ и дочерей Галицкой и Буковинской Руси заплатили за свою любовь къ ней и вѣрѣ муками и кровью, орошая ею горы и долы. Умирало, билось въ невыносимыхъ мученіяхъ чужихъ и своихъ единокровныхъ предателей — палачей немощное тѣло, угасали жизни, но духъ, живой и могучій, возставалъ изъ крови и взывалъ къ оставшимся: запомните,, за что мы умирали! И нынѣ всѣ вы собравшіеся помните, что пролитая кровь — это принесенная жертва на алтарь родины; это великій символъ, соединяющій и укрѣпляющій наши усилія и работу ради идеи и русскаго дѣла. Братья и Сестры! Борьба еще не окончена. Борьба продолжается. Враги русскаго народа Галичины и Буковины умертвили тысячи лучшихъ нашихъ людей, тысячи покалѣчили и истерзали, но нашъ духъ не умерщвленъ ими! Пусть эти черные вороны каркаютъ намъ смерть, мы не боимся послѣ Талергофа ничего. Дѣло, окровавленное кровью и освященное смертью нашихъ мученниковъ никогда не погибнетъ на нашей землѣ! Крестьянинъ и интеллигентъ, богатый и бѣдный, всѣ мы должны работать для святого русскаго дѣла, не оглядываясь одинъ на другого. Въ работѣ залогъ успѣха общаго дѣла! И придетъ время, когда народъ Галичины и Буковины поклонится могиламъ своихъ учителей и скажетъ: спите спокойно, родные! Ваши муки и смерть не были напрасны! Господь Васъ благословилъ на подвигъ и Русь помиловалъ. Ѳеодосій Васильевичъ *Марущакъ*, Юліанъ *Дуркотъ*.

11.

Praha Cechoslovakia. Vzpomínám s Vámi společnych bojů a utrpění, jimiž prostuli naše národy za světové valky. Upřimně vas zdravi *Klofač*[17]).

[17]) Вацлавъ Клофачъ, вождь чехословацкихъ народныхъ соціалистовъ и предсѣдатель чешскаго сената.

12.

Мукачево. Закарпатская Русь. — Скорбимъ, что по независимымъ отъ насъ причинамъ не можемъ участвовать въ общемъ торжествѣ. Шлемъ земной поклонъ живущимъ страдальцамъ Талергофа, съ благоговѣніемъ вспоминаемъ почившихъ. Д-ръ *Андрейко*[18]*)*, *Антоневичъ*, Д-ръ *Вальницкій*, Д-ръ *Гассай*, *Галякъ*, о. *Илечко*, *Ядловскій*, *Лесевъ*, Д-ръ *Федорко*, *Черній*, Д-ръ *Шкирпанъ*.

13.

Ужгородъ, Закарпатская Русь. — Помянувъ торжественнымъ молебствіемъ память погибшихъ Талергофцевъ, Талергофцы изъ Закарпатской Руси шлютъ задушевный привѣтъ собравшимся страдальцамъ. *Цуркановичъ*[19]*)*.

14.

Praha, Cechoslovakia — Не имѣя возможности явиться лично, шлю искренній привѣтъ собравшимся землякамъ. Вѣчная память народнымъ мученикамъ! Да взойдетъ на ихъ священной жертвѣ сторицей воскресная новь! *Ю. Яворскій*[20]*)*.

15.

Садыгора. Буковина. — Блаженный упокой и вѣчная память жертвамъ Талергофа и мученикамъ Галицкой, Буковинской и Прикарпатской Руси, а честь и слава поминающимъ ихъ! Протоіерей Діонисій Кл. *Кисель - Киселевскій*.

16.

Брюссель, Бельгія. — Сегодня, въ день памяти несчастныхъ погибшихъ за русское дѣло, больше, чѣмъ когда - либо, желаю отъ всей души Вамъ мужества, мужества и мужества, а мало будетъ мужества: дерзости. Да здравствуетъ великая Русь, единая, недѣлимая и вся до корней обновленная! *Ив. Наживинъ*[21]*)*.

17.

Мукачево. Закарпатская Русь. — Глубоко сожалѣю, что не могу лично участвовать въ Съѣздѣ. Отказали мнѣ въ визѣ также, какъ и другимъ живущимъ здѣсь Талергофцамъ, желавшимъ принять участіе въ Съѣздѣ. Шлю горячій привѣтъ Вашему великому Съѣзду и всѣмъ дорогимъ участникамъ его. Горькія

---

[18]) Д-ръ Иванъ Андрейко, уроженецъ галицкой Лемковщины, одинъ изъ приговоренныхъ къ смертной казни въ Вѣнѣ.

[19]) Иларіонъ Цуркановичъ, уроженецъ Буковинской Руси, членъ чехословацкаго сената, также приговоренный къ смерти въ Вѣнѣ.

[20]) Юліанъ Андреевичъ Яворскій, ученый изслѣдователь карпато-русской старины, уроженецъ Галицкой Руси, въ настоящее время живетъ въ Прагѣ.

[21]) Иванъ Ѳедоровичъ Наживинъ, извѣстный современный русскій писатель, большой другъ русскаго Прикарпатья, какъ эмигрантъ, живетъ въ Бельгіи. Въ своихъ романахъ посвящаетъ много вниманія галицко-русской старинѣ (»Глаголятъ стяги«, »Бѣсъ, творящій мечту« и пр.).

страданія Талергофскія и горячая преданность русскому дѣлу, съ которой наши дѣльные Талергофцы стойко несли тяжелые удары судьбы, твердо вѣря въ побѣду нашихъ идей, даютъ намъ право съ гордостью вспоминать наше прошлое и крѣпить вѣру въ побѣду нашего великаго русскаго дѣла. Крѣпитесь, Дорогіе, крѣпитесь! Вѣрный Талергофецъ Д-ръ *Емиліанъ Вальницкій.*

18.

Мукачево. Закарпатская Русь. — Шлю искренній привѣтъ товарищамъ по заключенію, желаю Вамъ успѣха: Горѣ имѣемъ сердца! *П. П. Гаталякъ.*

19.

Русское Благотворительное Общество. Отдѣлъ въ Холмѣ[22]). — Холмскій Отдѣлъ Русскаго Благотворительнаго О-ва шлетъ братскій привѣтъ русскимъ людямъ, собравшимся почтить память Талергофскихъ мучениковъ. Да будетъ между Вами взаимное пониманіе и миръ во благо всего Славянства. Члены Отдѣла Р. Б. О.: *Л. Булчакова,* Д-ръ *Я. Геренратъ, Л. Шевчуковъ.*

20.

Warszawa. — Ofiarom donosów rozmaitych i tym, którzy z bratnim narodem, chcą żyć w tradycyjnej zgodzie serdeczne pozdrowienie i cześć. *Ks. Szydelski,* poseł.

21.

Warszawa. Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. — Przesyłam serdeczne wyrazy czci dla bohaterów i męczenników talerhofskich — synów bratniego narodu ruskiego. *X. Oraczewski,* poseł na Sejm.

22.

Русское Благотворительное О-во. Отдѣлъ въ г. Сосновицы. — Сосновицкій Отдѣлъ Русскаго Благотворительнаго Общества въ Польшѣ, въ день 20-тилѣтней годовщины Талергофской трагедіи, преклоняясь предъ стойкостью мучениковъ національной идеи, проситъ принять наши искреннія пожеланія укрѣпленія торжества русскаго единства. Предсѣдатель: *Лидія Бирманъ.*

23.

Русское Благотворительное Общество. Отдѣлъ въ Острогѣ. — Правленіе Русскаго Благотворительнаго Общества привѣтствуетъ Талергофцевъ въ день освященія памятника и выражаетъ увѣренность, что жертвы, принесенныя Талергофцами, не пройдутъ безслѣдно для русскаго народа, что патріотизмъ, идейность и сплоченность Талергофцевъ будутъ постоянно служить благимъ примѣромъ для всѣхъ русскихъ, стремящихся къ процвѣтанію своей націи. Предсѣдатель: *Д-ръ С. Храневичъ.* Секретарь: *П. Златковскій.*

---

[22]) Къ письму приложенъ снимокъ: общій видъ Холма.

24.

Литературно-Артистическая Секція. Вильно. — Литер.-Арт Секція Виленскаго Русскаго О-ва въ эти дни русской скорби и одновременно національнаго праздника русскаго единенія присоединяется ко всѣмъ русскимъ людямъ, въ этотъ день собравшимся у Талергофскаго креста, и раздѣляетъ чувства, оживляющія ихъ. Страданія мучениковъ Талергофа навсегда запечатлѣны въ памяти всѣхъ русскихъ людей, вѣрящихъ въ конечное торжество справедливости и правды и вѣрящихъ въ великое будущее великаго русскаго народа. Предсѣдатель: *Д. Боханъ.* Секретарь: *С. Паволоцкій.*

25.

»*Русское Слово*«. *Варшава — Вильно.* — Въ день русской печали, въ день поминовенія павшихъ за русскую идею Талергофскихъ мучениковъ, редакція и сотрудники нашихъ газетъ »Русское Слово« и »Наше Время« духовно находятся въ полномъ единеніи съ Вами, собравшимися сегодня помолиться у подножія Талергофскаго памятника. Свѣтла память о Неизвѣстномъ Талергофцѣ и подвигъ его незабвененъ въ исторіи русскаго народа. Въ вѣрѣ въ это — мы единодушны съ Вами, какъ равно и въ вѣрѣ въ оправданіе принесенныхъ жертвъ въ будущемъ нашего народа, свѣтломъ и радостномъ. Редакторъ: *Ф. Котляревскій.* Секретари: *В. Соловьевичъ, С. Нальянчъ.*

26.

Русское Благотворительное О-во въ Здолбуновѣ привѣтствуетъ Съѣздъ Талергофцевъ и возноситъ молитву за мучениковъ, павшихъ за русскую идею. *Правленіе.*

27.

Гродно. — Преклоняясь предъ подвигомъ Талергофцевъ, шлетъ привѣтъ участникамъ Съѣзда *Русское Благотворительное Общество.*

28.

Русское Народное Объединеніе. Владиміръ-Волынскъ. — Дорогіе Братья Галичане! Древній градъ Владиміръ-Волынскъ, столица бывшаго и близкаго Вамъ Волынскаго княжества, судьба котораго не разъ соединялась съ Галичиной подъ управленіемъ великихъ русскихъ князей, Романа Мстиславовича и Даніила Галицкаго, шлетъ земной поклонъ Высокому Собранію доблестныхъ сыновъ Галицкой Руси, собравшихся въ нынѣшній день почтить память многочисленныхъ героевъ, павшихъ за самое дорогое нашему сердцу — русское имя — отъ нѣмецкаго террора и по навѣту измѣнниковъ русскаго народа. Мы твердо вѣримъ, что память Талергофа, этой Голгофы русскаго народа въ Галичинѣ, станетъ символомъ объединенія и возрожденія всѣхъ русскихъ братьевъ Галичины, Волыни, Полѣсья и Бѣлой Руси въ одну сильную русскую семью, спаянную вѣч-

нымъ цементомъ жертвенной крови Талергофскихъ исповѣдниковъ русскаго имени. Какъ въ жизни христіанства Голгофа была переходнымъ этапомъ для воскресенія новой жизни въ Христѣ, такъ и распятая въ Талергофѣ Святая Русь является залогомъ воскресенія русскаго народа для его славнаго будущаго. Въ увѣренности, что никакія испытанія не сломятъ русской идеи на нашихъ прадѣдовскихъ земляхъ, шлемъ Тебѣ, дорогая Галицкая Русь, свои горячія пожеланія успѣшной и плодотворной работы во имя свѣтлаго будущаго всего русскаго народа. Слава здравствующимъ Талергофцамъ! Вѣчная память великимъ витязямъ-богатырямъ, положившимъ свою жизнь въ Талергофѣ за святую Русь! Отъ имени древняго русскаго города Владиміръ-Волынска: *Евгеній Комаревичъ,* уполномоченный владиміръ-волынскаго уѣзда.

29.

Союзъ Русскихъ Студентовъ Университета Стефана Баторія въ Вильнѣ, не имѣя возможности прислать своего представителя на Талергофское торжество, письменно свидѣтельствуетъ свое духовное участіе въ немъ вмѣстѣ съ Вами, стоящими сегодня у подножья Талергофскаго креста, и преклоняется передъ героическимъ подвигомъ родныхъ борцовъ, честно павшихъ за общее національное дѣло, за святую Русь. Наша организація раздѣляетъ Вашу вѣру въ то, что Талергофская жертва — звено въ цѣпи многихъ другихъ тяжкихъ испытаній на историческихъ путяхъ русскаго народа — является доказательствомъ его жизненности, является одной изъ ступеней, ведущихъ къ торжеству одухотворяющей его идеи и къ ея свѣтлому воскресенію. Жертвы русскаго народа — это залогъ этого воскресенія. Вѣримъ въ это, какъ вѣрили павшіе въ борьбѣ за Русь наши братья. За Правленіе, Предсѣдатель: *Д. Афанасьевъ.* Секретарь: *М. Самойловичъ.*

30.

Вильно. — Мы, нижеподписавшіеся *), члены академическаго конвента „Ruthenia Vilnensis" при Университетѣ Стефана Баторія, выражая единодушную волю конвента, отъ лица всѣхъ членовъ нашей организаціи шлемъ нашъ привѣтъ галицко-русскому Съѣзду Талергофцевъ и присоединяемся къ чествованію памяти мучениковъ Талергофа. Безчисленныя жертвы галицко-русскаго народа, принесенныя имъ на алтарь идеи общерусскаго единства, являются для насъ образцомъ благороднаго служенія родинѣ и народу, а торжество открытія памятника у могилы Неизвѣстнаго Талергофца днемъ нашего національнаго траура. Андрей *Копыловъ,* Сергѣй *Арсеньевъ,* Василій *Слоницкій,* Кириллъ *Сурковъ,* Георгій *Петровъ,* Сергѣй *Богушевскій,* Дмитрій *Герасимовичъ,* Адріанъ *Копыловъ,* Миронъ *Миляничъ,* Алексѣй *Махначъ,* Николай *Лось,* Леонидъ *Шарафановичъ,* И. *Нишпорукъ.*

[23]) У каждой подписи добавленіе: ruthen; у трехъ звѣздочки, смыслъ и значеніе которыхъ трудно разгадать.

31.

Русское Благотворительное О-во. Отдѣлъ въ Барановичахъ. — Къ моему великому сожалѣнію, не могу пріѣхать на торжество освященія памятника. Для насъ всѣхъ слово Талергофъ стало священнымъ за кровь, пролитую Вашими близкими. Мы, всѣ русскіе въ Новогрудчинѣ, низко склоняемъ наши головы передъ памятникомъ Талергофскимъ и жертвами во имя вѣрности общерусскимъ національнымъ завѣтамъ. Хоть мы и далеко, но наши сердца съ Вами, и мы то знаемъ, что наши братья галичане и мы — одна русская семья. Будемъ стараться быть достойными тѣхъ, кто для русскаго дѣла отдалъ самое дорогое — жизнь. Вѣримъ, что Вы, галичане, будете показывать намъ примѣръ національнаго единенія, и вѣримъ, что близокъ часъ общаго славянскаго единенія, которое такъ нужно для мира и спокойствія Европы. Членъ Верховнаго Совѣта РНО *Георгій Моллеръ.*

32.

Варшава. — Благоговѣйно преклоняюсь передъ величіемъ великаго подвига во славу Руси. Я прошу передать всѣмъ собравшимся русскимъ братьямъ мой глубочайшій поклонъ и пожеланія силъ для дальнѣйшей борьбы за идею Руси, за русскій единый народъ. Я вѣрю, что лихолѣтіе украинское клонится къ закату и впереди передъ нами свѣтлое солнце единой Руси. Да живетъ русская земля и ея могучій хозяинъ — русскій народъ! Борцамъ за родину слава! *Семенъ Витязевскій.*

33.

Станиславовъ. — Шлемъ нашъ глубокій поклонъ Талергофскимъ борцамъ за славу Руси. Да живетъ и ширится русская культура, за которую погибали наши мученики! *Совѣтъ Русскаго Народнаго Дома.*

34.

Станиславовъ. — Въ печальную 20-тилѣтнюю годовщину начала Талергофскаго плѣненія присоединяемъ нашу скорбь по погибшимъ героямъ. Сердца наши преисполнены вѣрой, что великій подвигъ Талергофскихъ мучениковъ, пострадавшихъ за Русь святую и русскую культуру, будетъ тѣмъ крѣпкимъ цементомъ, который соединитъ нашъ народъ во-едино и возродитъ его къ новой, свѣтлой жизни. За Правленіе Филіи О-ва им. М. Качковскаго свящ. Д-ръ *Медвецкій Яковъ,* предсѣдатель, *Всеволодъ Трушъ,* секретарь.

35.

Станиславовъ. Литературно-драматическое О-во »Муза«. — Спѣшимъ засвидѣтельствовать наше преклоненіе великому подвигу русскихъ борцовъ-Талергофцевъ, пострадавшихъ за свой неусыпный и жертвенный трудъ надъ просвѣщеніемъ широкихъ массъ русскаго народа въ Галичинѣ и надъ укрѣпленіемъ въ

Талергофъ возлѣ Граца.
Талергофское поле, покрытое тысячами русскихъ галичанъ. Вокругъ проволочныхъ огражденій часовые.

Талергофскій адъ. Нѣмцы впрягали людей вмѣсто лошадей и дѣлали ими всѣ тяжелыя работы.

немъ родной русской культуры. Ихъ примѣръ пусть служитъ намъ тѣмъ путеводнымъ огнемъ, который долженъ привести къ полному торжеству русской культуры. Предсѣдатель: Д-ръ *Яковъ Ив. Поворозникъ*[24]). За секретаря: *Р. Корвацкій.*

36.

Станиславовъ. Гимн. О-во »Русскій Соколъ«. — Правленіе О-ва »Русскій Соколъ« честь имѣетъ привѣтствовать организованные, дисциплинированные ряды русскаго народа, поспѣшившіе во Львовъ для манифестаціи своей силы, для поклоненія геройству и стойкости Талергофскихъ узниковъ, для мощнаго духовнаго сдвига во имя Родины — Руси. За воодушевленіемъ Талергофскимъ подвигомъ въ нашихъ мысляхъ да укрѣпится сила, въ нашихъ сердцахъ да возрастетъ отвага, въ нашихъ душахъ да просіяетъ нетлѣнный образъ Родины, и тогда восторжествуетъ надъ темными силами разрушенія и розни свѣтлыя созыдающія идеи всеславянскаго братства и любви и возродится Русь — мощная защитница славянъ. *Правленіе.*

37.

Станиславовъ. Кооперативъ »Самопомощь«. — Привѣтствуемъ 2-ой всекраевой Талергофскій Съѣздъ. Земной поклонъ русскимъ подвижникамъ — жертвамъ Талергофа! Въ борьбѣ за культурное и экономическое возрожденіе русскаго народа пострадали они. Ихъ кличи, ихъ идеи и достойный примѣръ остались намъ въ наслѣдство. Нашъ долгъ проводить ихъ дальше въ жизнь, укрѣплять, розвивать наше русское національное достояніе. Честь и слава имъ во вѣки вѣчные! *Иванъ Рыбакъ.*

38.

Дараховъ. — Страдальцамъ за Русь поклонъ, собравшимся привѣтъ. *Барановскіе.*

39.

Варшава. — Высокій трираменный крестъ и терновый вѣнокъ страданій, вмѣсто лавровъ славы, стали нынѣ знаменемъ великой Руси. Пусть-же Талергофъ, эта Голгофа мученій и тяжелыхъ страданій героевъ за идею единства Руси, станетъ твердыней и угольнымъ камнемъ, на которомъ молодое поколѣніе укрѣпитъ вѣру въ великую и могучую Русь. Жертвенная смерть мучениковъ Талергофа — это безсмертіе идеи единства Руси. Д-ръ *Иларіонъ* и д-ръ *Юліанъ Владиміровичи Валявскіе.*

40.

Стебникъ. — Земной поклонъ жертвамъ Талергофа! Привѣтъ участникамъ Съѣзда! Дружно за работу! Въ жертвенной борьбѣ наша жизнь и лучшее будущее! *Юлія, Михаилъ Михайловичъ, Михаилъ Якимовичъ, Василій Михайловичъ Ивасевки.*

---

[24]) Скончался 21-го іюля 1934 г.

41.

Каспаровцы возлѣ Залѣщикъ. — Идите всѣ поля, лѣса, горы, рѣки, овраги; идите всѣ церкви-святыни; идите всѣ хижины, села, города; идите всѣ мужи и жены; идите всѣ отцы и дѣти всей Руси Галицкой! Вы были свидѣтелями мукъ, каторгъ, истязаній невинныхъ жертвъ за святое единеніе. Идите дружно на праздникъ поминанія великихъ мучениковъ за великую Русь Святую! Спойте гимнъ, спойте громко, чтобъ услышала и воскресла къ святому единенію вся Русь, чтобъ услышало его каждое сердце, прибитое ядомъ сепаратизма. Присоединяюсь настоящимъ путемъ къ общему торжеству, молитвамъ и чествованію памяти мучениковъ. Свящ. *Михаилъ Микула,* мученикъ 1914 года.

42.

Львовъ. О-во Русскихъ Дамъ. — Талергофъ — огненное испытаніе завѣтной любви галицко-русскаго народа къ своей русской родинѣ. Многія поколѣнія нашего народа воспитывались въ этой любви къ ней, страдали, претерпѣвали гоненія и мученія и умирали за нее. Но только съ Талергофомъ навсегда связанъ безпримѣрный въ нашей исторіи и по своей безчеловѣчности исключительный фактъ: у русскихъ людей ихъ мучители потребовали отреченія отъ своего священнаго русскаго имени, какъ у первыхъ христіанъ римскіе палачи требовали отреченія отъ христіанскаго имени. Но и въ тюрьмѣ, и подъ висѣлицей, и передъ разстрѣломъ русскіе люди предпочли лютыя мученія и смерть такому отреченію. И мучители и убійцы сами потерпѣли постыдное пораженіе. Потому Талергофъ былъ для насъ страшнѣйшимъ ударомъ, а сталъ нашей величайшей побѣдой. Въ очистительномъ огнѣ Талергофскаго ада засіяла несгораемымъ алмазомъ несокрушимая русская народная душа. Вотъ, почему, мы проклинаемъ Талергофъ и молитвенно преклоняемся передъ его жертвами-героями. Наша мать-родина, наша Русь, гордится ими, какъ древняя Эллада гордилась павшими воинами въ Фермопилахъ, какъ гордилась библейская мать тремя юношами въ пещи огненной, какъ гордились первыя христіанки своими люто замученными сыновьями и дочерями. Въ прошломъ нашего народа не было напасти жесточе Талергофа, но и въ будущемъ никогда не померкнетъ ореолъ его мучениковъ. На вѣки проклятъ Талергофъ, на вѣки слава Талергофцамъ! *Антонина Сосенко,* предсѣдательница. *А. Чемерисъ,* секретарша.

43.

Львовъ. О-во им. Михаила Качковскаго. Празднуя массово и всенародно 20-тилѣтіе безвременно отошедшихъ отъ насъ народныхъ мучениковъ-богатырей, а также злосчастную память объ австро-мадьярскомъ кровавомъ террорѣ надъ беззащитнымъ русскимъ населеніемъ Прикарпатья, радуемся воспитатель-

но-освѣдомительной роли Талергофскаго движенія въ массахъ народа. Талергофцы, это плодъ пламенной проповѣди великаго основателя народной академіи, о-ва им. Михаила Качковскаго, незабвеннаго печальника Галицкой Руси, Ивана Наумовича. Они, эти безстрашные герои-страдальцы за Русь, оказались прилежнѣйшими учениками нашего славнаго о-ва и прошли курсъ грамоты по его неоцѣненнымъ народнымъ изданіямъ. Нынѣ, въ великую тризну по лучшимъ сынамъ и дочерямъ нашей земли, мы укажемъ на то, что обильно пропитанная невинной кровью русская народная нива произрастаетъ новыхъ идейныхъ борцовъ, нашу смѣну, нашу сознательную Русь. И такъ дѣло борцовъ отозвалось на поколѣніяхъ живыхъ. Павшимъ въ неравной борьбѣ отъ австро-мадьярскаго кроваваго террора да будетъ вѣчная память и вѣчная слава! За Главную Управу Предсѣдатель: *Я. Вербицкій*. Секретарь: *М. Цебринскій*.

44.

Львовъ. Издательство »Слово«. Слава русскому народу! Народнымъ героямъ и мученикамъ вѣчная честь и слава! Талергофъ — это одинъ изъ этаповъ нашей народной жизни. Десятки тысячъ народныхъ борцовъ, свою жизнь отдавшихъ въ неравной борьбѣ, — это не только примѣръ славной, геройской смерти, но и указаніе дальнѣйшаго пути. Будемъ-же сильны, крѣпки и достойны пролитой крови! *П. А. Монастырскій, Гичко*.

45.

Львовъ. »Галицко-русская Матица«. Не въ силѣ, а въ правдѣ великъ Богъ! Также и Русь. Воля сильна, но сильнѣе сила ума. Правдою и умомъ Русь побѣдитъ своихъ враговъ. Предсѣдатель: свящ. д-ръ *Титъ Мышковскій*. Секретарь: *Михаилъ Онышкевичъ*.

46.

О-во »Русскій Пріютъ« во Львовѣ шлетъ искренній привѣтъ всѣмъ участникамъ 2-го всекраевого Талергофскаго Съѣзда въ 20-лѣтнюю годовщину кровавой трагедіи этой части русскаго народа, которая страдала подъ австрійскимъ игомъ. Кровь пролитая по пути въ Талергофъ, является символомъ торжества идеи единства русскаго народа. Австрійскій палачъ 20 лѣтъ тому назадъ воочію убѣдился, что Галицкая Русь предпочитаетъ перенести муки и смерть, чѣмъ отказаться отъ русскаго имени и отъ единства съ остальнымъ русскимъ народомъ, а сегодняшній многочисленный Талергофскій Съѣздъ вновь потверждаетъ, что идея русскаго единства жива и что нѣтъ такой силы, которая могла-бы заставить галичанъ отказаться отъ русскаго имени. Предсѣдатель: д-ръ *С. С. Кметикъ*.

47.

Львовъ. Ставропигійскій Институтъ шлетъ свѣтлому собранію Талергофцевъ во Львовѣ братскій привѣтъ и зоветъ: добро

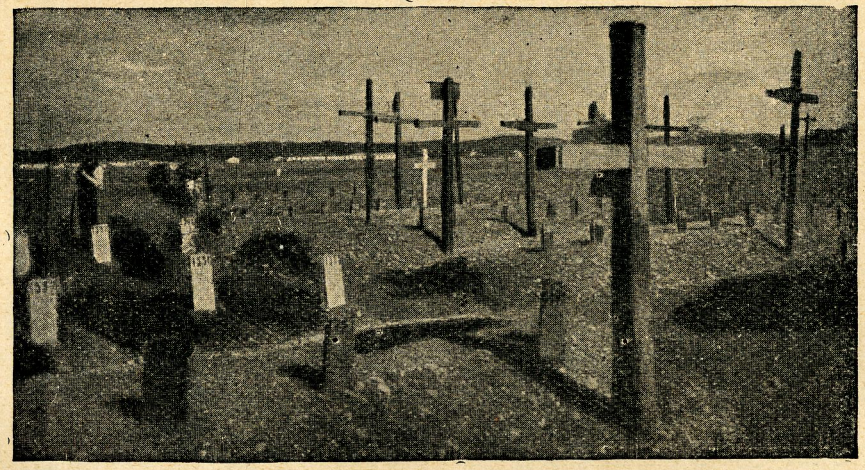
пожаловать! Веселый лучъ золотой денницы озаряетъ всѣ русскія сердца при словѣ: Талергофцы! Въ безумныхъ и лютыхъ томленіяхъ они отстояли святую Русь, безсмертной печалью, вдали отъ родимой земли, положили несокрушимый фундаментъ вѣры въ полную побѣду русскаго народа. За Правящій Совѣтъ *А. Н. Сивулякъ,* товарищъ сеніора.

48.

Львовъ. О-во »Русская Школа« во Львовѣ привѣтствуетъ сегодняшній Талергофскій Съѣздъ во Львовѣ, какъ пропамятное празднованіе побѣды русской національной идеи надъ истребительнымъ походомъ на Русь германизма. Талергофъ былъ огненнымъ испытаніемъ жизненности, непобѣдимости и несокрушимости этой идеи, тѣмъ болѣе грознымъ, что обрушилось оно на русское національное движеніе у Карпатъ, когда оно еле-еле оправлялось отъ сепаратистско-украинскаго засилья передъ войной. Все-же одного изъ старшихъ поколѣній, бывшихъ живыми свидѣтелями насильственнаго насажденія у насъ украинизма и другого, молодого, воспитаннаго въ новомъ русскомъ національномъ духѣ, оказалось уже достаточно, чтобы быть въ состояніи выдержать Талергофъ. Эту духовно-нравственную и культурно-національную мощь дало нашему народу русское воспитаніе даже не въ своей русской школѣ, ибо ея у насъ не было, а только въ частныхъ бурсахъ и пансіонахъ, въ читальняхъ и организаціяхъ, въ церкви и семьѣ, въ печатныхъ изданіяхъ и на народныхъ вѣчахъ. Такъ и въ такомъ духѣ воспитанные, страдали за Русь въ Талергофѣ такъ-же сознательно и саможертвенно, какъ интеллигенція, такъ и крестьянство и мѣщанство, какъ родители, такъ и дѣти, какъ духовенство, такъ и міряне, какъ высокообразованные, такъ и еле грамотные и неграмотные, — всѣ единодушно, проникновенно и крѣпко исповѣдывавшіе тотъ единый священный символъ русской національной вѣры. Вотъ, почему Талергофъ, назначенный быть гробомъ для карпаторусскаго народа, сталъ вскорѣ его воскресеніемъ и возстаніемъ къ новой жизни, а нынѣ историческимъ памятникомъ-путеуказателемъ въ патріотическомъ воспитаніи его новыхъ поколѣній. Вѣчная слава геройски тамъ погибшимъ! Великимъ ихъ подвигомъ мужаясь, вѣрнымъ ихъ слѣдомъ ступайте все новыя смѣны сыновъ русскаго Прикарпатья! Правленіе О-ва »Русская Школа« во Львовѣ, 30 мая 1934 года. Предсѣдатель: свящ. проф. д-ръ *Т. Мышковскій.* Секретарь: *С. Бендасюкъ.*

49.

Львовъ. Редакція »Русскій Голосъ«. Чтя святую память погибшихъ за Русь мучениковъ Талергофа и преклоняясь передъ подвигомъ русскаго народа, приносящаго этой памяти земной поклонъ отъ родной земли и изъ далекаго русскаго разсѣянія, ред. »Русскаго Голоса« радостно привѣтствуетъ во



Талергофское кладбище у сосноваго лѣса, гдѣ нѣмцы зарыли въ землю около 5.000 русскихъ галичанъ и буковинцевъ.

Львовѣ 2-ой всекраевой Талергофскій Съѣздъ. Да живетъ Русь великая во вѣки вѣковъ! За редакцію *Вл. Гриненко.*

50.

Львовъ. Центр. Совѣтъ Русской Селянской Организаціи въ Галичинѣ, преклоняясь предъ свѣтлой памятью мужественныхъ и стойкихъ борцовъ за идею русскаго національнаго единства, сложившихъ свою жизнь на алтарь жертвенной любви къ родинѣ, шлетъ 2-ому Талергофскому Съѣзду сердечный привѣтъ и глубокій поклонъ. Въ нашей борьбѣ за права и лучшую долю русскаго народа безсмертный подвигъ талергофскихъ мучениковъ будетъ для насъ никогда не блекнущимъ примѣромъ, какъ для своего народа не только жить, но и за него умирать. Вѣчная память погибшимъ за Русь святую героямъ! Вѣчная слава живущимъ борцамъ! Предсѣдатель: *Антонъ Гулла.* Секретарь: *Романъ Луцыкъ.*

51.

Львовъ. О-во русскихъ студентовъ »Другъ«. — Отъ имени всей учащейся молодежи шлемъ дружескій привѣтъ Талергофцамъ. Ихъ завѣты укрѣпляютъ насъ въ вѣрѣ, что Русь непобѣдима. Слѣдуя ихъ примѣру, готовимся къ борьбѣ за правду и родную землю. Предсѣдатель: *Драгомирецкій.* Секретарь: *П. Билинкевичъ.*

52.

Львовъ. О-во Русскихъ Журналистовъ. — Братья и Сестры! Въ общественной жизни проявляются моральныя чувства разно. Главнѣйшимъ чувствомъ морали является чувство долга и отвѣтственности, которое наравнѣ съ чистой совѣстью есть для всѣхъ и каждаго существеннымъ условіемъ существованія и развитія народа. Вы честно исполнили свой долгъ, массой явившись поклониться святому праху погибшихъ за Родину. Предсѣдатель: *Григорій Малецъ.* Секретарь: *Дмитрій Яблонскій.*

IV.

Привѣтъ отъ Съѣзда.

Рѣчь *В. Р. Ваврика,* Талергофца и секретаря Центр. Талергофскаго Комитета.

Братья и друзья! Тихо, и скромно, и съ сознаніемъ своего долга поминаетъ сирота — Галицкая Русь павшихъ за родину свою. Наша пѣсня — пѣсня мира и жизни! Тайная сила — воля движетъ нашимъ вѣчемъ. Она ведетъ насъ къ вѣдомой намъ цѣли. Непобѣдимъ русскій геній, и несмотря на то, что въ своей душѣ онъ не безъ грѣха, то все-же на его совѣсти нѣтъ людскихъ слезъ. Самъ, будучи въ тѣни, онъ постоянно жилъ въ горькой заботѣ о другихъ. Пусть скажетъ праведный судія — исторія, не онъ ли далъ жизнь и свободу славянамъ на югѣ

и на западѣ, на сѣверѣ и на востокѣ? Не онъ ли вдохновлялъ ихъ на протяженіи долгихъ, тяжелыхъ столѣтій въ борьбѣ съ кочевниками, варварами, басурманами и лютыми наѣздниками?

Какъ извѣстно, осенью прошлаго года Съѣздъ не состоялся. Можетъ быть, случилось и лучше. Ибо лучше можно было подготовить наше торжество, на которое вы пришли такъ многочисленно и на которое откликнулись свои и чужіе. Центр. Талергофскимъ Комитетомъ получены привѣтствія. Трудно все прочитать. На это нѣтъ здѣсь времени. Позвольте въ Вашемъ имени горячо поблагодарить всѣхъ помнящихъ насъ за ихъ теплое, сердечное сочувствіе и соучастіе и въ свою очередь привѣтствовать:

— Весь русскій народъ, со всѣми его племенами, нарѣчіями и говорами, и пожелать ему расцвѣта во всѣхъ областяхъ культурной жизни;
— всѣхъ свободныхъ славянъ и пожелать имъ, чтобы они на сушѣ и на морѣ, въ Европѣ и Азіи,создали рѣшающую силу;
— славянъ въ иноплеменной неволѣ; лужичанъ въ Германіи и словинцевъ въ Италіи, и пожелать имъ скораго освобожденія отъ тяжелаго ига.

V.

Отзывы о Създѣ.

Отзывы о торжествѣ 31-го мая 1934 года двоякаго рода: благожелательные и отрицательные. О замѣткахъ, отчетахъ и статьяхъ въ русскихъ изданіяхъ не за чѣмъ долго распространяться, такъ какъ въ нихъ о Съѣздѣ говорится съ большой похвалой и энтузіазмомъ. Въ отзывахъ польскихъ газетъ слышится осторожная, иногда даже изысканная вѣжливость. Особенно это замѣтно въ рецензіи Wiek-а Now-аго. Какая разящая разница со статьями о русскихъ въ Галичинѣ въ 1914 году!

Украинскія газеты, всѣ безъ различія, высказались о Съѣздѣ крайне жестоко. Нѣкоторымъ только исключеніемъ являются штрихи Галактіона Чипки, напечатанные наканунѣ нашего праздника (»Діло«, № 141), статья А. Ч. (»Нова Зоря«, № 39) и замѣтка Талергофца (»Перемога«, № 17). Все прочее — это ужасные пасквили, въ которыхъ полно неудобопроизносимыхъ и неприличныхъ для печатнаго слова ругательствъ, полно неправдивыхъ и нарочно измышленныхъ сообщеній о даровыхъ билетахъ, о польскихъ стрѣлкахъ въ рядахъ Талергофцевъ, о даровомъ пропитаніи участниковъ изъ военныхъ »гуляжканоновъ«, о польской музыкѣ и краковякахъ во время академіи и пр.

Для иллюстраціи, на что способны редакторы украинскихъ

газетъ, позволю себѣ сдѣлать двѣ выдержки: »На ніби талєргофський зізд прибуло заледви 2 тисячі людей... машерували також в поході польські стшельци — оттак собі для більшого числа.... війти подіставали згори наказ, щоб доставили до стаціі стільки й стільки людей... банкроти, ваші години вже почислені!.. (»*Наш Лемко*«, № 12, — оч.). »Повне банкротство москвофільського свята. Талєргофське свято без талєргофців. Шумно реклямований зізд закінчився повною компромітацією... Кілька тисяч — це справді наглядний доказ провалу москвофільства в українських масах...« (»*Діло*«, № 142).

Достаточно! Кажется, что украинскіе пишущіе не отдаютъ себѣ отчета, что какъ разъ все въ злости вышенаписанное потверждаетъ большое значеніе Талергофскаго движенія и Съѣзда, о чемъ свидѣтельствуетъ въ равной мѣрѣ большое число отзывовъ о немъ въ печати:

1. »*Возрожденіе*«. Парижъ. 1934. № 3295. Ш: »*Талергофскіе узники. Торжества во Львовѣ*«.

2. »*Временникъ*«. Научно-литературныя записки львовскаго Ставропигіона на 1935 годъ. В. Р. Ваврикъ: »*Талергофъ идея*«; Д-ръ А. Копыстянскій: »*Талергофская выставка*«.

3. „*Wiek Nowy*". Lwow 1934. Nr. 9888. Dr. Marjan Bobrowski, więzień thalerhofski: „*Z okazji obchodu thalerhofskiego*".

4. „*Gazeta Poranna*". Lwów, 1934. Nr. 10672. Adolf Fida: „*Tragedja Thalerhofu*". W 20-tą rocznicę powstania „obozu śmierci". Nr. 10673 „*Ku czci b. więźniów Thalerhofu. Imponujące uroczystości Starorusinów we Lwowie*".

5. »*Діло*«. Львовъ, 1934. № 141. Галактіонъ Чипка: »*На свято Талєргофу*«. № 142 »*Повне банкротство москвофільського свята*«. № 143 »*Ще про зїзд талєргофців*«. № 147 »*Врі, да мєру знай*«. № 154 »*Ще про зїзд талєргофців*«. Спростування Талєргофського Комітета. Наша відповідь. № 171 Микола Андрусяк: »*Ще про Талєргоф*«. З приводу нарису В. Р. Ваврика п. з. »Талєргоф«. В 20-ті роковини народної трагедії галицко-руского народа. Львів, 1934.

6. »*Земля і Воля*«, Львів, 1934. № 22, 23. »*Великий Талєргофский день во Львові*«. № 23 В. Р. Ваврик: »*По Талєргофскім З'іздi*«.

7. „*Ilustrowany Goniec Wieczorny*". Lwów, 1934. Nr. 20. „*Święto Thalerhofu*".

8. „*Ilustrowany Kuryer Codzienny*". Kraków, 1934. Nr. 151. „*Wielka uroczystość Thalerhofców we Lwowie*".

9. *Календарь* О-ва им. Михаила Качковскаго на 1935 годъ, О. Ю. Луцыкъ: »*2-ой Талергофскій Съѣздъ*«.

10. »*Карпато-русскій Голосъ*«. Ужгородъ, 1934. № 114. »*Про-*

шло 20 лѣтъ«. № 117 »*Талергофскіе торжества во Львовѣ«*.

11. »*Комар«*. Львовъ, 1934. № 12 »*Гуляжканони на Талєргофському зїзді«* (каррикатура-рисунокъ). Послѣ конфискаты коротенькій пасквиль: »*Спростованіє«*.

12. »*Кооперативний Вістник«*. Орган Рев. союза руских кооперативів. Львовъ, 1934, № 6: »*Талєргофскій день во Львові«*.

13. „*Kurjer Lwowski*". Lwów, 1934. Nr. 142 „*Uroczystosci thalerhofskie we Lwowie*". Nr. 162 „*Zjazd Thalerhofców*".

14. »*Лемко«*. Крыница, 1934. № 6 Р.(оманъ Г.(ригорьевичъ Максимовичъ): »*Отдайме всенародный поклон«*. »*Жертвам Талєргофа)*.

15. »*Наш Лемко«*, Львів, 1934. № 12. — оч: »*Як відбувся ніби-талєргофський зїзд у Львові«?*

16. »*Наше Время«*. Вильно, 1934. № 118. »*День Талергофа приближается«*.

17. »*Наш Прапор«*. Львів, 1934. № 35. »*Чирак«*. № 42 »*Киринники при праці«*. Чи москвофіли мають право робити »Талєргофське свято«?

18. »*Народная газета«*. Пряшевъ, 1934. № 19-20. »*Талергофскія торжества во Львовѣ«*.

19. »*Народня Справа«*. Львів, 1934. № 22 »*Москвофільський зїзд не вдався«*.

20. »*Наука«*. Львовъ, 1934. № 2. »*Талергофскій Съѣздъ«*.

21. »*Нова Зоря«*. Львів, 1934. № 39. А. Ч.: »*Талєргоф«*. Що роблять з тієї Голгофти Руси-України і що з неї треба зробити? № 41. Л: »*Талєргофський зїзд українських москвофілів з Галичини«*.

22. »*Новий Час«* (Львів, 1934. № 121): »*Спекуляція на талєргофській трагедії«*. № 127. А. Крук: »*Образки з талєргофського зїзду у Львові«*.

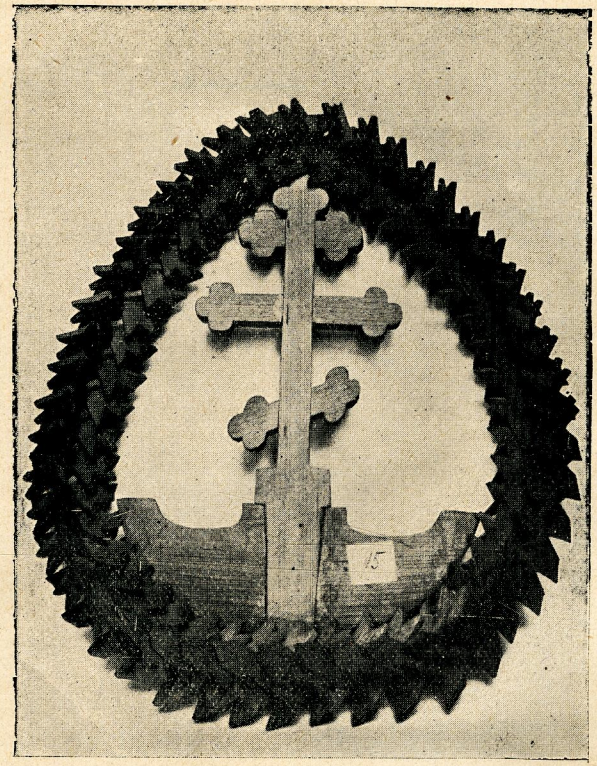
24. »*Перемога«* (Львів, 1934) № 15 »*Талєргофський зїзд«*. № 17. Талєргофець: »*У 20-ту річницю Талєргофу«*.

25. »*Правда«*. (Philadelphia, Pa. № 40). »*Къ тяжкому 20-тилѣтію«*. № 51. В. П. Гладикъ: »*Торжественный Талергофскій Съѣздъ во Львовѣ«*.

26. »*Рада«* (Львів, 1934. № 4): »*Талєргофський* зїзд«.

27. »*Русскій Голосъ«* (Львовъ, 1934) № 21 Вл. Гриненко: »*Колыбель единства«*. Послѣ Талергофскаго Съѣзда 31-го мая. А. Тарасевичъ: »*У подножія гранита и мрамора«*. (Впечатлѣнія волынца). № 22. В. Р. Ваврикъ: »*Что дальше«?* № 22, 23. Вл. Гриненко: »*2-ой всекраевой Талергофскій Съѣзд во Львовѣ«*. Т. Т.: »*Жертва Талергофа обязывает«*. № 26. Один из немногих (В. С. Бабиков, Луцк): »*Нѣсколько мыслей о Талергофском торжествѣ«*.

28. »*Русское Слово«*. (Вильно—Варшава, 1934). № 122. Виталій Ауслендер: »*Талергоф«;* Т. Михаилов: »*Талергофская Гол-*



Деревянный вѣнокъ на памятникъ Неизвѣстному Талергофцу.

гофа; П. Юрьев: »*Талергоф и Россіяне*«; С. Витязевскій: »*На первом Талергофском Съѣздѣ*«. № 128, 129. Виталій Ауслендер: »*Талергофскій Съѣзд во Львовѣ*«.

29. »*Русская Земля*« (Ужгородъ, 1934. № 15). »Талергофскій праздникъ во Львовѣ«.

30. »*Селянин*« (Львів, 1934) № 23: »*Хто причинником Талєргофу*«?

31. »*Слово*« (Варшава, 1934. № 40) Чернянец: »*Талєргофска трагедія*«.

32. »*Українське Юнацтво*« (Львів, 1934. № 7): »*Москвофільський зїзд*«.

Д-ръ А. Копыстянскій.

Талергофская выставка

(съ 31. V по 6. VI 1934 г.)

„Соберите избытки окрухъ, да не погибнетъ ничтоже"
Еванг. отъ св. Іоанна, Кн. VI, 12.

Въ связи съ II-мъ талергофскимъ съѣздомъ во Львовѣ была устроена первая талергофская выставка, продолжавшаяся съ 31. мая по 6. іюня 1934. г. Основаніемъ ея послужили различные матеріалы, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ собираемые Центральнымъ Талергофскимъ Комитетомъ, а кромѣ этого, многочисленные экспонаты, которые на призывъ Комитета предъявили отдѣльныя лица изъ своей частной коллекціи. Въ виду того, что выставка являлась неразрывною частью талергофскихъ празднествъ и уже въ силу своего назначенія должна была удовлетворить въ первую очередь духовныя нужды участниковъ съѣзда, поэтому она для удобства этихъ послѣднихъ была открыта въ помѣщеніи Ревизіоннаго Союза Русскихъ Кооперативовъ, т. е. въ Народномъ Домѣ, какъ въ центральномъ пунктѣ цѣлаго съѣзда.

Всеобщее вниманіе обращено было на небольшую стеклянную габлотку, въ которой находилась сшитая изъ бархата въ видѣ квадрата подушка съ двумя длинными лентами. На подушкѣ имѣется вышитый серебряною нитью трираменный крестъ и надпись слѣдующаго содержанія: »Кровь мученика Талергофа 3. I. 1915.«, а продолженіе этой надписи на лентахъ: »крестьянина изъ Дутковецъ повѣтъ Скалатъ Мойсея Григорьевича Слободецкаго«. Очевидно, что это самая дорогая памятка, такъ сказать, святая святыхъ, не лишь для всѣхъ талергофцевъ, но и вообще для каждаго русскаго человѣка. Въ подушкѣ, какъ общеизвѣстно, хранится рубаха, обагренная кровью галицко-русскаго крестьянина, дня 3. января 1915. г., убитаго въ Талергофѣ австрійскимъ солдатомъ. Окровавленную рубаху, снятую съ несчастнаго страдальца, сумѣлъ сохранить очевидецъ этой трагедіи, о. Вл. Венгриновичъ, который успѣлъ вывезти ее изъ Талергофа и на первомъ съѣздѣ во Львовѣ въ 1928. г. передалъ Центральному Талергофскому Комитету. Такимъ образомъ, сохранилась дорогая памятка той кровной жертвы, которую сермяжная Прикарпатская Русь въ годину ея тяжкихъ испытаній принесла на алтарь русской идеи.

На выставкѣ находились тоже нѣмые свидѣтели другой, безкровной жертвы, которую опять въ Талергофѣ приносили Всевышнему наши священники-узники. Сохранилось Священное Писаніе Новаго Завѣта, на которомъ въ Талергофѣ читали Евангеліе въ самый тяжелый періодъ галицко-русской исторіи, т. е. съ 28. сентября 1914. г. по 30. апрѣля 1917. г. На первой страницѣ этой священной книги о. К. И. Дутковскій собственноручно написалъ слѣдующія слова: »Благослови Господи всѣмъ слышавшимъ слово святое изъ сей св. книги, наблюдавшей слезы и плачъ вѣрныхъ Твоихъ христіанъ. Благослови и помни ихъ во время суда Твоего«.

Другимъ свидѣтелемъ совершавшихся въ Талергофѣ богослуженій является епитрахиль. На лицевой ея сторонѣ вышита слѣдующая надпись: »Служилъ іер. Владиміръ Венгриновичъ и іер. К. И. Дутковскій и А. Кучма«, а на оборотной сторонѣ: »Единственная риза, служившая во время эпидеміи въ тюрьмѣ Талергофа — Война а ц д і — 31«.

На выставкѣ не хватало, къ сожалѣнію, фелона, собственноручно сдѣланнаго въ Талергофѣ о. Евдокимомъ Васильчакомъ, наст. прихода въ Татариновѣ, и его дочерью Іоанною, замужнею Крыницкою. Причина заключалась въ томъ, что въ упомянутомъ фелонѣ о. Александръ Гелитовичъ, парохъ въ Косовѣ, совершалъ чинъ посвященія памятника неизвѣстному талергофцу на Лычаковскомъ кладбищѣ. Въ настоящее время этотъ фелонъ, сдѣланный изъ зеленаго бархата съ прекрасными народными вышивками, уже находится въ талергофскомъ музеѣ.

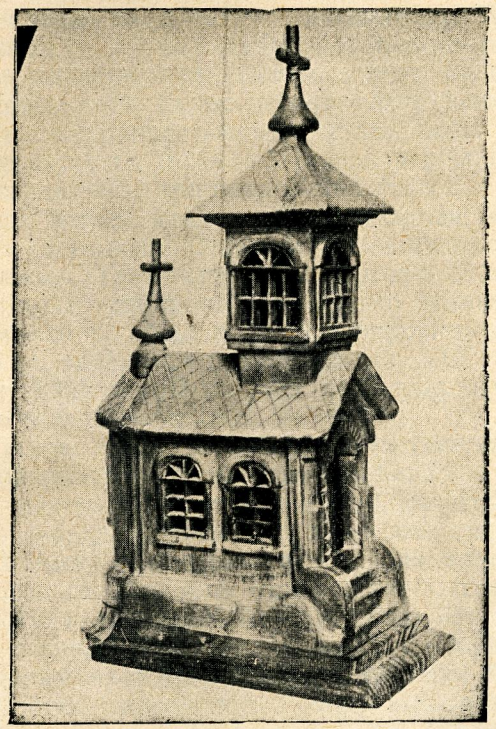
Стѣны большого зала Ревизіоннаго Союза были пріукрашены таблицами съ наклеенными фотографическими снимками, рисунками, акварелями и т. д. Всѣхъ таблицъ было 21. Нѣкоторыя фотографіи имѣютъ большое историческое значеніе, такъ какъ непосредственно представляютъ казни русскихъ галичанъ. Австрійскіе палачи съ такимъ сладострастіемъ исполняли принятую на себя роль, что непосредственно послѣ совершенной казни они дѣлали снимки повѣшенныхъ и разстрѣлянныхъ галичанъ! Большая часть рисунковъ принадлежитъ молодому талергофцу, адвокатскому кандидату д-ру Ярославу А. Гелитовичу, въ 1915. году погибшему на итальянскомъ фронтѣ и погребенному въ Югославіи. Пок. Гелитовичъ умѣлъ великолѣпно уловить отдѣльные моменты талергофской жизни и карандашемъ закрѣпить ихъ на кускѣ бумаги.

Всякій побывавшій на выставкѣ, даже совсѣмъ не знающій исторіи талергофскаго ада, на основаніи фотографическихъ снимковъ и рисунковъ, могъ получить полное представленіе о томъ, что заключаетъ въ себѣ слово »Талергофъ«. На таблицѣ XV. были умѣщены виды не только Талергофа, но также замка Шпильберга въ Моравіи, въ подземельѣ котораго во время войны томилось 120 галичанъ, и другихъ мѣстностей заточенія, какъ Леобенъ, Туррахъ, Фордернбергъ и пр. Когда

смотришь на прекрасныя альпійскія мѣстности, въ которыхъ во время войны жили конфинованные и заключенные галичане, даже вѣрить не хочется, что изъ этихъ плѣняющихъ своею красотою мѣстностей злобный человѣкъ могъ сдѣлать настоящій адъ для другого человѣка лишь потому, что у него другая вѣра и языкъ!

Но, вотъ, передъ нами Талергофъ съ его длинными бараками и православною часовнею, представленный съ птичьяго лета. Шагъ за шагомъ осматривая таблицы, мы можемъ охватить всю талергофскую жизнь съ ея мельчайшими подробностями, которая какъ въ калейдоскопѣ передвигается передъ нашими глазами. Вотъ трогательная картина. Передъ баракомъ задержалась толпа узниковъ. Они читаютъ общую молитву передъ крестомъ, расположеннымъ на стѣнѣ барака (табл. IX). Тамъ подъ конвоемъ выводятъ узниковъ на работу. Длинною вереницею они свозятъ въ тачкахъ глину и камень недалеко военнаго магазина. (табл. VIII). Горе ослушнику! Его ждетъ славное австрійское наказаніе **„anbinden“** (табл. XII) или кандалы, которые передъ тобою лежатъ на столѣ съ надписью: »Талергофскіе кандалы« **(Spangen)** отъ 1915 г. іюля мѣсяца«. Несчастныхъ узниковъ встрѣчаютъ придирки на каждомъ шагу со стороны начальства. Не свободны отъ нихъ даже священники. Вотъ старенькій о. Генрихъ Полянскій въ тачкахъ везетъ еврея! (табл. XII). Сѣрая и кошмарная жизнь течетъ ежедневно. Передъ бараками выдаютъ пищу (т. XVII). Какого она качества, о томъ лучше всего свидѣтельствуетъ находящійся въ стеклянной коробочкѣ кексъ, выпеченный въ талергофскомъ лагерѣ и привезенный пок. Михаиломъ Гумецкимъ. Передъ бараками женщины стираютъ бѣлье (т. IX), а въ тоже время внутри бараковъ полуобнаженные мужчины, снявъ съ себя рубаху, ведутъ завзятую борьбу... съ насѣкомыми! (т. IX). Послѣднюю сцену представляетъ не лишь рисунокъ Я. Гелитовича, но также изящная картина о. Р. Исайчика, собственность г-жи Гумецкой во Львовѣ. И еще одна необычная сцена. На дворѣ молодые талергофцы дѣлаютъ военныя упражненія (т. VIII). Это новобранцы, которыхъ австрійское правительство не позабыло даже въ Талергофѣ и предназначило Молоху войны, какъ пушечное мясо. Очевидно, молодые талергофцы въ непродолжительное время будутъ отправлены на военный фронтъ, чтобы тамъ защищать двуединую монархію!

Санитарныя отношенія въ талергофскомъ лагерѣ были прескверны, вслѣдствіе чего часто вспыхивали эпидеміи въ родѣ сыпного или брюшного тифа. Гроза положенія увеличивалась также и потому, что хотя врачи были въ лагерѣ, заболѣвшіе въ дѣйствительности были лишены врачебной помощи. Врачи исполняли свои обязанности лишь формально. Опасаясь входить въ бараки, они издали осматривали больныхъ, какъ это видно изъ рисунка (т. VI). Больного выводятъ изъ барака,



Модель Талергофской часовни.

а врачъ съ большого разстоянія осматриваетъ его языкъ и кричитъ: „Pokaż jązyk! — Horaczka“! Въ то время, когда врачи не рискнули даже приближиться къ больнымъ, зато наши священники съ полнымъ самопожертвованіемъ спѣшили опасно заболѣвшимъ съ духовною помощью, какъ представляетъ рисунокъ (т. X), исповѣдь больного на кладбищѣ, очевидно, подъ конвоемъ!

Неудивительно, что смерть безпощадно косила несчастныхъ страдальцевъ и незадолго выросло большое талергофское кладбище. Талергофцы на плечахъ выносили гробъ своего скончавшагося брата (т. X.) на кладбище, засѣянное лѣсомъ крестовъ. Но и тутъ на кладбищѣ не обошлось безъ политики. По приказу стяжавшаго себѣ Геростратову славу коменданта лагеря Чировскаго на кладбищенскихъ крестахъ была произведена... операція! Перекрестья были обрѣзаны, чтобы (сохрани Богъ) кресты не имѣли вида трираменныхъ! (т. V.).

Но всякая жизнь, даже столь кошмарная, какъ въ Талергофѣ, имѣетъ свои права. Она течетъ своимъ русломъ, несмотря на всякіе режимы. Такъ было въ Талергофѣ. Женщины рожали ребятъ, какъ видно изъ фотографическаго снимка, представляющаго тотъ моментъ, когда о. В. Венгриновичъ крестилъ новорожденныхъ въ талергофской тюрьмѣ (т. VIII). Узники играли въ карты (т. VII.) и имѣли свой хоръ, дирижеромъ котораго былъ о. Ѳеофилъ Подолинскій (т. IX).

Желая убить скуку и слѣдуя естественному стремленію къ творческой работѣ, талергофцы выдѣлывали разныя издѣлія изъ всякаго матеріала, который попалъ въ ихъ руки: изъ дерева, глины, свинца, соломы и... даже изъ тюремнаго хлѣба! На выставкѣ была небольшая деревянная коробочка съ надписью: »Работа глухонѣмого »ферретера(!) (измѣнника) въ Талергофѣ въ 1914. г.« (даръ А. О. Гуллы). Въ этой коробочкѣ помѣщается розовый букетъ, сдѣланный изъ хлѣба! Тамъ опять видимъ походный мѣшокъ и шапку, сдѣланную Осипомъ Я. Трушемъ изъ соломы. Священникъ Романъ Прислопскій изъ Жегестова скомбинировалъ и собственноручно сдѣлалъ прекрасную дамскую туалетку! На выставкѣ преобладали, конечно, предметы изъ дерева, какъ вилки, ложки, табакерки, ларчики, коробочки и пр. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. часовня (собств. Б. Труша), сдѣланная русскимъ военноплѣннымъ, плѣняютъ своею художественною обработкою.

Особаго вниманія заслуживаютъ деревянныя издѣлія директора гимназіи бл. п. Владиміра Як. Труша изъ Станиславова, а именно деревянный рѣзной пюпитръ, на которомъ ножикомъ вырѣзаны ноты извѣстной пѣсни: »Вы жертвою пали...«, палка и разрѣзной ножикъ съ надписью: »Въ память горькаго заточенія въ Талергофѣ 1914—1916«. Любопытно, что на всѣхъ предметахъ имѣются иниціалы »Б. Т.« или полностью имя »Борисъ«. Какъ прекрасно иллюстрируютъ эти нѣмые предметы пси-

хическое настроеніе страдальца за Русскую Землю! Отрѣзанный отъ своей семьи несчастный отецъ въ своихъ издѣліяхъ хотѣлъ передать своему любимому первородному сыну Борису свою безграничную отцовскую любовь, указать на горькія минуты своего заточенія и на смыслъ своихъ страданій, считая себя »жертвою въ борьбѣ роковой за русское имя, за Русь святую...«

Интересно, что большую часть деревянныхъ экспонатовъ на талергофской выставкѣ составляли... кресты съ соотвѣтствующими надписями: »Памятка горькаго лѣта... о. Евгеній Хилякъ«, »Въ память моихъ горькихъ страданій 1914 въ Талергофѣ подъ Грацомъ«, »Боже во имя твое и въ силѣ твоей спаси мя — суди ми« (о. Вас. Лончина). »Симъ побѣдиши!« »Жертва на алтарь русской славы« (М. Ф. Матвѣйковъ) и пр. Особенно отличался своею изящною красотою крестъ въ терновомъ вѣнкѣ (собств. д-ра Ольги Шкирпанъ-Ганасевичъ).

Заточенные въ Талергофѣ русскіе галичане чувствовали какое-то необъяснимое влеченіе къ кресту, какъ символу страданій за высшіе идеалы. Когда смотришь на эти простые, рукою талергофцевъ сдѣланные многочисленные кресты, волей-неволей стоитъ передъ твоими глазами вся Галицкая Русь подъ знакомъ креста. Этимъ психическимъ настроеніемъ галичанъ можетъ быть объясняется тотъ фактъ, что когда Центральный Талергофскій Комитетъ долженъ былъ остановиться на одномъ изъ проектовъ памятника неизвѣстному талергофцу на лычаковскомъ кладбищѣ во Львовѣ, въ концѣ концовъ онъ избралъ самый простой по формѣ, но съ большимъ трираменнымъ крестомъ. Да! Некуда правды скрывать. Крестъ является символомъ историческихъ судебъ Галицкой Руси и одновременно, какъ вѣрили талергофцы, залогомъ ея воскресенія. »Симъ побѣдиши!«

На нѣсколькихъ таблицахъ (I., II., III., IV., XVII., XVIII.) были наклеены фотографическіе снимки талергофскихъ узниковъ, нарочно сгруппированныхъ по своему соціальному положенію. Тутъ таблица съ фотографіями священниковъ-талергофцевъ: о. Н. Винницкаго, I. Мащака, М. Раставецкаго, В. Курдыдика, Корн. Копыстянскаго, Вас. Панчака, Кир. Чайковскаго, Якова Борковскаго и пр., тамъ опять снимки нашихъ интеллигентовъ-талергофцевъ: Ант. О. Гуллы, инж. К. Чижа, Вл. Перфецкаго, Ив. А. Мудраго и др. Есть групповые снимки талергофцевъ данной мѣстности, напр. Станиславова: Вл. Я. Трушъ, Леонтія Гандякъ, П. Н. Гошовская, Илья С. Гошовскій, Вл. И. Смольницкій, Мих. М. Березскій и др. По серединѣ таблицы съ фотографіями священниковъ умѣщенъ портретъ архіепископа арм.-кат. обряда Іосифа Теодоровича, а на таблицѣ интеллигентовъ фотографіи поляковъ д-ра Бронислава Осташевскаго и сов. А. Фиды, извѣстныхъ защитниковъ неповинныхъ жертвъ австро-мадьярскаго произвола. Галицкая Русь умѣетъ сохра-

нять благодарность своимъ добрымъ друзьямъ. Наконецъ, на отдѣльной таблицѣ помѣщены фотографіи крестьянъ-талергофцевъ, какъ Ивана Ф. Федорички, Луки К. Старицкаго, Павла Кухара и др.

Хотя таблицы съ фотографіями узниковъ далеко не полны, все таки онѣ даютъ вполнѣ исчерпывающій отвѣтъ на вопросъ, кто попалъ въ талергофскую тюрьму. Въ талергофскихъ баракахъ очутились: мужчины, женщины, дѣти, священники, интеллигенты, и, конечно, въ преобладающемъ количествѣ, сознательные крестьяне.

Всѣ узники, безъ различія пола, возраста и соціальнаго положенія страдали въ одинаковой мѣрѣ. Въ талергофскихъ баракахъ не лишь не было никакихъ привилеевъ для »пановъ«, но, наоборотъ, положеніе этихъ послѣднихъ было хуже, ибо начальство спеціально на нихъ обратило свое зоркое вниманіе. Всѣ соціальныя перегородки исчезли въ Талергофѣ, а его узники, безъ исключенія всѣ подвергавшіеся одному строжайшему режиму, представляли собою одно народное цѣлое. Если Комитетъ, на основаніи имѣвшихся въ его распоряженіи фотографическихъ снимковъ, раздѣлилъ талергофцевъ на отдѣльныя группы, то сдѣлалъ это преднамѣренно съ тою цѣлью, чтобы нагляднымъ образомъ установить тотъ неопровержимый фактъ, что не отдѣльныя лица, не одна какая-нибудь соціальная группа, но вся въ буквальномъ этого слова значеніи Галицкая Русь въ тысячахъ ея лучшихъ сыновъ на своихъ плечахъ несла тяжелый талергофскій крестъ. Благодаря этому Талергофъ получилъ всенародный характеръ и въ этомъ заключается его историческое значеніе.

Велики были жертвы Галицкой Руси. Вѣдь же тогда погибали не десятки, не сотни, но тысячи ея лучшихъ сыновъ и дочерей за высокій идеалъ народнаго русскаго единства! А всетаки, какъ уже нынѣ въ нѣкоторой перспективѣ можно установить, талергофскія жертвы не были напрасны, ибо онѣ принесли положительные результаты.

Въ первую очередь онѣ вызвали значительное оживленіе въ области литературы и искусства, о чемъ свидѣтельствовала довольно значительная литература, собранная на выставкѣ по этому предмету (сочиненія В. Р. Ваврика, о. Кир. Чайковскаго, Ивана Федорички, Глѣба Соколовича и др.). Кромѣ этого, явились художники, которые старались схватить смыслъ талергофской жертвы кистью (картина Жолкевскаго) или долотомъ (модель талергофскаго памятника, изготовленная студентомъ Политехники Ст. Дольницкимъ).

Свободный художникъ Николай С. Жовнѣръ изъ Журавна, на основаніи фотографическихъ снимковъ срисовалъ спеціально для выставки нѣсколько портретовъ талергофцевъ, между которыми особенно отличается портретъ извѣстнаго поэта-крестьянина бл. п. Ивана Федорички. Русская общественность, осо-

бенно наши духовные круги, должны поддержать молодого талантливаго художника.

Даже въ области музыки Талергофъ разшевелилъ творческія силы нашихъ композиторовъ (кантата о. Іосифа Яворскаго и »Талергофъ«. Кантата посвященная памяти жертвъ Талергофа 1914—18. Музыка А. Л. Ропицкаго, слова В. Р. Ваврика. Изд. кооп. Муза во Львовѣ 1934).

Талергофскія жертвы въ высокой степени содѣйствовали и содѣйствуютъ сплоченію всѣхъ русскихъ галичанъ въ одну великую семью, ибо общеизвѣстно, что лишь кровь, многими пролитая въ защиту одного общаго идеала, крѣпко цементируетъ всѣ составныя части народнаго организма въ одно неразрывное цѣлое. Этимъ обстоятельствомъ объясняется мало понятный для постороннихъ людей фактъ, почему талергофскія торжества столь популярны въ широкихъ кругахъ галицко-русскаго населенія, почему на призывъ Центральнаго Талергофскаго Комитета, несмотря на экономическій кризисъ, 31. V. 1934. г. явилось много тысячъ участниковъ, чтобы поклониться неизвѣстному талергофцу, въ честь котораго поставленъ и посвященъ памятникъ на лычаковскомъ кладбищѣ во Львовѣ. Какой духъ бодрости охватилъ массы народа подъ вліяніемъ совершившихся талергофскихъ празднествъ 31. V. 1934. г., объ этомъ свидѣтельствуетъ записка, которую одинъ изъ участниковъ съѣзда, осматривавшій выставку, а именно крестьянинъ-поэтъ М. Ф. Матвейковъ, непосредственно подъ впечатлѣніемъ съѣзда оставилъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій (привожу слово въ слово): »1934 бувъемъ на урочистім Сьвяті II Талергофскаго Съізда. Вінец Слави Героів Мученников за Единство Руси виділо моє око и чуло моє ухо«.

Выставка дала положительный отвѣтъ еще на одинъ общій вопросъ, который силою обстоятельствъ возникъ въ связи съ талергофскою трагедіею. Есть писатели, которые отчасти оправдываютъ грубое, почти звѣрское, отношеніе австро-венгерскаго правительства къ населенію Прикарпатской Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской Руси), указывая на тогдашнее грозное положеніе двуединой монархіи, вызванное пораженіями на русскомъ фронтѣ, на извѣстную брошюру военнаго россійскаго штаба съ обозначеніемъ фамилій »руссофиловъ« и мѣстностей, въ которыхъ они пребывали и пр. На основаніи выше наведенныхъ аргументовъ, можно легко вывести заключеніе, что Талергофъ былъ необходимою самозащитою Австро-Венгріи передъ... Россіею и какъ экстренная мѣра былъ подиктованъ исключительно тяжелымъ положеніемъ австро-венгерскаго государства. Не тутъ мѣсто заниматься анализомъ и освѣщеніемъ этого чрезвычайно важнаго вопроса, но уже на основаніи собранной на выставкѣ литературы (»Талергофскій Альманахъ« (4 выпуска), трудовъ В. Р. Ваврика, и особенно весьма цѣннаго труда д-ра Александра Е. Хиляка), а также документовъ,

Талергофская выставка въ цѣломъ объемѣ.

имѣющихся въ талергофскомъ музеѣ, можно дать положительный отвѣтъ. Неудачи австро-венгерской арміи въ началѣ войны внѣ всякаго сомнѣнія усилили садизмъ австро-мадьярскихъ палачей по отношенію къ карпаторусскому населенію, тѣмъ болѣе, что военачальники имѣли возможность оправдать свою боевую бездарность будто... поголовною измѣною галицко-русскаго населенія, ссылаясь на брошюру русскаго штаба. Въ свѣтѣ документовъ оказывается, что Талергофъ, какъ экстренная мѣра противъ галицко-русскаго населенія, родился въ умѣ австро-венгерскаго правительства не только во время войны, но уже нѣсколько лѣтъ до войны! Между документами, находившимися на выставкѣ, было секретное циркулярное письмо галицкаго намѣстника отъ 7. февраля 1912. г., разосланное всѣмъ старостамъ Восточной Галичины и Лемковщины съ требованіемъ представить точныя статистическія данныя относительно »руссофиловъ« въ данномъ уѣздѣ. Очевидно, что въ 1914. г. австрійскія власти не нуждались въ брошюрѣ русскаго военнаго штаба съ указаніемъ мѣстопребыванія »руссофиловъ«, ибо по крайней мѣрѣ уже въ 1912. году онѣ имѣли точнѣйшія статистическія данныя, на основаніи которыхъ еще до войны подготовили Талергофъ съ холоднымъ разсчетомъ поголовнаго физическаго истребленія русскаго населенія...

* * *

Хотя талергофская выставка продолжалась всего нѣсколько дней, ибо по поводу занятій въ Ревизіонномъ Союзѣ ликвидирована она была уже 6. іюня с. г., всетаки въ своемъ окончательномъ итогѣ она дала положительные результаты, такъ какъ положила основы подъ учрежденіе особаго Талергофскаго музея.

Въ засѣданіи Центральнаго Талергофскаго Комитета отъ 8. іюня 1934. г. »единогласно рѣшено передать въ Музей Ставропигійскаго Института собранные къ талергофской выставкѣ экспонаты, документы, письма, воспоминанія, литературу, снимки, рисунки, издѣлія, ленты, урну и вообще все, касающееся Талергофа съ тѣмъ, что эти предметы будутъ въ Ставропигійскомъ Институтѣ находиться въ особой комнатѣ и будутъ составлять Талергофскій музей«. Сеніоратъ Ставропигіи пошелъ на встрѣчу пожеланіямъ Центр. Талергофскаго Комитета и уже въ непродолжительное время безвозмездно отведетъ особую комнату для Талергофскаго музея. Но самое устройство музея, требующее значительныхъ вкладовъ, всецѣло зависитъ отъ русскаго общества. Если русскіе люди не откажутъ хотя бы въ скромной лептѣ на эту возвышенную цѣль, а талергофцы отдадутъ свои памятки изъ Талергофа въ названный музей, помня о томъ, что въ настоящее время къ этимъ памяткамъ имѣютъ претензіи не только отдѣльныя лица и семьи, но и весь русскій народъ, тогда въ непродолжительномъ времени кровавая и кошмарная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и свѣтлая страница изъ нашей новѣйшей исторіи будетъ закрѣплена и сохранена на вѣки.

В. Р. Ваврикъ.

Галицко-русская библіографія за 1933 годъ.

1.

Галицкія изданія.

1. Ваврикъ В. Р.: »*Руская тройця*«. Львовъ, 1933. Стр. 39 въ 16⁰ (снимки И. Н. Вагилевича, Я. Ѳ. Головацкаго, М. С. Шашкевича; брошюра написана галицко-русскимъ нарѣчіемъ); »*Талергофъ*«. Картины зъ житья галицкихъ мученикôвъ въ нѣмецкôй неволѣ. Въ 4 дѣйствіяхъ, 8 вôдслонахъ. Львовъ, 1933. Стр. 40 въ 8⁰; »*Маша*«. Картина австро-мадярскаго террора въ 1914 году. Львовъ, 1933. Стр. 8 въ 8⁰. »*Доброволецъ*« (разсказъ изъ жизни карпато-русскихъ добровольцевъ) въ »Альманахѣ Возрожденцевъ«. Прага, 1933. Фельетоны въ »Русскомъ Голосѣ« 1933 »*Гавро Принципъ*« (№ 3); »*Ѳ. Ѳ. Аристовъ*« (№ 8); »*Талергофъ*« (№ 14); »*Вагилевичъ и Погодинъ*« (№ 21); »*Каменярі*« *Ивана Франка* (№ 22); »*Русская Культура*« (№ 24). Нѣсколько популярныхъ статей въ »Землѣ и Волѣ«, 1933 (№№ 13—19; 28—31, 38—43).

Отзывы на »Русскую тройцу«, »Талергофъ«, »Машу« и »Добровольца« въ »Карпаторусскомъ Голосѣ«, Ужгородъ, 1933. № 265: »*Галицкія изданія*«, въ »Огняхъ«, № 32 (Прилож. къ »Русскому Голосу« № 17), № 33 (Прилож. къ »Русскому Голосу«, № 24); въ »Русскомъ Голосѣ«, № 34 Вл. Гриненко: »*Альманах Возрожденцев*«.

2. »*Временникъ*«. Научно-литературныя записки львовскаго Ставропигіона на 1934, годъ изданія XX. Львовъ, 1933. Стр. 118 въ 8⁰. Появляется разъ въ годъ подъ редакціей В. Р. Ваврика. Снимки: свящ. Іоаннъ Гушалевичъ; свящ. Антоній Петрушевичъ; проф. Я. Ѳ. Головацкій; свящ. Владиміръ Хилякъ; Марія Игнатьевна Мохнацкая; Иванъ Григорьевичъ Рогозинскій; Михаилъ Ивановичъ Гумецкій; Филемонъ Мелитоновичъ Мегелля; Ярославъ Александровичъ Барановскій. Содержаніе: В. Р. Вав-

рикъ: »*Священники-чины Ставр. Института*«. М(иронъ) М(ацонъ): »*По дорогѣ большой*« (стихи). Я.(рославъ) В.(асильевичъ) Янчакъ: »*Владиміръ Игнатьевичъ Хилякъ*« (Іеронимъ-Анонимъ). С. Ю. Бендасюкъ: *Временникъ Ставр. Института*, Истор.-библіогр. очеркъ (къ 70-лѣтію изданія). В. Р. Ваврикъ: »*Маша*«. Картина австро-мадьярскаго террора въ 1914 году. М.(иронъ) М.(ацонъ): *Все злое приходитъ*. В. Р. Ваврикъ: »*Галицко-русская библіографія за 1932 годъ*«. Изъ помяника Ставр. Института. Правящій Совѣтъ 1933—1934. Старѣйшины 1577—1932. Члены въ порядкѣ поступленія. Отчетъ о состояніи Ставр. Института 1932—1933. Русская лѣтопись.

Отзывы: »*Галицкія изданія*« въ »Карпато-рускомъ Голосѣ«. Ужгородъ, 1933. № 265. и »*Временникъ*« львовскаго Ставропигіона въ »Русскомъ Голосѣ«, Львовъ, 1934, № 5.

3. »*Земля і Воля*«. Тиждневий орган Рускоі Селянскоі Організаціі. Годъ изданія VI. Издаетъ Комитетъ. Отвѣчательный редакторъ: Николай Проданъ. Вышло 50 номеровъ in folio при участіи Д. И. Яблонскаго, М. А. Марка, П. И. Гарасимчука, свящ. К. Чайковскаго.

4. Изданіе о-ва им. Мих. Качковскаго: Народная библіотека. № 522—523. II. и III. четвертьгодія 1933.

а) *Історія Руси*. Часть III. Петербургска і Віденска доба. (Россійска Імперія і Прикарпатска Русь до 1914 р.) 2 карти + 56 ілюстрацій. Написав Д-р Адріян Копистянскій. Стр. 437 + 11 въ 16⁰. Отзывъ: Kwartalnik historyczny 1933. Zeszyt 3. стр. 148. Kopystiański Adrjan: „*Istorja Rusy*". Рецензія на всѣ 3 части »Исторіи Руси« Д-ра А. Копыстьянскаго.

б) Молися, учися, трудися, трезвися! Народная библіотека № 524. Мѣсяцы: жовтень, листопадъ, грудень 1933. *Иллюстрованный народный календарь на 1934* звычайный годъ. Стр. XXXII + 118 + 10 въ 16⁰ календаріумъ, литературная часть, объявленія. Содержаніе литер. части: Д. Мережковскій: »*Сѣятель*« (стихи); свящ. К. Н. Чайковскій: »*Прикарпатская мученица*« (разсказъ 1914); М. Мокрыцкая: »*Чи то всюда?*« (стихи); Г. Малецъ: »*Значеніе читалень и кооперативовъ*«; М. Мокрыцкая: »*Честь и слава Талергофцямъ*« (стихи); Н. Третьякъ: »*Екзекуція, примусова продажа*«; М. Мокрыцкая. »*Письмо изъ чужины*« (стихи); П. Романовъ: »*Общественный дѣлежъ*«. В. Р. Ваврикъ: »*Пляска*« (стихи); свящ. Иванъ Билинкевичъ: »*Що управляе чоловѣкомъ*«. Марія Мокрыцкая: »*Неси мене, думо*« (стихи); Л. Г.: »*О новомъ устройствѣ школьного дѣла*«; М. Цебринскій: »*Бытъ, обычай и чувство права въ Китаѣ*«; Марія Мокрыцкая: »*На злобу дня*« (стихи); Л. Г.: *Іеронимъ Анонимъ*; его-же: »*Д. И. Менделѣевъ*«. *Село Подмихайлье. День русской культуры на Лемковщинѣ*. В. Р. Ваврикъ: »*Свадьба у нашихъ предковъ*«; его-же: »*Василиса*« (поэма); М. Цебринскій: »*Нашъ культурный походъ*«, и Всячина.

в) »*Наука*«. Приложеніе до »Народной библіотеки«. Годъ изд. XI (LX) № 521. I. кварталъ. № 1. И. Кметь: »*Радость хлѣбороба*« (стихи); М. Цебринскій: »*Голгофа народныхъ страданій*«; В. Р. Ваврикъ: »*На могилѣ Талергофца*«; М. Цебринскій: »*На встрѣчу неизвѣстному Талергофцу*«; Сибичъ: »*Свѣтовый кризисъ*«; д-ръ О. Ганасевичъ: »*Организація женщинъ-селянокъ*«; Н. Третьякъ: »*Законъ объ обществахъ*« и пр. №№ 522—523. II. и III. кварталъ. № 2—3. М. Мокрицкая: »*Сумъ родныхъ нивъ*« (стихи); М. Цебринскій: »*Порядокъ въ читальняхъ*«; Доброміра: »*Русская женщина и Талергофъ-поминки*«; М. Черниховченко: »*Наука домового господарства*«; В. Р. Ваврикъ: »*Жатва*« (стихи); О. Т.: »*Дитя — будучность народа*« и пр. № 524. IV. кварталъ. № 4. М. *Цебринскій*: »*Порядокъ въ читальняхъ*«. Отчетъ о дѣятельности О-ва им. М. Качковскаго 1932—1933.

г) И. Сосенко: *Маркіянъ Шашкевичъ*. Его творы и значенье для Галицкой Руси. Русска тройця. № 521. Мѣсяцы: сѣчень, лютый, мартъ. Стр. 52 въ 16⁰.

5. «*Колосок*». Двухнедѣльный журнал для русских дѣтей. Под редакціею С. Л. Ропицкой, І. А. Андрукович, М. О. Онышкевича. Приложеніе к »Русскому Голосу«. Выходит 1-го и 15-го каждаго мѣсяца. Год изданія II. Вышло 13 номеровъ въ 8 стр. 8⁰.

6. *Кооперативний Вістник*. Орган русского Рев. Союза во Львові. Виходить раз на місяць. Годъ изданія VI. Отвѣтственный редакторъ: Юрій Плешкевичъ. Вышло 12 номеровъ при участи К. И. Ганасевича, Ю. И. Плешкевича, О. И. Денисюка и Ю. Копыстянскаго. Каждый экземпляръ (16 стр. въ 8⁰) посвященъ дѣламъ галицко-русской коопераціи.

7. Копыстьянскій А. д-ръ: »*Історія Руси*«. Часть III. Львовъ, 1933. Стр. 437 + 11 въ 16⁰. (Смотри: Изданія О-ва им. М. Качковскаго).

8. »*Огни*«. Независимый вѣстник русскаго студенчества. Год изданія IV. Под редакцієй: І. А. Андрукович, М. О. Онышкевича, Л. А. Прислопскаго. Вышло 6 номеровъ въ 2 стр. о о, какъ приложеніе къ »Русскому Голосу«.

9. »*Русскій Голос*«. Орган русской общественной мысли. Год изданія XII. За редакцію отвѣчает М. А. Марко. Фактическій редакторъ: В. И. Сѣрко-Билинскій. Вышло 49 номеровъ.

10. Яворскій Ю. А.: а) »*Карпаторусскіе варіанты двухъ малоизвѣстныхъ историческихъ пѣсенъ*«. Оттискъ изъ »Научныхъ Трудовъ Русскаго народнаго Университета въ Прагѣ. Прага, 1933. Стр. 12 въ 8⁰. I. Пѣсня о взятіи казаками Варны. II. Пѣсня о Хотинской битвѣ 1739 г.

11. Хиляк А. д-р: »*Виновники Талергофа*« В освѣщеніи исторических документов. Львовъ, 1933. Стр. 48 въ 16⁰.

12. П.(етръ) Г.(ригорьевичъ) Ч.(учвара): »*Россія*«, єі гео-

графічне положенє, населенє, державний порядок і природні богатства. Ізданіє автора. Львів, 1933. Стр. 31 въ 16⁰. Отзывъ въ »Огняхъ«, № 33 (прилож. къ »Русскому Голосу« 1933, № 24).

II.

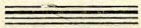
Американскія изданія.

13. *Любовь.* Мѣсячникъ въ 8 стр. in folio. Издатель: О-во »Русская православная любовь«. Адресъ: Lubov. P. O. Box 114. May field. U. S. A. Редакторъ: Ст. Ф. Телепъ.

14. »*Правда*«. Органъ о-ва Русскихъ Братствъ. Газета для русскаго народа въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. Выходитъ дважды въ недѣлю, по вторникамъ и пятницамъ, въ 4 стр. in folio большого формата. Годъ изданія XXXIV. Адресъ: Редакторъ: І. Т. Дзвончикъ. Pravda 1732. Brandywine Str. Philadelphia U. S. A.

15. »*Свѣтъ*«. Органъ о-ва »Взаимопомощь«. Русская ежедневная газета. Выходитъ по четвергамъ въ 8 стр. in folio большого формата. Годъ изданія XXXVI. Адресъ: Svet. 84 East. Market Str. Wilkes-Barre Pa. U. S. A.
Редакторъ: свящ. Іоаннъ Карашкевичъ. Газета обслуживаетъ организацію, состоящую изъ 220 православныхъ Братствъ.

Съ грустью въ сердцѣ приходится еще разъ сказать, что списокъ американскихъ изданій не полонъ. Здѣсь нѣтъ точныхъ свѣдѣній о томъ, что новаго напечатано въ Америкѣ. Несмотря на просьбы, нельзя было получить календари »Свѣта«, »Правды«, »Лемковщины«, которые несомнѣнно вышли изъ печати.



Сокращенная лѣтопись Ставропигійскаго Института.

1.

Правящій Совѣтъ 1934—1935.

Сеніоръ: *А. О. Гулла;* его товарищи: *А. Н. Сивулякъ* и *С. И. Билинкевичъ;* члены: *Я. И. Вербицкій,* преф. бурсы; *К. И. Ганасевичъ,* преф. типографіи; *І. Д. Глинскій,* преф. церкви; инж. *О. И. Гудзъ,* преф. домовъ; *А. А. Кенсъ,* преф. переплетной; д-ръ *А. В. Копыстьянскій,* преф. музея; *Е. В. Куспысь,* преф. кассы и бухгалтеріи; *Ю. И. Плешкевичъ,* преф. книжной лавки и магазина; *И. А. Сметанскій,* преф. бурсы; *Г. Л. Томчукъ,* прокуроръ Института; *М. С. Цебринскій* и д-ръ *Г. И. Чемерисъ,* секретари Правящаго Совѣта.

Контрольная комиссія: *П. А. Монастырскій, Е. Н. Пернаровскій* и *В. В. Еліасевичъ.*

2.

Старѣйшины и члены.

Исторія *старѣйшинъ* или *сеніоровъ* львовскаго Ставропигіона началась съ 1577 года; первыми сеніорами, извѣстными лѣтописи Братства, были Василій или Вашко (Васька) Тыновичъ и Ѳома Бабичъ, оба мѣщане гор. Львова. Полный списокъ старѣйшинъ въ хронологическомъ порядкѣ составилъ впервые Д. И. Зубрицкій въ своей лѣтописи (1850). Съ той поры этотъ списокъ, исправленный и пополненный проф. И. И. Шараневичемъ, перепечатывался ежегодно во »Временникахъ« Ставропигіона.

Списокъ здравствующихъ *членовъ* Ставропигійскаго Института въ порядкѣ поступленія напечатанъ въ прошлогоднемъ »Временникѣ«. Въ текущемъ году этотъ списокъ настолько измѣнился, что изъ 182 упокоились 7 членовъ. За дѣйствія во вредъ Института исключенъ Николай *Вербовскій.* Въ члены приняты: Мечиславъ *Кокуревичъ,* нотаріусъ въ Подгайцахъ; Романъ Григорьевичъ *Максимовичъ,* преподаватель гимназіи въ Горлицахъ; Романъ Ярославичъ *Луцыкъ,* чиновникъ О-ва им. Мих. Качков-

скаго во Львовѣ; Олегъ Юліановичъ *Луцыкъ,* инженеръ во Львовѣ; д-ръ Романъ Ивановичъ *Цыбыкъ,* директоръ госпиталя въ Жолквѣ; Александръ Андреевичъ *Гичко,* сов. фин. палаты во Львовѣ; Петръ Романовичъ *Красицкій,* инж. во Львовѣ; Антоній Осиповичъ *Яворскій,* управитель 5-кл. народной школы въ Ивановцахъ, уѣздъ Коломыя.

3.

Отчетъ о состояніи Института.

Отчетъ о *состояніи* Ставропигійскаго Института за 1933—1934 годы (23. IV. 1933 до 15. IV. 1934) вышелъ особымъ изданіемъ въ 16 стр. 8⁰. Къ Ѳомину воскресенію (15. IV. 1934) онъ былъ разосланъ всѣмъ членамъ Института и единогласно былъ одобренъ общимъ собраніемъ членовъ. Въ отчетѣ поданы справки о достиженіяхъ Правящаго Совѣта, о дѣлахъ церкви, музея, бурсы, типографіи, книжнаго магазина, переплетной, домовъ и Братской кассы за отчетный 1933-1934 годы. Къ отчету добавлены: Балансъ Ставропигійскаго Института въ активахъ и пассивахъ по конецъ 1933 года; Кассовый отчетъ за 1933 годъ и Протоколъ Контрольной Комиссіи.

4.

Изъ помяника Ставропигійскаго Института.

Иларіонъ Николаевичъ *Липецкій* (1870—1933), членъ всѣхъ центральныхъ галицко-русскихъ обществъ и замѣститель правительственнаго комиссара Русскаго Народнаго Дома во Львовѣ, упокоился 20-го октября 1933 года. Членомъ Ставропигійскаго Института состоялъ съ 1915 года.

Святославъ Ѳеодосьевичъ *Шанковскій* (1859—1934), родился 15-го ноября, происходилъ изъ старинной священнической семьи, въ которой крѣпки были русскія традиціи. Отецъ его, священникъ, долгіе годы былъ настоятелемъ прихода и деканомъ въ Станиславовѣ. Умеръ въ санѣ крылошанина. Святославъ Ѳеодосьевичъ получилъ среднее образованіе въ родномъ городѣ, университетъ посѣщалъ во Львовѣ и окончилъ юридическій факультетъ. Во Львовѣ состоялъ членомъ »Академическаго Кружка«, въ жизни котораго онъ принималъ активное участіе. Въ 1877—1881 гг. состоялъ членомъ Правленія. Всю свою службу по судейскому вѣдомству покойный провелъ въ Станиславовѣ, откуда только уѣхалъ во Вѣну, когда возникла война 1914 г. До выхода въ отставку состоялъ товарищемъ предсѣдателя окружнаго суда въ Станиславовѣ. Въ русской общественной жизни проявлялъ живую дѣятельность; состоялъ членомъ всѣхъ русскихъ обществъ въ Станиславовѣ и во Львовѣ и жертвовалъ на нихъ обильныя суммы. Скончался 13-го февраля 1934 г. въ Станиславовѣ. Похороны состоялись при многочисленномъ участіи его друзей и знакомыхъ. Надгробное слово

произнесъ проф. д-ръ Яковъ Медвѣцкій, въ которомъ отмѣтилъ большія для русскаго дѣла заслуги покойнаго. Въ члены Ставропигійскаго Института былъ принятъ въ 1924 году.

Антоній Ивановичъ *Гукъ* (1889—1934), мѣщанинъ гор. Львова, предсѣдатель читальни им. Михаила Качковскаго, членъ Правленія О-ва им. Качковскаго, за свои національно-русскія убѣжденія былъ вывезенъ въ Талергофъ. Возвратившись на родину, покойный сызнова принялся за народную работу среди львовскихъ мѣщанъ. Умеръ 1-го іюля 1934 года. Членомъ Ставропигійскаго Института состоялъ всего нѣсколько мѣсяцевъ.

Д-ръ Яковъ Ивановичъ *Поврозникъ* (1878—1934), одинъ изъ выдающихся общественныхъ дѣятелей гор. Станиславова. Полный жизни, активности и прямодушія, онъ всегда близко принималъ къ сердцу народныя дѣла и неустанной его заботой было преуспѣваніе русскаго движенія въ Галичинѣ. Въ мѣстной русской жизни онъ постоянно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы общества проявляли свою дѣятельность возможно шире, слѣдуя уставомъ указанной цѣли. Ибо уставъ для него не былъ только пустой бумагой, а былъ источникомъ организаціи и наказомъ воли членовъ. Яковъ Ивановичъ самъ принимался за работу и въ станиславовскихъ обществахъ исполнялъ должности предсѣдателя и казначея въ »Музѣ«, товарища предсѣдателя въ Филіи О-ва им. Михаила Качковскаго, которую послѣ войны онъ самъ основалъ и члена Правленія читальни им. Мих. Качковскаго. Кромѣ этого, онъ былъ членомъ русскихъ центральныхъ обществъ во Львовѣ. Какъ крестьянскій сынъ, Яковъ Ивановичъ сознавалъ необходимость сближенія русской интеллигенціи съ роднымъ селомъ и проводилъ всюду свою мысль, что культурно-національная работа должна опереться прежде всего на русскія крестьянскія массы, и въ деревни слѣдуетъ направлять всю энергію. Вышедши изъ бурсы Ставропигійскаго Института, онъ былъ высоко идейнымъ и истинно русскимъ патріотомъ въ наилучшемъ значеніи этого слова. Видя громадную пользу отъ знанія русскаго литературнаго языка, онъ настаивалъ на необходимости усвоенія его общественностью и самъ, не побывавъ даже въ Россіи, научился русскому языку, которымъ владѣлъ совсѣмъ свободно. Послѣ окончанія гимназіи, Яковъ Ивановичъ записался на юридическій факультетъ львовскаго университета; состоялъ членомъ студ. о-ва »Другъ«. Въ началѣ своей государственной службы работалъ въ судѣ, потомъ перешелъ въ прокуратуру и долгіе годы состоялъ прокуроромъ окружнаго суда въ Станиславовѣ, гдѣ за свою совѣстную и честную дѣятельность пользовался общей признательностью и авторитетомъ. По причинѣ порока сердца и болѣзни почекъ, принужденъ былъ выйти въ отставку. Умеръ 21-го іюля 1934 г., имѣя 56 лѣтъ, когда вся русская обществен-

ность расчитывала на новые плоды его свѣтлаго ума, прямого, честнаго характера и активной, сознательной воли и охоты къ работѣ. Поэтому его смерть является большимъ ударомъ для русской общественности гор. Станиславова, которая сохранитъ о немъ наилучшую память; несмотря на то, что онъ всѣмъ говорилъ правду прямо въ глаза, не было у него враговъ, и къ мнѣнію его всѣ прислушивались внимательно. Ибо всѣ чувствовали, что слова его идутъ отъ чистаго сердца, отъ русскаго сердца, горѣвшаго пламенной любовью къ святой Руси, къ ея историческому прошлому и крѣпко вѣрившаго въ свѣтлое будущее русскаго народа. Именно этой святой вѣрой онъ захватывалъ и вдохновлялъ другихъ къ работѣ. Пусть-же русская земля, которую онъ такъ горячо любилъ, примегъ его въ свои материнскія объятія, а русское потомство пусть по вѣчные вѣки лелѣетъ его идеалы! Похороны Якова Ивановича состоялись, несмотря на каникулярное время, при большомъ стеченіи народа. Священникъ-профессоръ богословія, д-ръ Яковъ Медвѣцкій, произнесъ прочувствованное надгробное слово, въ которомъ отмѣтилъ громадныя его заслуги для галицко-русскаго народа.

Всеволодъ Трушъ.

Степанъ Ивановичъ *Томасевичъ,* рожденъ 1858 г. въ Козловѣ, золочевскаго уѣзда, въ семьѣ крестьянъ. Послѣ окончанія гимназіи, всецѣло посвятился живописанію картинъ и портретовъ. Написалъ нѣсколько удачныхъ большихъ картинъ послѣ возвращенія изъ Италіи и Россіи, изъ Кавказа. За картину, изображающую адъ, С. И. Томасевичъ былъ даже судимъ и просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ. Дѣло было въ томъ, что среди грѣшниковъ въ аду онъ помѣстилъ австрійскаго высшаго чиновника, намѣстника Галиціи, графа Казиміра Бадени, прославившагося своими выборными методами. Процессъ и приговоръ къ тюремному заключенію сдѣлали имя Степана Ивановича очень популярнымъ на Галицкой Руси; его стали приглашать русскіе священники для работъ по живописанію церквей. Въ тѣ времена онъ хорошо зарабатывалъ и большую часть своихъ доходовъ жертвовалъ на школьную учащуюся молодежь. Въ 1914 г. потерялъ все свое имущество, и передъ австрійско-мадьярскимъ терроромъ принужденъ былъ уѣхать въ Россію. Вскорѣ получилъ тамъ занятіе по своей спеціальности при писаніи иконъ въ гор. Казани. До захвата власти большевиками жилось ему въ бѣженствѣ не плохо. Возвратившись на родину, вслѣдствіе старческой немочи не могъ уже заниматься своимъ дѣломъ. Горькая нужда заглянула въ его убогое жилище. Онъ жилъ на пособія Ставропигійскаго Института и Народнаго Дома. Въ члены Ставропигійскаго Института былъ принятъ въ 1904 г. Галицкая Русь потеряла въ немъ лучшаго своего сына.

Яко пріятъ въ соборъ заведенія Ставропигіанскаго, обязанности на мя уложенныя вѣрно и точно исполняти буду.

Братскій обѣтъ.

*

Въ воскресеніе, 2-го сентября, на Корніактовой колокольнѣ появился черный флагъ и въ 12 ч. дня могучіе звуки Кирилла разнесли по городу печальную вѣсть о кончинѣ лучшаго брата Ставропигіона, Николая Николаевича *Сивуляка*. Два дня спустя, изъ храма Успенія Богородицы его тлѣнные останки провожала львовская Русь на лычаковское кладбище и подъ сѣнью торжественной осени, подъ звуки погребальныхъ пѣснопѣній предала ихъ безъ лишнихъ словъ и сентиментовъ, тихо и съ сердечной скорбью, родной землѣ.

Свѣжую могилу окружили тѣснымъ кольцомъ родственники, многочисленное духовенство, во главѣ съ проф. д-ромъ Т. Мышковскимъ, представители школьной кураторіи, делегаты 2-ой гимназіи, воспитанники двухъ русскихъ бурсъ, профессора, ученики, многочисленные поклонники и друзья покойнаго. Однихъ привела къ ней память о хорошемъ воспитателѣ-учителѣ, вторыхъ — идея, которой онъ посвятилъ всю свою богатую трудами жизнь.

Въ среду вечеромъ, 3-го сентября, помянули добрымъ словомъ его имя всѣ львовскіе члены Ставропигійскаго Института.

*

Кто-же былъ таковъ Николай Николаевичъ? Каково его прошлое?

Онъ былъ сыномъ земледѣльцевъ, родился на зарѣ освобожденія крестьянъ отъ панщины, 14-го декабря 1846 г., въ с. Гучко на прикарпатскомъ подгорьѣ, возлѣ Добромиля. Нѣсколько времени спустя, его родители переселились въ Добромиль, гдѣ пріобрѣли и собственный участокъ земли. Тамъ онъ окончилъ начальное училище. Гимназію посѣщалъ въ Перемышлѣ. Получивъ въ 1866 г. аттестатъ зрѣлости съ отличіемъ, онъ поступилъ слушателемъ философскаго факультета львовскаго университета и окончилъ его въ 1871 г. по математическому и физическому отдѣленіямъ.

Въ концѣ того-же года онъ былъ назначенъ суплентомъ гимназіи въ Ряшевѣ, но уже въ слѣдующемъ году былъ переведенъ во Львовъ, въ гимназію им. Франца-Іосифа. Въ 1873 г. онъ перешелъ въ гимназію въ Дрогобычѣ съ дипломомъ преподавателя. Вскорѣ, однако, опять былъ переведенъ въ Ряшевъ, гдѣ оставался пять лѣтъ, а оттуда обратно во Львовъ, во 2-ую нѣмецкую гимназію, и здѣсь, какъ преподаватель математики и физики, служилъ до 1907 года. Вышелъ въ отставку, награжденный чиномъ школьнаго совѣтника.

Ученики покойнаго Николая Николаевича, всѣ единогласно, съ большой похвалой говорятъ о высокой его педагогической эрудиціи. Онъ былъ хорошій теоретикъ и практикъ. Научаніе и воспитаніе, касающіяся духовнаго развитія школьной молодежи, у него основывались на познаніи ея физіологіи и души. Его любили и почитали за то, что онъ умѣлъ найти путь къ сердцу своего воспитанника и благотворно воздѣйствовать на его чувство. Подъ его рукой ученикъ любилъ его предметъ и свое занятіе, ибо всегда и на каждомъ шагу встрѣчалъ пониманіе своей иниціативы, вслѣдствіе чего въ немъ росла и усиливалась любовь къ своему труду. Это былъ не только учитель, но одинъ изъ лучшихъ благороднѣйшихъ вождей молодежи, умѣющій владѣть ея сердцемъ и душой, вмѣстѣ съ нею чувствовать и думать и подготовлять ее къ практической жизни. Это былъ педагогъ въ лучшемъ значеніи этого слова. Онъ не пользовался методами и указаніями, выработанными другими, но собственными усиліями въ области школы изслѣдовалъ почву и постоянно наблюдалъ и изучалъ своихъ учениковъ; и вмѣстѣ съ ними рѣшалъ задачи и жизненные вопросы.

*

Въ альбомѣ членовъ Ставропигійскаго Института находимъ не мало славныхъ именъ, потрудившихся въ его пользу. Таковы братья Рогатинцы, Красовскій, Папара, Гушалевичъ, Головацкій, Шараневичъ, Савицкій, Калужняцкій и много-много другихъ.

Не послѣднее мѣсто, въ лѣтописи Ставропигіона, среди нихъ принадлежитъ Николаю Николаевичу Сивуляку, который принесъ братскій обѣтъ въ 1878 г., и съ той поры постоянно въ его жизни принималъ самое дѣятельное участіе. Ему довелось исполнять въ Институтѣ разныя должности: префекта церкви, кассы, типографіи, переплетной и бурсы.

Всегда точный, добросовѣстный, исполнительный и вѣрный братской присягѣ, Николай Николаевичъ на всѣхъ поприщахъ работалъ съ одинаковымъ рвеніемъ и всюду оставилъ глубокій слѣдъ, о чемъ отчетливо свидѣтельствуютъ протоколы засѣданій Правящаго Совѣта довоеннаго времени. Часто среди нихъ находимъ лаконическое рѣшеніе: дѣло передано Николаю Николаевичу Сивуляку ad referendum.

Вглянувъ глубже въ эти дѣла, приходимъ къ заключенію, что это были весьма важные и тяжелые вопросы: провѣрка прихода и прибыли отъ проданныхъ книгъ, составленіе процентовъ и скидокъ, контракты съ разными торговцами, подсчеты кассовыхъ книгъ, разработка проектовъ для различныхъ комиссій, отчеты о фактурахъ, цѣны книгамъ, доклады о типографіи и машинахъ, стипендіи и пособія, вознагражденія за статьи и корректуры и пр.

Коротко говоря, Николай Николаевичъ былъ однимъ изъ наиболѣе трудоспособныхъ и трудолюбивыхъ работниковъ при

сеніорахъ: Шараневичѣ, Гарасимовичѣ, Яминскомъ, Ивасечкѣ и Цыбыкѣ. Въ 1901—1906 гг. онъ былъ вторымъ, затѣмъ до конца войны первымъ товарищемъ сеніора.

За оказанныя Ставропигіону услуги, требующія подчасъ большого труда, напряженія ума и затраты времени, многократно на засѣданіяхъ и общихъ собраніяхъ высказывали ему братья горячую благодарность. Въ знакъ признательности за безкорыстное служеніе и добросовѣстное исполненіе принятыхъ на себя задачъ, послѣ войны, братья рѣшили украсить залъ засѣданій его портретомъ.

Рѣшеніе исполнено.

*

Не въ одномъ Ставропигійскомъ Институтѣ трудился покойный Николай Николаевичъ. Будучи членомъ всѣхъ центр. галицко-русскихъ обществъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ членомъ-основателемъ, съ молодыхъ лѣтъ, своей весны до послѣднихъ дней богатой осени, онъ жилъ Русью и только для Руси. Въ поискахъ путей къ счастью народа онъ скоро нашелъ самую вѣрную стезю къ намѣченной цѣли, а именно, что только величіе духа, любовь къ идеѣ и чистота дѣла могутъ двинуть его впередъ. Въ этомъ духѣ онъ воспиталъ лучшихъ борцовъ за русское дѣло, духовныхъ и мірскихъ интеллигентовъ. Дудыкевичъ, Мончаловскій, Вергунъ, Марковы, Глушкевичи, Панасъ и много другихъ выдающихся дѣятелей вышли изъ его школы. Всегда прямой, безъ колебаній, онъ былъ свѣтлымъ, нравственнымъ, весьма симпатичнымъ русскимъ человѣкомъ, глубоко вѣрилъ въ торжество свѣта, добра и нравственной красоты.

Въ 1915 г. передъ австро-мадьярскимъ терроромъ, Николай Николаевичъ вынужденъ былъ уйти въ Россію. Онъ жилъ въ Кіевѣ и въ Ростовѣ на Дону, откуда черезъ Константинополь, возвратился обратно на родину въ 1921 г. Умеръ на 88 г. жизни, оставивъ по себѣ память хорошаго семьянина, гражданина, воспитателя и патріота.

Романъ Ѳеофиловичъ *Турчмановичъ* (1867—1934) отст. чиновникъ львовскаго воеводства, упокоился въ Старомъ Самборѣ 27-го сентября.

5.

350 лѣтъ существованія Ставропигіона.

Ставропигійскій Институтъ готовится къ великому своему юбилею, который состоится въ началѣ слѣдующаго года. Въ немъ совершится 350 лѣтъ его славной жизни на Галицкой Руси. Ибо въ грамотѣ антіохійскаго патріарха Іоакима сказано: »Въ лѣто отъ созданія міра 7904, а по рождествѣ Христа 1586, мѣсяца януарія первый день, пришедшу мы въ градъ Львовъ въ епископію галичскую прійшли предъ насъ и предъ наше

право духовное мѣщане львовскіи, вси посполе Ктиторе храма Успенія пречистыя Божія Матери въ градѣ Львовѣ, хотящи братство устроити, соединившися любовію духовною; тогоради мы смиренни по дару св. Духа благословляемъ ихъ на братство духовное, утверждаючи ихъ евангельски жити«.

Эта цѣнная грамота патріарха Іоакима является треугольнымъ камнемъ подъ строительство львовскаго Ставропигіона; онъ получилъ Уставъ съ точными предписаніями и правилами, какъ долженъ устроить свою духовную жизнь и исповѣдывать свою вѣру. Львовскіе мѣщане съ рѣдкимъ усердіемъ занялись дѣлами своей церкви, построили для калѣкъ, сиротъ и стариковъ пріютъ и больницу, создали училище съ преподаваніемъ греческаго и церковно-славянскаго языковъ, церковнаго пѣнія и восточнаго обряда, отдали это училище подъ надзоръ наилучшихъ того времени педагоговъ-учителей, устроили бурсу для дѣтей всѣхъ сословій и для печатанія необходимыхъ книгъ завели типографское искусство.

Оцѣнивая громадное значеніе высокопатріотическаго начинанія своихъ предковъ, Правящій Совѣтъ желаетъ отдать ихъ тѣнямъ глубокую благодарность и высокую честь за горѣніе и ревность къ своей идеѣ, вѣрѣ, любви къ родинѣ и неусыпный трудъ, вѣря, что вся галицко-русская общественность придетъ ему съ посильной поддержкой.

6.

Музей Ставропигійскаго Института.

Музей основанъ въ 1886 г. проф. И. И. Шараневичемъ по случаю 300-лѣтней годовщины основанія Ставропигійскаго Братства. Въ немъ хранятся археологическія находки, добытыя изъ могилъ и кургановъ въ Галичѣ и Плѣснискѣ, и всякая церковная утварь, рукописныя и печатныя книги, которыя бросаютъ яркій свѣтъ на прошлое Галицкой Руси. Знаемъ прекрасно, что у нашихъ людей въ домашнихъ библіотекахъ, въ храмахъ, на чердакахъ, колокольняхъ, въ разныхъ темныхъ погребахъ и закаулкахъ пропадаютъ отъ пыли и грязи старыя вещи, какъ иконы, кресты, книги, фелоны, ризы и прочіе древніе предметы. Все выше названное найдетъ безопасное и на долгія столѣтія мѣсто въ музеѣ Ставропигіи, надлежащимъ образомъ будетъ подвергнуто разслѣдованію и изученію и затѣмъ описано.

Въ Музей Ставропигійскаго Института вошелъ цѣликомъ *Талергофскій Музей.* Среди нашихъ людей еще много памятныхъ вещей изъ Талергофа, Терезина, Вѣны и другихъ австромадьярскихъ вязницъ, много документовъ, писемъ, распоряженій и снимковъ, освѣщающихъ печальный періодъ Галицкой Руси. И эти вещи должны найтись въ Ставропигіонѣ.

7.

Издательство.

Уже полныхъ 70 лѣтъ подаетъ справки о дѣятельности Ставропигійскаго Института издаваемый имъ ежегодно: »*Временникъ*«. Несмотря на скромность своихъ выпусковъ, это изданіе представляетъ большое значеніе, какъ по темамъ, такъ и по богатству напечатанныхъ въ немъ изслѣдованій и статей, изъ которыхъ можно составить всю исторію львовскаго Ставропигіона.

Однако, издательство Института касается прежде всего *церковной литературы* и безпрерывно 360 лѣтъ служитъ этой цѣли. Отъ появленія »Апостола« 1574 г., напечатаннаго славнымъ Иваномъ Федоровымъ, постоянно печатала Ставропигійская типографія церковныя книги и до сихъ поръ продолжаетъ ихъ печатать. Въ настоящее время Институтъ располагаетъ громаднымъ запасомъ этихъ книгъ, вслѣдствіе этого недорогихъ и напечатанныхъ на наилучшей бумагѣ.

В. Р. Ваврикъ.

8.

Списокъ церковныхъ книгъ и свидѣтельствъ,
находящихся въ магазинахъ Ставропигійскаго Института.

а) Церковныя книги (1-ая ц. прпл., 2-ая бр.):

Акафистъ великій	7.00	5.00
Три акафисты	2.00	1.00
Акафистъ усопшихъ	—	—.60
Апостолъ великій	20.00	15.00
Апостолы и Евангелія	2.00	1.00
Библійніи повѣсти	4.00	1.00
Богогласникъ малый	3.50	1.00
Богословіе нравственное (ч. I. и II.)	—	1.00
Богослуженіе на св. Богоявленіе	1.50	—.80
Глагопѣснецъ	17.00	12.00
Евангеліе страстное	—	3.00
Евангеліе середное	—	88.70
Евангеліе Апракосъ	57.85	44.50
Изборникъ	17.00	12.00
Ирмологіонъ	25.00	15.00
Литургія св. Іоанна Злат.	—	5.00
Молитвословъ іерейскій большій	10.00	7.00
Молитвословъ іерейскій меншій	6.00	4.00
Молитвословъ Богъ надежда	2.50	1.50
Молитвословъ Кормъ души	2.50	1.50
Молитвословъ Господу помолимся	2.00	1.50
Молитвословъ Другъ души	2.00	1.50
Молитвословъ для молодежи	1.00	—.75
Молитвословъ для дѣтей	—.80	—.60
Октоихъ	45.00	32.00

Осмогласникъ	18.00	10.00
Пѣснословъ малый	—.60	—
Помяникъ покойниковъ	—.50	—.10
Псалтырь малая	5.00	3.00
Служба Божа различныхъ намѣреній	—	5.00
Служебникъ	44.35	35.98
Требникъ (ч. I. и II.)	28.00	22.00
Требникъ ч. I., II. по	14.00	11.00
Тріодь цвѣтная	30.00	25.00
Тріодь постная	25.00	17.00
Тропари воскресніи и Прокимени	—	—.60
Часословъ великій	30.00	20.00
Часословъ малый	2.00	1.50
Чинъ вечерни и Сборникъ пѣсенъ	—	—.50
Чинъ вечерни и утрени	1.00	—.60
Чинъ крещенія и мироп.	—.80	—.50
Чинъ посѣщенія больныхъ	—.80	—.50
Чинъ парастаса	3.50	2.00
Чинъ Тайны супружества	—	—.40
Св. письмо о. Бачинскаго (I—VII) по	8.00	5.00
Право церковное	7.00	4.00
Богословіе моральное	5.00	3.00
Богословіе пастырское	5.00	3.00
Псалтырь	4.00	2.00
Новый Завѣтъ	8.00	5.00
Коляды	—	—.60

б) Свидѣтельства:

Выпись изъ метрикъ	—.10
До оголошенья оповѣдей	—.10
Книга оповѣдей	—.10
Метрика вѣнчанныхъ	—.10
Метрика рожденныхъ	—.10
Метрика усопшихъ	—.10
Молитвы:	
Умыю руцѣ	—.20
Богородице Дѣво, Радуйся Царице	—.50
по св. Причастію	—.50
Проскомидія	—.50
Предбрачный протоколъ	—.10
Протоколъ дѣйствія	—.10
Протоколъ декан. посѣщенія	—.20
Свидѣтельство крещенія	—.10
Свидѣтельство оповѣдей	—.10
Свидѣтельство вѣнчанія	—.10
Свидѣтельство смерти	—.10
Списокъ прихожанъ (парохіянъ)	—.10
Церковный инвентарь, брош.	1.50
Церковный инвентарь, перепл.	3.50

Содержаніе „Временника“ на 1935.

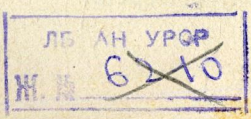
С. Ю. Бендасюкъ: **Общерусскій первопечатникъ Иванъ Федоровъ и основанная имъ братская Ставропигійская типографія во Львовъ.**

В. Р. Ваврикъ: **Значеніе Талергофа.** 2-й Талергофскій Съѣздъ. Рѣчи, привѣтствія и отзывы.

Д-ръ А. В. Копыстянскій: **Талергофскій музей.**

В. Р. Ваврикъ: **Галицко-русская библіографія за 1933 годъ.**

Сокращенная лѣтопись Ставропигійскаго Института.



ПРОВЕРЕНО
1987
1935
РК III
40.118
200
Дубл. 167

ГОДЪ ИЗДАНІЯ LXXI.

ВРЕМЕННИКЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАПИСКИ ЛЬВОВСКАГО СТАВРОПИГІОНА

на 1935 годъ.

ПОЯВЛЯЕТСЯ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
В. Р. ВАВРИКА.

ЛЬВОВЪ, 1934.

Типографія Ставроп. Инстит. въ арендѣ З. М. Медыцкаго, Львовъ, ул. Бляхарская 9.